

**ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Российская академия наук
Институт языкознания
Совет молодых ученых и специалистов

**ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Москва 2005

Ответственный редактор

Е. Р. ИОАНЕСЯН

Проблемы и методы современной лингвистики. Сборник научных трудов. Вып. 1. Москва, 2005. 258 с.

Сборник является первым из цикла публикаций, подготовленных Советом молодых ученых и специалистов Института языкознания РАН. Данный выпуск представляет статьи разнообразные как по предмету, так и по методам исследования. Большая часть статей посвящена проблемам семантики и прагматики лексических единиц и грамматических категорий. Особое место в сборнике занимают работы, проведенные на материале германских языков в рамках традиционных грамматических исследований. Несколько статей содержат интересные разработки из области сравнительно-исторического и типологического языкознания. В целом ряде статей рассматривается комплекс психолингвистических проблем. Все статьи, хотя и весьма разнообразные по тематике, объединены интересом к наиболее важным проблемам, занимающим внимание лингвистов в настоящее время.

Сборник предназначен для широкого круга студентов, аспирантов и специалистов, интересующихся проблемами лингвистики.

© Институт языкознания РАН, 2005

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник начинает цикл публикаций, подготовленных Советом молодых ученых и специалистов Института языкознания РАН. Данный выпуск представляет статьи, разнообразные как по предмету, так и по методам исследования.

Как известно, для современного этапа развития лингвистики характерно понимание того, что на процесс порождения высказывания оказывает влияние очень много различных по своей природе факторов: это и категории мышления, и общий фонд знаний, и психологические механизмы, и внеязыковая, экстралингвистическая реальность, и коммуникативная ситуация, и цель, которую ставят перед собой участники общения и т.п. Статьи, посвященные изучению подобного рода проблем, мы объединили в рубрики «Семантика и прагматика лексических единиц и грамматических категорий» и «Принципы анализа текста. Теория речевых актов». В работах Е.Маццолы и М.А.Петровой развивается тема модальности. В статье Е.Маццолы систематизируются разноуровневые средства итальянского языка (лексические, синтаксические, просодические), которые выполняют функции, сходные с функциями русской модальной частицы *же*. В отличие от смысла однозначного слова, для определения которого обычно достаточен контекст включающего его предложения, смысл частицы полностью раскрывается в более широком контексте, и поэтому для понимания вклада модальной частицы в семантику высказывания и нахождения адекватного способа перевода ее на другой язык необходима опора на смысл всего предтекста употребления данной частицы. С вопросами, рассматриваемыми в работе Е.Маццолы, перекликается проблематика статьи М.А.Петровой, посвященной способам имплицитного выражения значений внутренней и внешней возможности в русском языке. Имплицитная модализованность русских предложений, как показывает автор, часто проявляется при переводе – предложение на иностранном языке содержит тот или иной модальный предикат, в то время как в русском высказывании со-

ответствующий смысл передается грамматическими и/или синтаксическими средствами.

Традиционно сохраняется интерес лингвистов к оценочному компоненту высказывания. В.Е.Алексеева анализирует своеобразие эстетической оценки в творчестве Л.Н.Толстого и взаимодействие эстетического и этического в тексте. О.Н.Мартинская обращается к исследованию сложных оценочных существительных в португальском языке. Интерес к этому пласту лексики обусловлен тем, что оценочные дескрипции в очень сильной мере отражают картину мира, заданную языком.

Еще одна проблема, неизменно привлекающая внимание лингвистов, – проблема организации фразеологической системы языка. Это направление представлено в сборнике статей П.П.Ветрова, в которой предлагается образно-кодированная система отображения объектов окружающей действительности, лежащая в основе «привычных речений» современного китайского языка (при этом показывается, что жестких границ между кодами нет). В статье В.В.Бушуевой исследуется функционирование терминов кулинарной сферы в составе многочисленных фразеологизмов, пословиц и поговорок современного итальянского языка в аспекте выявления этностереотипов и культурных концептов, имеющих национальную специфику.

Преимущества когнитивно-дискурсивного подхода к анализу терминов рассматриваются в работе О.А.Зябловой. Применение методологических положений когнитивно-дискурсивной парадигмы к определению терминов расширяет, по мнению автора, возможности понимания их функций и значения в деятельности человека и позволяет раскрыть их информационную емкость и понятийно-семантическую структуру.

Изучению функционирования форм прошедшего времени в алтайском языке посвящена статья Л.Б.Теновой, причем автор описывает и модальные оттенки значений этих форм.

С.В.Мичугина, исследуя цветообозначения в современной английской лексикографической модели, выделяет четыре основные модели, лежащие в основе их лексикографического описания. Каждая из моделей может иметь несколько структурных разновидностей, но общим для всех четырех моделей является наличие эксплицитного или имплицитного сравнения (одного цвета с другим, одного цвета с цветом какого-либо объекта и т.п.).

Весьма актуальная проблема, объединяющая собственно семантические исследования и изучение прагматического аспекта коммуникации, рассматривается в работе П.А.Репиной, посвященной явлению неопределенности и недоговоренности в творчестве Ф.М.Достоевского. Недоговоренность и неопределенность, как показано в статье, являются очень важ-

ными приемами включения читателя в процесс восприятия текста, делающего из него в определенном смысле соавтора текста.

Объектом исследования М.А.Степановой является такой популярный жанр, как интервью. Отмечая ряд отличительных особенностей его макроструктуры (характер заголовка, соотношенность заголовка-цитаты с определенными слотами фрейма, фокус, типы изложения и т.д.), автор подробно анализирует структурные признаки заголовков интервью. В статье И.Ю.Мосоловой представлено описание французской лексемы *compliment* с точки зрения того, какие речевые акты она может обозначать.

Особое место в сборнике занимают статьи В.И.Карпова и Э.Л.Шубиной, выполненные на материале германских языков в рамках традиционных грамматических исследований. Предметом изучения В.И.Карпова являются сложные слова и словосочетания в готском языке. В статье рассматривается вопрос о том, сохраняют ли компоненты сложных слов связь с однокорневыми лексемами в свободном употреблении, каков характер этой связи и какую роль при этом играет соединительный элемент. Статья Э.Л.Шубиной содержит интересные наблюдения над явлениями современного немецкого языка, которые не получили нормативного оформления и представляют собой яркий случай грамматического варьирования. Исследуя синтаксическое оформление количественных словосочетаний, автор делает вывод о том, что оно определяется грамматическими характеристиками и семантикой их компонентов, индивидуальными предпочтениями автора в выборе подчинительной связи, а также тем, обозначает ли существительное в позиции первого компонента точное или приблизительное число или количество.

Раздел «Сравнительно-исторические и типологические исследования» представлен двумя авторами. Статья А.С.Мельникова отражает возросший интерес лингвистов к сравнительно-историческим и типологическим исследованиям в области акцентуации. Стабильность категориального характера ударения в германских языках и существующая в славянских языках тенденция к категориализации акцента (праславянский язык показывает противоположный принцип акцентной организации – так называемый «парадигматический принцип») убеждают автора в том, что категориальный принцип является универсальным и отражает морфологическую природу ударения. Тенденция к переходу от категориального принципа к парадигматическому оказывается более редкой. Статья Е.В.Авдеева посвящена исследованию вопросительных местоимений.

Автор выделяет два существенных их свойства: формальную и функциональную близость с неопределенными местоимениями и способность к выражению грамматических категорий. При этом в статье приводятся любопытные данные из разных языков, свидетельствующие о возможности выражения вопросительными местоимениями категории «определенность/неопределенность». Анализ предложений, содержащих частный вопрос, приводят Е.В.Авдеева к выводу о неадекватности термина «местоимение» для отражения всего того многообразия форм, которые представлены в языках мира. В работе вместо термина «местоимение» предлагается термин «вопросительное слово» (для случаев использования так называемых «вопросительных глаголов» со значением 'что делать?') и термин «аналог вопросительного слова» (для случаев выражения значения частного вопроса с помощью аффиксальных показателей).

Раздел «Психолингвистика» содержит четыре статьи. Статья Е.О.Симкиной посвящена одной из важнейших проблем психолингвистики – исследованию смысловых компонентов текста, определяющих его понимание. В ходе двухэтапного эксперимента устанавливается зависимость между характером и степенью обнаружения смысловой доминанты текста и его жанром (эксперимент проводится с учетом всех необходимых условий и соблюдением параметров валидности и презентативности). Эксперимент лежит в основе исследования и другого автора – Е.В.Лузгиной. Здесь с помощью эксперимента изучается оптимальное соотношение длительности звучания родной и иностранной речи на уроке. Б.Н.Псеунова выбирает в качестве объекта исследования национально-культурную специфику образов языкового сознания русских и адыгов в гендерном аспекте. В статье В.А.Нуриева излагаются основные положения поэтики перевода, отражающие ее определенные механизмы: принцип примата индивидуального (индивидуации), постулат тотальности сознания автора, принцип доминантности сознания, постулат о смысловых универсалиях. Рассматривая художественный перевод в прагматическом ключе, автор выделяет в качестве основополагающей идеи идею многодоминантности художественного перевода. При этом принципиально важным элементом является реконструкция эмоциональной и эстетической модальности исходного текста.

Как можно видеть, несмотря на разнообразие тем, все статьи объединены интересом к наиболее важным проблемам, занимающим внимание лингвистов в настоящее время. Хотя некоторые работы выполнены на материале отдельных языков, все статьи трактуют вопросы, важные и в общелингвистическом плане.

Семантика и прагматика лексических единиц и грамматических категорий

В.Е.Алексеева

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ *КРАСИВЫЙ* И *ПРЕКРАСНЫЙ* У Л.Н.ТОЛСТОГО: ЭТИЧЕСКАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Своеобразие эстетической оценки прилагательных *красивый* и *прекрасный* у Л.Н.Толстого заключается во взаимодействии этического и эстетического в их семантике. Проведенный анализ этих прилагательных на материале текста романа «Война и мир» позволяет отнести их к группе сублимированной оценки, в которой соединены эстетические и этические критерии. «Эта группа оценок не безразлична к понятию архетипа – нормы, образца, примера, потенциальных требований, предъявляемых объекту. При этом положительная эстетическая оценка исключает строгую нормативность. Эстетическое чувство не может быть удовлетворено стандартом» [Арутюнова 1998: 199].

Эстетическая оценка воспринимается человеком через эстетическое сознание, которое еще в античном мире приобрело относительно самостоятельное значение, играя заметную роль в становлении и развитии личности. Эстетическое сознание – это та форма или часть общественного сознания, которая отражает эстетическое отношение человека к миру и выражает его активное стремление к гармонии, совершенству, красоте, идеалу. В древности существовало весьма расширенное представление о красоте: красивым признавалось благо, здоровье, богатство, почет – словом, все то, что полезно, пригодно и т.д., красота рассматривалась не столько с эстетической точки зрения, сколько с точки зрения этических характеристик.

То же наблюдается и в древнерусских текстах: представление о красоте соединяет в себе эстетические и этические критерии. В языке Пушкина еще сохранилась живая связь именно с таким – широким – пониманием красоты в терминах «благо», ср.: *Всем красны боярские конюшни: // Чистотой, прислугой и конями, // Всем до-*

вольны добрые кони: // Кормом, стойлами и надзором... [Яковлева 1997: 201].

Исследования особенности оценки у прилагательных *красивый* и *прекрасный* начинается с области их денотации. В целом, область денотации прилагательных эстетической оценки – это прежде всего мир наблюдаемый, воспринимаемый зрением (реже – слухом): телесный, артефактный мир человека и природы, человек, его тело, части тела, движения тела, вещный, окружающий его мир, животные, растения, явления природы, – все, что воспринимается зрением и слухом и восприятие чего доставляет эстетическое наслаждение. Исследование денотативного охвата прилагательных эстетической оценки обнаруживает причудливость их распределения – по отношению к мужчине, к женщине, к природе, артефактам и т.д.

I. Прилагательное *красивый*. Денотативное распределение прилагательного *красивый* в романе «Война и мир» может быть представлено и проанализировано по следующим группам: обобщенная и конкретная характеристика женщины, мужчины, человека в целом, отдельных черт внешности и некоторых других.

1. Красивая женщина. Эстетическая оценка внешних качеств женщины может содержать обобщенную характеристику: – *Ну, теперь за здоровье красивых женщин*, – сказал Долохов и с серьезным выражением лица, но с улыбающимися уголками рта, с бокалом обратился к Пьеру. – *За здоровье красивых женщин*, Петруша, и их любовников, – сказал он. Он писал письма своим дочерям и т-те Stael, читал романы, любил общество красивых женщин, шутил с генералами, офицерами и солдатами и никогда не противоречил тем людям, которые хотели ему что-нибудь доказать. В данном случае множественное число объекта эстетической оценки имеет собирательное значение, позволяющее выделить класс объектов (женщины). Прилагательное *красивый* во множественном числе со значением собирательности отражает стереотипное представление, складывающееся в культуре (ср.: *глупые женщины*, *болтливые женщины* и т.п.). Обобщенный характер высказывания, кроме того, эксплицирован в устойчивой конструкции *красивые женщины* + местоимение (*все, всякая* и т.д.): *Наташа до такой степени опустилась, что ее костюм, ее прическа, ее невпопад сказанные слова, ее ревность – она ревновала к Соне, к гувернантке, ко*

всякой **красивой** и некрасивой **женщине** – были обычным предметом шуток всех ее близких. – Говорят, что бал будет хорош, – отвечала княгиня, вздергивая с усиками губку. – Все **красивые женщины** общества будут там. Множественность объекта предполагает целостное, надындивидуальное, обобщенное описание внешности.

Индивидуальная, персонифицированная характеристика возникает в результате непосредственного зрительного восприятия человека (обычно женщины): *Несколько раз, взглянув в том направлении, он заметил за дверью, в розовом платье и лиловом шелковом платке на голове, полную, румяную и **красивую женщину** с блюдом, которая, очевидно, ожидала входа главнокомандующего. Скоро после дядюшки отворила дверь – по звуку ног очевидно босая – девка, и в дверь с большим уставленным подносом в руках вошла толстая, румяная, **красивая женщина** лет сорока, с двойным подбородком и полными, румяными губами. – Куда вы? – спрашивал пехотный офицер, евший яблоко, тоже полуулыбаясь и глядя на **красивую девушку**.*

Характеристика **красивая** присуща по большей части молодым, юным женщинам и девушкам: *Конечно, **красивая** молодая **девушка** без определенного положения в свете, без родных и друзей и даже родины не думала посвятить свою жизнь услугам князю Николаю Андреевичу, чтению ему книг и дружбе к княжне Марье. Вера была двадцатилетняя, **красивая девица**; Соня шестнадцатилетняя девушка во всей прелести только что распустившегося цветка; Наташа полубарышня, полудевочка, то детски смешная, то девически обворожительна.*

В тексте Толстого употребляются устойчивые сочетания **красивый** + имя собственное в именительном падеже ед. ч.: ***Красивая Вера** презрительно улыбнулась, видимо не чувствуя ни малейшего оскорбления. – Да, меня совсем иначе воспитывали, – сказала старшая, **красивая** графиня **Вера**. **Красивая Вера**, производившая на всех такое раздражающее, неприятное действие, улыбнулась и, видимо, не затронутая тем, что ей было сказано, подошла к зеркалу и оправила шарф и прическу: глядя на свое красивое лицо, она стала, по-видимому, еще холоднее и спокойнее.* В данном случае устойчивое сочетание **Красивая Вера** выполняет не столько оценоч-

ную, сколько номинативную функцию. Возможно, данное сочетание носит иронический характер (ср.: *глупая Эльза*). Такая же конструкция характерна и для прилагательного *прекрасный*: *Пьера целовали, и он несколько раз целовал руку прекрасной Элен. – У меня будет прекрасная Элен, на которую никогда не устаешь любоваться.*

Кроме обобщенного описания внешности каких-либо объектов, в тексте есть описание отдельных внешних черт и движений. Характеристика лица, груди, улыбки, как и описание женщины в целом, отличается обобщенностью, отсутствием конкретизации в тех или иных чертах, свойствах: *Она видела и m-lle Vouignette с ее лентой и красивым лицом и оживленным, как никогда, взглядом, устремленным на него; но она не могла видеть его, она видела только что-то большое, яркое и прекрасное, подвинувшееся к ней, когда она вошла в комнату. Красивая Вера, производившая на всех такое раздражающее, неприятное действие, улыбнулась и, видимо, не затронутая тем, что ей было сказано, подошла к зеркалу и оправила шарф и прическу: глядя на свое красивое лицо, она стала, по-видимому, еще холоднее и спокойнее. Она была так дурна, что ни одной из них не могла прийти мысль о соперничестве с нею; поэтому они совершенно искренно, с тем наивным и твердым убеждением женщин, что наряд может сделать лицо красивым, принялись за ее одеванье. – Sachez, Monseigneur, pour tout ce qui a rapport à mes sentiments intimes, je ne rends compte qu'à Dieu et à ma conscience, – кончила она, дотрагиваясь рукой до высоко поднявшейся красивой груди и взглядывая на небо. Во все время разговора она сидела прямо, поглядывая изредка то на свою полную красивую руку, легко лежащую на столе, то на еще более красивую грудь, на которой она поправляла бриллиантовое ожерелье... В первый раз, как молодое иностранное лицо позволило себе делать ей упреки, она, гордо подняв свою красивую голову и вполборота повернувшись к нему, твердо сказала...*

2. *Красивый* мужчина. Мужская красота имеет менее обобщенный характер, можно предположить, что это связано с большей стереотипизацией красоты женщины: «Это некое устойчивое, минимизированно-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или о ситуации. Причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации,

когда-либо имевших место и впоследствии приобретших статус «прецедента», но о предмете или ситуации, так сказать, «вообще» [Красных 2003: 232].

Красота мужчин у Толстого также имеет стереотипизированный характер: красивы прежде всего военные – офицер, генерал, адъютант, солдат и др. Образ военного является социально и культурно значимым для того времени, своего рода концептом с набором стереотипных качеств и свойств: красивый, храбрый, сильный и т.д. Существовал «культ мундира» в дворянском быту. Конечно, особенно в глазах прекрасного пола, не последнюю роль играла эстетическая оценка: расшитый, сверкающий золотом или серебром гусарский, сине-красный уланский, белый (парадный) конногвардейский мундир был красивее, чем бархатный кафтан щеголя или синий фрак англомана [Лотман 1997: 25]. Кроме того, «Табель о рангах» ставила военную службу в привилегированное положение. Это выражалось, в частности, в том, что все 14 классов в воинской службе давали право наследного дворянства, в статской же службе такое право давалось с VIII класса. Русские императоры были военными и получали воинское воспитание и образование (*Красивый, молодой император Александр, в конно-гвардейском мундире, в треугольной шляпе, надетой с поля, своим приятным лицом и звучным негромким голосом привлекал всю силу внимания*). Все это находит подтверждение в многочисленных примерах из текста романа при описании военных у Толстого: *Солдаты, большей частью красивые молодцы (как и всегда в батареейной роте, на две головы выше своего офицера и вдвое шире его), все, как дети в затруднительном положении, смотрели на своего командира, и то выражение, которое было на его лице, неизменно отражалось на их лицах. Дежурный офицер отряда, мужчина красивый, щеголевато одетый и с алмазным перстнем на указательном пальце, дурно, но охотно говоривший по-французски, вызвался проводить князя Андрея. В середине залы красивый невысокий генерал с красным лицом бойко и ловко выделявал трепака... Оторвав по-солдатски эти последние слова и махнув руками, как будто он бросал что-то на землю, барабаничик, сухой и красивый солдат лет сорока, строго оглянул солдат-песенников и зажмурился. Вернувшись в Москву из армии, Николай Ростов был принят домашними, как лучший сын,*

герой и ненаглядный *Николушка*; родными – как милый, приятный и почтенный молодой человек; знакомыми – как **красивый** гусарский **поручик**, ловкий танцор и один из лучших женихов Москвы. Ближе всех за главнокомандующим шел **красивый адъютант**. Это был князь Болконский.

Описание *красивых мужчин* отличается большей, чем описание *красивых женщин*, детализацией как по внешним, так и по возрастным характеристикам. Толстой выделяет высоких, стройных, черноволосых, румяных, свежих людей: *Их было двое. Один – офицер, высокий, бравый и красивый мужчина*, другой – очевидно, солдат или денщик, приземистый, худой загорелый человек с ввалившимися щеками и тупым выражением лица. – Да, вот он мой герой, – сказал Кутузов к полному **красивому** черноволосому **генералу**, который в это время входил на курган. Это был Раевский... Он не успел договорить приговора Пятту, воображая себя в эту минуту самим Наполеоном... – как увидел входившего к нему молодого, стройного и **красивого офицера**. В двух шагах от него, громко говоря и обращая на себя общее внимание, стоял, опершись на сук и с обвязанною головой, высокий, **красивый**, черноволосый **унтер-офицер**. Наташа посмотрела по направлению глаз графини Безуховой и увидела необыкновенно **красивого адъютанта**, с самоуверенным и вместе учтивым видом подходящего к их ложе. В дверях послышалась легкая мужская походка, бряцанье шпор, и **красивый**, румяный, с чернеющими усиками, видимо отдохнувший на спокойном житье в Москве, вошел молодой **граф**. Одевшись для поездки во дворец в полную парадную форму, которой он уже давно не надевал, он, свежий, оживленный и **красивый**, с подвязанной рукой, вошел в кабинет Билибина. Но, не дойдя до них, Безухов остановился подле невысокого, очень **красивого брюнета** в белом мундире, который стоял у окна, разговаривал с каким-то высоким мужчиной в звездах и ленте. И она опять в своем воображении повторяла весь свой разговор с Кулагиным и представляла себе лицо, жесты и нежную улыбку этого **красивого** и смелого **человека**, в то время как он пожал ее руку. Четвертый был мужик, очень **красивый**, с окладистой русою бородой и черными глазами. Видно, ей самой было странно подумать, что этот строгий, **красивый мужчина** был тот самый Андрияш, худой, шаловливый мальчик, товарищ

детства. Вот и этот тоже, – думал Пьер, глядя в лицо полицей-
мейстера, – какой славный, **красивый офицер** и так добр!

Возрастная характеристика **красивых мужчин** колеблется в
большем диапазоне от мальчика до старика, женщина же большей
частью красива лишь молодая: *Один **мужчина средних лет**, муже-
ственный, **красивый**, в отставном морском мундире, говорил в
одной из зал, и около него столпились. Оторвав по-солдатски эти
последние слова и махнув руками, как будто он бросал что-то на
землю, барабаничик, сухой и **красивый солдат лет сорока**, строго
оглянул солдат-песенников и зажмурился. Впереди ехал свежий,
красивый старик с большими седыми усами. ...князь Василий в
бархатной шубке, с одной звездой, по-домашнему, вышел, прово-
жая **красивого** черноволосого **мужчину**. Польский уланский пол-
ковник, **красивый старый человек**, покрасневши и путаясь в
словах от волнения, спросил у адъютанта, позволено ли ему будет
переплыть с своими уланами реку, не отыскивая брода. Петя был
теперь **красивый**, румяный, пятнадцатилетний **мальчик** с тол-
стыми, красными губами, похожий на Наташу. Петя был уже
большой, тринадцатилетний, **красивый**, весело и умно-шаловливый
мальчик, у которого уже ломался голос. Весьма **красивый** курча-
вый **мальчик**, со взглядом, похожим на взгляд Христа в Сикстин-
ской Мадонне, изображен был играющим в бильбоке.*

Описание внешних черт мужчины также отличается большей
детализацией. Эстетической характеристике мужского лица часто
сопутствует этическая оценка, которая усиливает эстетическое впе-
чатление: *Твердое, **красивое** и доброе **лицо** Коновницына светилось
нежною и хитрою улыбкой. На **красивом**, твердом **лице** Коновни-
цына, с лихорадочно-воспаленными щеками, на мгновение осталось
еще выражение далеких от настоящего положения мечтаний сна,
но потом вдруг он вздрогнул: **лицо** это приняло обычно-спокойное и
твердое выражение. **Красивое**, открытое **лицо** человека, который,
может быть, будет ее мужем, поглощало ее внимание. Рядом с
ним шел его товарищ Несвицкий, высокий штаб-офицер, чрезвы-
чайно толстый, с добрым, улыбающимся, **красивым лицом** и
влажными глазами. Пьер мельком увидел спокойное, **красивое**, тол-
стое и белое **лицо** человека в треугольной шляпе. С гримасой, пор-
тившей его **красивое лицо**, он отвернулся от нее.*

Но эстетическая характеристика мужчины в прилагательном *красивый* у Л.Н.Толстого вступает в противоречие с этической, встречается контрастный контекст, что присуще прилагательным *красивый* и *прекрасный*: *То ему представлялась она в первое время после женитьбы, с открытыми плечами и усталым, страстным взглядом, и тотчас же рядом с нею представлялось красивое, наглое и твердо-насмешливое лицо Долохова, каким оно было на обеде, и то же лицо Долохова, бледное, дрожащее и страдающее, каким оно было, когда он повернулся и упал на снег. Долохов, холодно улыбаясь и блестя своими красивыми, наглыми глазами, смотрел на него, видимо желая еще повеселиться над ним. Всякий раз, как нечаянно взгляд его встречался с прекрасными, наглыми глазами Долохова, Пьер чувствовал, как что-то ужасное, безобразное поднималось в его душе, и он скорее отворачивался.*

II. Прилагательное *прекрасный*. При характеристике *прекрасный* по отношению к человеку, людям, женщине, девушке, сыну и т.д. на первом плане у Л.Н.Толстого не эстетическая, а чаще этическая, рациональная, утилитарная или интеллектуальная оценки: – *Sophie*, – сказал он сначала робко и потом все смелее и смелее, – ежели вы хотите отказаться не только от блестящей, от выгодной партии...; но он **прекрасный, благородный человек**... он мой друг. Тем отраднее была в ту кампанию эта полковая жизнь Ростову, что он, после проигрыша Долохову, решился служить не как прежде, а чтобы загладить свою вину, служить хорошо и быть вполне отличным товарищем и офицером, то есть **прекрасным человеком**. Все семейство, которое строго судил прежде князь Андрей, показалось ему составленным из **прекрасных, простых и добрых людей**. На глаза Наташи, все бывшие на бале были одинаково добрые, милые, **прекрасные люди**, любящие друг друга: никто не мог обидеть друг друга, и потому все должны были быть счастливы. – Она очень достойна и **прекрасная девушка**, – говорила она, – и тебе надо к ней съездить. Потом она говорила, что у нее есть **прекрасная девушка на примете**, и выпытывала его мнение о женитьбе. А главное, она **прекрасная, почтенная девушка** и любит меня. Нет, она не глупа; нет, она **прекрасная девушка!** Анатолий не гений, но честный, добрый малый, **прекрасный сын** и родной. Партия это была Жюли Карагина, дочь **прекрасных, добродетельных матери и отца**, с детства известная Ростовым.

Глаза у героев Толстого никогда не были *красивыми*, глаза всегда *прекрасные*, именно на эту сочетаемость (*прекрасные глаза*) приходится самое большое количество примеров (23): *M-lle Bourienne* смотрела тоже на княжну, и в ее **прекрасных** глазах было что-то новое для княжны Марьи выражение испуганной радости и надежды. **Прекрасные** глаза княжны, со всем своим прежним спокойствием и лучистостью смотрели с нежною любовью и сожалением на хорошенькое личико *M-lle Bourienne*. Она вспыхнула, **прекрасные** глаза ее потухли, лицо ее покрылось пятнами, и с тем некрасивым выражением жертвы, чаще всего останавливавшимся на ее лице, она отдалась во власть *M-lle Bourienne* и Лизы. Они посмотрели на большие, **прекрасные** глаза, полные слез и мысли, ясно и умоляюще смотревшие на них, и поняли, что настаивать бесполезно и даже жестоко. Княжна Марья, поддерживая невестку, с заплаканными **прекрасными** глазами, все еще смотрела в дверь, в которую вышел князь Андрей, и крестила его. Княжна Марья все еще молча смотрела на брата, и в **прекрасных** глазах ее были и любовь и грусть. Она была уже бледна, но когда она услышала эти слова, лицо ее изменилось и что-то просияло в ее лучистых **прекрасных** глазах.

Наблюдаются различия в употреблении прилагательных *красивый* и *прекрасный*: если прилагательное *красивый* является носителем чисто эстетической оценки, то употребление слова *прекрасный* сопровождается в данном случае коннотативной этической оценкой. Глаза – зеркало души; душа в представлении Толстого не бывает красивая – она прекрасная: – *Я об одном не перестаю молить Бога, mon cousin, – отвечала она, – чтобы он помиловал его и дал бы его прекрасной душе спокойно покинуть эту землю.*

III. *Красивое* и *прекрасное* животное. Эстетическая оценка переплетается с утилитарной при описании животных. Так, у Толстого являются красивыми и прекрасными лошадь и корова: *Это был немецкий форшпан на паре, нагруженный, казалось, целым домом; за форшпаном, который вез немец, привязана была красивая, пестрая, с огромным выменем, корова.* Описание лошади непосредственно связано со статусом хозяина, чаще всего военного человека, который, как отмечалось выше, был носителем положительных черт и качеств: *Французский гусарский полковник, видимо только что с*

постели, выехал на **красивой** сытой серой лошади, сопровождаемый двумя гусарами. Один из них вел в поводу взятую у пленного рослую и **красивую** французскую лошадь. За князем Багратионом ехали: свитский офицер, личный адъютант князя, Жерков, ординарец, дежурный штаб-офицер на англазированной **красивой лошади**... – Эскадрону пройти нельзя, – кричал Васька Денисов, злобно открывшая белые зубы, шпоря своего **красивого** вороного **Бедуина**, который, мигая ушами от штыков, на которые он натыкался, фыркавая, брызгая вокруг себя пеной с мундштука, звеня, бил копытами по доскам моста и, казалось, готов был перепрыгнуть через перила моста, ежели бы ему позволил седок. Чарторижский и Новосильцев, и князь Волконский и Строганов, и другие, все богато одетые, веселые молодые люди, **на прекрасных**, выхолненных, свежих, только что слегка вспотевших **лошадях**, переговариваясь и улыбаясь, остановились позади государя. Едва он выехал за уступ леса, как он увидел подвигающегося ему навстречу толстого барина в бобровом картузе, на **прекрасной** вороной лошади, сопровождаемого двумя стремянными.

IV. Красивое и прекрасное другое. Эстетическая характеристика, проявляющаяся через прилагательное *красивый*, большей частью дается через зрительное восприятие, красивым является то, что мы можем увидеть, но есть несколько примеров, в которых передается слуховое восприятие чего-либо, что «приятно для слуха, благозвучно»: «*Не обработан, но **прекрасный** голос, надо обработать*», – говорили все. Красивые звуки у Толстого имеют место на поле боя, это звуки выстрелов и взрывов: *Пьер оглядывался на первый дым, который он оставил округлым плотным мячиком, и уже на месте его были шары дыма, тянущего в сторону, и пуф... (с остановкой) пуф-пуф – зарождались еще три, еще четыре; и на каждый, с теми же расстановками, бум... бум-бум-бум – отвечали **красивые**, твердые, верные звуки. Солнце в ту же минуту совсем вышло из-за туч, и этот **красивый** звук одинокого выстрела и блеск яркого солнца слились в одно бодрое и веселое впечатление.*

Звуковая картина войны завораживает Толстого-художника, даже слова, относящиеся к смерти, слышатся по-другому: – *Пустячок! – пробасил полковник, – два гусара ранено, и один наповал, – сказал он с видимою радостью, не в силах удержаться от счастливой улыбки, звучно отрубая **красивое** слово наповал.*

Денотативная зона прилагательного *прекрасный* шире, так как помимо человека, его частей тела, движений, животных, звуков, она включает и погоду, и время суток и др.: – **Прекрасная, прекрасная погода**, княжна, и потом Москва так похожа на деревню. – **Прекрасный вечер**, не правда ли, прекрасный? Он еще более углубился в свою работу, когда вошел русский генерал, и, взглянув через очки на оживленное, под впечатлением **прекрасного утра** и беседы с Мюратом, лицо Балашева, не встал, не пошевелился даже, а еще больше нахмурился и злобно усмехнулся. Я оглянулся и увидел, что брат стоит на заборе и указывает мне на большую аллею и сад, и в саду большое и **прекрасное здание**. **Прекрасное место**. Мы мимо самого парка проходили, двух оленей видели, и дом какой чудесный!

Утилитарная оценка преобладает над эстетической при описании предметов быта: ...камердинер застегивал ему сзади **прекрасные новые помочи**, которые почему-то заметил Ростов. Переходы были малые, ранцы везли на подводах, офицерам австрийское начальство готовило на всех переходах **прекрасные обеды**. – А то не нужно ли вам кофейник? – обратился он к есаулу. – Я у нашего маркитанта купил, чудесный! У него **прекрасные вещи**. Сильнее всего поразило его то, что, приближаясь к Смоленску, он видел **прекрасное поле овса**, которое какие-то солдаты косили, очевидно, на корм и по которому стояли лагерем.

В случае, когда в зону денотации попадают объекты мира, не наблюдаемого непосредственно – духовного, ментального, что названо в языке именами отвлеченными, то и тогда при характеристике их прилагательными эстетической оценки на первый план выходят другие виды оценок – этическая, интеллектуальная, утилитарная, гедонистическая и др.: – Денисов, ты этим не шути, – крикнул Ростов, – это такое высокое, такое **прекрасное чувство**, такое... **Цель прекрасная**, и все; но в настоящих обстоятельствах надо другое. **Прекрасный ответ**, – сказал Наполеон, – молодой человек, вы далеко пойдете! – Вот **прекрасная смерть!** – сказал Наполеон, глядя на Болконского. – О, какое **прекрасное царствование** могло бы быть царствование Александра! О, какое **прекрасное царствование!**

Таким образом, при выявлении своеобразия эстетической оценки на материале прилагательных *красивый* и *прекрасный* у Л.Н.Толстого можно сделать следующие **выводы**. Красивое у Тол-

стого зримо, реже слышимо. Единство эстетической и этической оценки как необходимое условие гармонического в человеке зачастую нарушается. Этическая, утилитарная, гедонистическая или интеллектуальная оценка может сопутствовать, усиливать эстетическую, даже выступать на первый план, а может ей противоречить.

Слово *красивый* практически не употребляется в романе «Война и мир» в переносном, этическом смысле, и этому дано объяснение Л.Н.Толстым в трактате «Что такое искусство?»: «Красивым может быть человек, лошадь, дом, вид, движение, но про поступки, мысли, характер, музыку, если они нам очень нравятся, мы можем сказать, что они хороши, и нехороши, если они нам не нравятся; «красиво» же можно сказать только о том, что нравится зрению» [Толстой 1951: 30, 38]. Следовательно прилагательное *прекрасный* обладает большим синкретизмом, выражаемых им оценок. Это можно связать с семантическим значением прилагательного, которое своим первым значением «очень красивый», покрывает зону денотации прилагательного *красивый*, а вторым «очень хороший» – ее расширяет [Ожегов 2004: 573]. Еще Толстой отмечал: «Слово и понятие «хороший» включает в себя понятие «красивого», но не наоборот: понятие «красивого» не покрывает понятие «хорошего». Если мы говорим «хороший» о предмете, который ценится по своему внешнему виду, то мы этим говорим «красивый», то это совсем не означает того, чтобы предмет был хорошим» [Толстой 1951: 30, 38].

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000.
Логический анализ языка: Языки эстетики. М., 2004.
Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1997.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2004.
Яковлева Е.С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка: Языки этики. М., 1997.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание. В 90 томах. М., 1928–1958.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ ЛЕКСЕМ КУЛИНАРНОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наша статья посвящена изучению терминологически ограниченного фрагмента лексики современного итальянского языка – лексем, связанных с едой и кулинарией. Многие из терминов, принадлежащих именно этой части лексики, вышли за пределы сферы и функционируют в языке, образуя культурные концепты, обладающие определенным национальным своеобразием. В Италии, где национальная кухня образует важный элемент национально-культурной идентичности – большинство итальянцев не мыслят для себя иной кухни, кроме итальянской, обращение к этому пласту лексики особенно интересно и продуктивно. Но, по мнению многих лингвистов, к нему относятся с недостаточным вниманием: «Сфера материально-телесного бытия человека попадает в поле зрения исследователей не так часто. А концепт «еда», отражающий одно из главнейших условий самого существования человека, остается пока мало изученным» [Китайгородская, Розанова 2003: 8–9]. Однако на современном этапе интерес к данному аспекту языка постепенно возрастает. См., например, работы Китайгородская, Розанова 2003, Занадворова 2003, Хоффманн 2003, Вайс 2003, Ляшевская 2004.

Мы обратимся к исследованию этого слоя лексики в современном итальянском языке и не станем затрагивать этимологию и историю становления значений исследуемых лексем, хотя, естественно, их функционирование в современном языке во многом определено их историей. В данной статье мы ограничимся анализом некоторых ключевых понятий этой сферы лексики и, соответственно, некоторых лексем, которые занимают важное место в словарном составе итальянского языка в целом: это *pane* – ‘хлеб’, *olio* – ‘растительное масло’, *burro* – ‘сливочное масло’, *aceto* – ‘уксус’, особо характерные для итальянской кухни, а, следовательно, широко употребляемые как собственно в кулинарной терминологии, так и за ее пределами.

Каждое из вышеуказанных понятий, после краткого представления будет рассматриваться в двух аспектах: функционирование в

собственно кулинарной терминологии и функционирование вне кулинарной сферы.

Материалом для исследования послужили итальянские фразеологические и толковые словари, дополненные специализированными (книги по кулинарии) и неспециализированными (художественная литература, интернет) источниками, а также примеры, приведенные в других исследованиях, например, Черданцева 2000.

PANE – ‘ХЛЕБ’

Из всех пищевых продуктов человека хлеб занимает, бесспорно, первое место. Точно не установлено, когда человек впервые стал выпекать хлеб. Несомненно, что, начав засеивать поля хлебными зёрнами, люди уже не могли довольствоваться употреблением их в пищу в сыром виде, а стали готовить из них пищу специальным образом. Следовательно, начало хлебного производства надо искать в том периоде истории, когда человек бросил кочевую жизнь и начал оседлую, вместе с которой началась культура человека. Итальянская кухня очень богата различными разновидностями хлеба.

В итальянском языке множество названий для разных типов хлеба. Рассмотрим сначала основные принципы образования наименований типично итальянских видов хлеба.

Многие виды хлеба именуются по их форме, которая, в свою очередь, получает название, основанное на метафорическом переносе. Эта группа довольно-таки широкая, поэтому приведем наиболее яркие примеры:

tartarughe – ‘черепахи’, хлеб по форме напоминающий панцырь черепахи;

ciabatta – ‘домашние тапочки, шлепанцы’, плоский хлеб, вызывающий в памяти образ плоских, разношенных шлепанцев;

trecce – ‘косички’, хлеб напоминающий по форме косички.

Вторую обширную группу названий составляют названия хлеба по территориальной принадлежности. В Италии региональное разнообразие сильно ощущается на всех уровнях: языковом, культурном, бытовом. Этот факт находит свое отражение во всех сферах жизнедеятельности человека. Так, например, традиционный хлеб провинции Турина называется *Torinese*, Милана – *Milanese*, Феррары – *Ferrarese*. Иногда, развиваясь и теряя непосредственную связь с исходным географическим названием, наименования дополняются

и соединяют в себе на первый взгляд несоединяемые географические определения, в результате чего образуются гибридные сочетания со взаимоисключающими элементами, например: *pane tipo napoletano alla Manitoba* – ‘неаполитанский хлеб по-манитобски’, где указание на южноитальянский город Неаполь соединено с привязкой к канадской провинции Манитоба.

Если в приведенном примере еще ощущается соотнесенность с двумя разными географическими зонами, то возможна и полная утрата связи с тем топонимом, который заложен в названии. Например, *pane di Spagna*, букв. ‘хлеб из Испании’ со временем утратил географическую привязку и обозначает просто ‘бисквит’.

Ряд типов хлеба именуется по входящим в состав ингредиентам, которые составляют наиболее яркую характеристику продукта: *pane al sesamo* – ‘хлеб с кунжутом’; *pane alle olive* – ‘хлеб с оливками’.

Некоторые названия стоят особняком и не соотносятся ни с одним из вышеперечисленных принципов наименования. Например: *piuma* – ‘пух’, название основано на уподоблении особо мягкого хлеба мягкому пуху; *schacciata alle olive* – ‘плоский хлеб с оливками’, название происходит от действия, осуществляемого при приготовлении: *schacciare* ‘давить’.

Термин *PANE* очень широко употребляется вне кулинарной сферы, что может быть объяснено ролью хлеба в повседневной жизни человека. Он входит в состав различных устойчивых сочетаний, которые основываются на стереотипах восприятия итальянцами хлеба. Мы попробуем дать классификацию этих стереотипов, хотя далеко не все примеры укладываются в предложенную классификацию, а многие выглядят немотивированными. Остановимся на рассмотрении наиболее ярких примеров.

Хлеб как неотъемлемая часть существования человека по праву в сознании итальянцев символизирует каждодневную пищу, способ поддержания жизни, достаток или же самое дорогое, что может быть у человека:

necessario come il pane (здесь и далее мы даем сначала буквальный перевод, а потом толкование) – букв. ‘необходимый, как хлеб’, ‘крайне необходимый’;

il pane per la vecchiaia – букв. ‘хлеб на старость’, ‘кусочек на черный день’;

perdere il pane – букв. ‘потерять хлеб’, ‘потерять работу’;

levarsi anche il pane per qd – букв. ‘отдавать даже свой хлеб кому-то’, ‘жертвовать самым дорогим ради кого-то’;

dare pane e companatico a qd – букв. ‘дать хлеб и на хлеб кому-то’, ‘дать заработок кому-либо’. В итальянском языке существует интересное производное от слова *pane* – *companatico*, т. е. что-то к хлебу, то, что кладут на хлеб; таким образом, в этом примере к указанию на необходимые средства к существованию (*pane*) добавляется и указание на достаточность этих средств (*companatico*).

buono come il pane – букв. ‘хороший, как хлеб’. Данный сравнительный оборот применяется для характеристики человека – добряк; *essere meglio del pane* – букв. ‘быть лучше хлеба’, развитие предыдущего значения – ‘добрейшей души человек’.

Парадоксально, но вторую обширную группу образуют фразеологизмы, основанные на восприятии хлеба как чего-то первичного, изначального, и отсюда – как малого, элементарного: *per un pezzo di pane* – ‘за кусок хлеба’, ‘задаром’.

Согласно существующему стереотипу, стол, где нет ничего, кроме хлеба, символизирует существование в бедности и нужде: *a pane e acqua* – ‘на хлебе и воде’, ‘впроголодь, очень скромно’; *a pane asciutto* – ‘на сухом хлебе’, ‘на одном хлебе’.

Обязательность присутствия хлеба на столе объясняет также следующую группу фразеологизмов, основанных на идее, что «есть хлеб» значит «жить, существовать»:

ainire di mangiare pane – букв. ‘закончить есть хлеб’, ‘отправиться на тот свет’;

mangiare pane – букв. ‘есть хлеб’, ‘жить, существовать’;

mangiare il suo pane in pace – букв. ‘есть свой хлеб в мире’, ‘жить потихонечку’;

mangiare pane a scrocco – букв. ‘есть хлеб, будучи тунеядцем’, ‘жить за чужой счет’;

stare all'altrui pane – букв. ‘быть на чужом хлебе’, ‘жить на чужом иждивении’;

stare a un pane – букв. ‘быть на одном хлебе’, ‘жить вместе, одной семьей’.

Хлеб как что-то главное, основное, символизирует суть, сущность чего-либо. Примеры этого восприятия хлеба прослеживаются в следующем словосочетании:

pane della scienza – букв. ‘хлеб науки’, ‘гранит науки’.

Следующая группа фразеологизмов применительна в основном к человеку и основана на персонификации, когда свойства, относящиеся к хлебу, переключаются на человека:

pane bollito – букв. ‘вареный хлеб’, ‘тряпка, размазня’;

pane perso – букв. ‘потерянный хлеб’, ‘никчемный, потерянный человек’;

pane di zucchero – букв. ‘сахарный хлеб’, ‘молокосос, младенец’.

Хлеб как основной и наиболее важный продукт в кулинарии может выступать в сочетаниях с другими продуктами, характерными для итальянской кухни:

chiamare pane pane e vino vino – букв. ‘называть хлеб хлебом, вино вином’, ‘называть вещи своими именами’;

essere pane e caccio – букв. ‘быть хлебом и сыром’, ‘жить душа в душу’;

pane, cipolla e liberta – букв. ‘хлеб, лук и свобода’, ‘для счастья достаточно свободы и самого необходимого’.

OLIO – ‘РАСТИТЕЛЬНОЕ МАСЛО’

BURRO – ‘СЛИВОЧНОЕ МАСЛО’

Оливковое масло использовалось древними римлянами в косметике, медицине и для освещения, но свое самое почетное место оно по праву заняло на кухне; в своих легендарных трактатах Апик, один из первых гастрономов, уже в I в. н.э. использует оливковое масло во всех рецептах: для заправки, приготовления или консервации.

Сливочное масло. Многие почему-то считают его сравнительно современным продуктом. Между тем это далеко не так. Например, большой авторитет во всем, что связано с молоком, А.И.Ивашура утверждает: «В V веке в Ирландии, а в IX веке в Италии и в России сливочное масло было уже широко известным продуктом питания»¹.

В кулинарной сфере функционирование обоих терминов не представляет особого лингвистического интереса. Большей частью в названии фигурируют названия ингредиентов, входящих в состав масла. Растительное масло может быть произведено из оливок (*olio d’oliva*), семян подсолнечника (*olio di semi di girasole*), из кукурузы (*olio di mais*), арахиса (*olio di semi di arachidi*) и т.д.

¹ www.cooker.net.

При описании использования дополнительных продуктов для придания дополнительных вкусовых качеств используется конструкция «а + определенный артикль»:

burro alla senape – ‘сливочное масло с горчицей’;

burro ai gamberetti – ‘сливочное масло с креветками’;

olio al peperoncino – ‘оливковое масло с острым перцем’.

Среди этих конструкций интересно отметить международное традиционно сложившееся название сливочного масла с петрушкой и лимонным соком: *burro alla maitre d'hotel* – ‘сливочное масло «Метрдотель»’

Сначала обратимся к функционированию термина *BURRO* за пределами кулинарной сферы. Здесь наиболее заметны два стереотипа, один из которых характеризует сливочное масло как что-то мягкое, и это качество переносится на человека:

mani di burro – букв. ‘руки из сливочного масла’, ‘не руки, а крюки’;

palla di burro – букв. ‘шар из сливочного масла’, ‘толстяк’;

fatto di burro – букв. ‘сделанный из сливочного масла’, ‘слабый, болезненный’.

Второе же восприятие масла как чего-то лакомого, нежного, основано прежде всего на использовании сливочного масла как дополнительного ингредиента вкусных блюд:

pan di burro – букв. ‘хлеб со сливочным маслом’, ‘лакомый кусочек’;

dare del burro – букв. ‘называть сливочным маслом’ (выражение построено по типу *dare del tu, del Lei* и т.д. – ‘обращаться на «ты», «вы» и т.п.’), ‘подмазываться, льстить’;

essere un burro – букв. ‘быть сливочным маслом’, ‘таять во рту’, применительно к нежным, мягким блюдам.

Перейдем к функционированию термина *OLIO* за пределами кулинарии. Изначально хотим отметить тот факт, что растительное масло в итальянской культуре использовалось для освещения и продолжает использоваться в церкви (ср. русск. *елей*, восходящий к тому же этимону). Но функционирование термина *OLIO* в данных сферах не относится к кулинарии и поэтому не является предметом нашего изучения. Однако и в этом значении слово *olio* стало источником интересных фразеологизмов, ограничимся двумя примерами:

consumar olio per risparmiare sole – букв. ‘тратить масло, чтобы сэкономить солнце’, т.е. зажигать светильник при свете дня, ‘не уметь быть бережливым’;

ridurre qd all’olio santo – букв. ‘довести кого-то до святого елея’, в церкви зажигают лампадку для упоминания об усопшем, поэтому значение – ‘довести кого-то до полусмерти’.

Термин *OLIO* входит в состав многих сравнительных оборотов, которые отражают различные качества растительного масла (цвет, консистенцию, плотность):

calmo (или *tranquillo*) – ‘спокойный, как масло’ (принимается во внимание гладкая, ровная поверхность растительного масла);

chiaro come olio – ‘светлый, как масло (цвет)’;

liscio come olio – ‘гладкий, скользкий, как масло (жирность)’;

Фразеологизм *buono come olio* ‘добрый, как масло’ – ‘добряк’, видимо, соединил в себе идею о спокойном, мягком человеке (*tranquillo come olio*) с отмеченной для лексемы *pave* идеей чего-то необходимого для жизни, дорогого, хорошего.

Основное качество растительного масла – бóльшая плотность, чем у воды, то есть способность не растворяться в воде, находит свое отражение во многих устойчивых словосочетаниях, основанных на стереотипе восприятия ситуации, в которых растительное масло проявляет эту способность:

gettare olio sulle onde – букв. ‘бросать масло на волны’ (о существовавшем во времена парусных судов способе борьбы с волнами путем разлития на поверхности моря масла), ‘охладить пыл’;

stare sopra come l’olio – букв. ‘быть на поверхности, как масло’, ‘держаться на поверхности’, а также при переносе на действия человека – ‘лезть вперед’;

l’olio e la verità tornano alla sommità – букв. ‘масло и правда всплывают наверх’, ‘правду не спрячешь’.

ACETO – ‘УКСУС’

Уксус как основную приправу использовали еще египтяне, греки и древние римляне. Для среднего итальянца уксус, а также соусы на основе уксуса являются незаменимым ингредиентом на кухне, достойнейшим партнером оливкового масла.

Функционирование термина *ACETO* в кулинарной сфере по большей части не представляет лингвистического интереса и указывает на то, из чего этот вид уксуса изготавливается:

aceto di vino – ‘винный уксус’;

aceto balsamico – ‘винный уксус’, который производится только в итальянской провинции Модена из винограда *trebbiano*, уксус выдерживается годами в специальных бочках из разных пород дерева и разных размеров, от этого зависит его стоимость;

aceto di mele – ‘яблочный уксус’;

aceto di lamponi – ‘малиновый уксус’.

Интересен термин *aceto di quattro ladri* – букв. ‘уксус четырех воров’, уксус с большим содержанием чеснока, использовался впервые в Марселе при эпидемии чумы, а впоследствии с добавлением гвоздики, лаванды, мяты, шалфея, мускатного ореха и розмарина.

Что касается употребления термина *aceto* за пределами кулинарной сферы, то здесь прослеживается существующий в итальянском сознании стереотип о том, из чего производится уксус и о его вкусовых качествах. В сознании итальянцев четко зафиксировано, что уксус делают из вина, то есть уксус – это перебродившее вино, поэтому вино имеет положительную коннотацию, а уксус – отрицательную:

dimostrare che l'aceto si fa col vino – букв. ‘показывать, что уксус делают из вина’, ‘доказывать очевидное’;

prima d'essere aceto fu il vino – букв. ‘перед тем, как стать вином это было уксусом’, ‘был когда-то и уксус вином’, говорится при воспоминании о неких утраченных качествах;

del vino dolce si fa l'aceto forte – ‘из сладкого вина делают сильный уксус’, ‘из сладкого вина – крепкий уксус’.

Отрицательная коннотация дополняется указанием на что-то неважное и малоценное:

dal mal pagatore o aceto o cercone – букв. ‘с плохого плательщика или уксус или перебродившее вино’, ‘с паршивой овцы хоть шерсти клок’.

При преобразовании вина в уксус выделяется уксусная кислота, которая обладает кислым вкусом. Поэтому уксус противопоставляется меду:

si prendon piu mosche con una gocciola di miele che con un barile d'aceto – букв. ‘можно больше словить мух на каплю меда, чем на баррель уксуса’, ‘лаской больше добьешься, чем таской’.

Итак, мы рассмотрели базовые лексемы кулинарной лексики *PANE* 'хлеб', *OLIO* 'растительное масло', *BURRO* 'сливочное масло', *ACETO* 'уксус'; кроме использования в кулинарной сфере, они входят в состав многочисленных фразеологизмов, сравнительных оборотов, пословиц, поговорок, в которых отражен ряд стереотипов восприятия этих продуктов и переосмыслены их качества и свойства.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайс Д.* Реклама продуктов питания в советских плакатах 1920–1930 годов // Московский лингвистический журнал. Т. 6, № 2, 2003.
- Занадворова А.В.* Языковые стереотипы, характеризующие представление о питании (по материалам анкеты) // Московский лингвистический журнал. Т. 6, № 2, 2003.
- Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Тема пищи в повседневной речи: характеристики еды сквозь призму актуальных противопоставлений // Московский лингвистический журнал. Т. 6, № 2, 2003.
- Ляшевская О.Н.* О семантической числовой парадигме имен существительных (названия пищи в русском языке) // Вопросы языкознания. № 1, 2004.
- Хоффманн Э.* Продукты питания, культура и реклама: дискурсивные процессы // Московский лингвистический журнал. Т. 6, № 2, 2003.
- Черданцева Т.З.* Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии, М., 1977.
- Черданцева Т.З.* Очерки по лексикологии итальянского языка. М., 1982.
- Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф.* Итальянско-русский фразеологический словарь: около 23 000 фразеологических единиц / Под ред. Я.И. Рецкера. М., 1982.
- Черданцева Т.З.* Итальянская фразеология и итальянцы. М., 2000.
- Dizionario italiano. 50 000 parole.* A c. di F.Melotti e I.Sordi. Dizionari-Rizzoli, 1998.
- Galeazzi O.* Dizionario gastronomico. Milano, 1994.

ИНТЕРНЕТ-САЙТЫ

www.acena.it
www.cooker.net
www.cookaround.com
www.italianpasta.net
www.pasta.it
www.taccuinistorici.it

**ОСНОВНЫЕ КОДЫ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В ОБРАЗНОМ МИРОВИДЕНИИ КИТАЙСКОГО ЭТНОСА
(на материале идиоматики «привычных речений»)**

Под кодом культуры мы понимаем универсальное психолингвистическое явление, всегда сопутствующее акту вторичной номинации, когда человек (естественно, как носитель культуры) первоначально неосознанно воспринимает тот или иной объект действительности в связи с его соответствием четко определенной области знаковой структуры, которая определяется самой культурой. Процесс функционирования в языке кода культуры можно образно сравнить с «сеткой», которую человеческое сознание (как локус родной культуры) «набрасывает» на окружающий мир, тем самым «членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002: 232].

Коды культуры неизменно соотносятся с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями человека о мире вообще. Поэтому по природе своей они универсальны, но их проявления, их масштаб, а также тропы, в которых они реализуются, всегда этнически или, по крайней мере, национально обусловлены. Кроме того, коды культуры очень часто сопряжены с понятием *символов языковой культуры*, в котором национальная или этническая культура выявляется наиболее ярко, то есть в символе прослеживается тесная связь с определенной культурой. Из этого следует, что внешняя форма и метафоры и прочих тропов также находится в прямой зависимости от кодов культуры и в ряде случаев от символов языковой культуры, рассматриваемой нами. Говоря о символах языковой культуры применительно к фразеологии, мы определяем понятие «символ» так:

Символ – это средство фиксированной апелляции к определенному смыслу (или нескольким смыслам), что объективно обусловлено культурной традицией данного языкового сообщества.

Символ языковой культуры характеризуется следующим образом:

1. Символ ничего не означает *напрямую*, а только отсылает нас к определенной области значимого смысла «вещей», т.е. допустимо

говорить об *опосредованном* или *косвенном* указании на определенный смысл.

2. Символ поддается интерпретации (в отличие от четко детерминированного по своему значению языкового знака), а раз возможна интерпретация, значит, возможна адресация к разным смыслам.

3. В случае, если одному и тому же символу культурная традиция одновременно приписала несколько характерных смыслов, эти смыслы будут выводиться имплицитно исходя из собственного контекста фразеологизма, составным компонентом которого является сам символ, а также исходя из общего контекста высказывания, куда включен данный фразеологизм.

Как показывает подробный анализ «привычных речений», все те из них, в основание которых положена метафора¹ (т.е. те, которые относятся к фразеологизмам-идиомам – фразеологическим сращениям и единствам, а не к фразеологическим сочетаниям вроде 拉关系 ‘завязать связи’), органично вписываются в приведенную ниже образно-кодovou систему отображения объектов из мира «Действительное» (по терминологии А.Вежбицкой):

Как известно, разными авторами выделяется разное количество категорий языкового кодирования объектов окружающей действительности, однако наша цель – выделить именно те из них, по-

¹ Таких единиц подавляющее большинство, но среди «привычных речений» встречаются и такие, которые представляют по сути **поговорки**, лишенные всякой образной основы, например: 早知今日, 悔不当初 zǎo zhī jīnrì, huǐ bù dāngchū досл. '[если бы] знать раньше об этом дне; как жаль, что в свое время не [поступил(а) иначе]' или 前言不搭后语 qiányán bùdā hòuyǔ 'предыдущие слова не увязываются с последующими' в смысле 'одно противоречит другому [в чьих-либо словах]'. Естественно, что данная категория речений не может рассматриваться в пределах предложенной системы.

средством которых строятся образы в рамках класса «привычных речений», представляющих собой молодой пласт просторечной идиоматики современного китайского языка. В частности, многие исследователи в разных языках часто выделяют временной код, тем не менее, анализ основного фонда «привычных речений» показывает, что в пределах данного класса фразеологизмов временной код практически не выражен. Причин этому видится две: во-первых, в китайском языке (в отличие от русского) идиомы распределены (хотя, иногда, довольно зыбко) по трем классам – «чэньюй» («классические» идиомы)², «гуаньюньюй» (собственно «привычные выражения», употребляющиеся в просторечии) и «сехоуэй» (речения с усекаемой концовкой, которые обычно выступают в качестве идиомы в усеченной форме), причем каждый класс характеризуется своими стилистическими особенностями, именно по этой причине определенные языковые коды культуры проявляются в определенных классах китайских идиом. Так, временной код достаточно широко представлен в речениях класса «чэньюй», эти речения являясь атрибутом письменной речи и будучи построены по нормам вэньяня, не очень часто появляются в устной речи, а потребность образно и поэтично передать субъективные особенности ощущения времени, например, его длительность, достаточно редко возникает в обиходно-бытовой ситуации, а даже если и возникает, то образная основа в таком случае чаще всего, в «привычном речении», выражается при помощи какого-то другого кода. Кроме того, уже безотносительно к типу кодирования идиомы, заметим, что вообще среди идиом-фразеологизмов, входящих в фонд «привычных речений», чрезвычайно мало таких, которые относятся к временному полю значений, точнее говоря, их считанные единицы. В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем для сравнения два примера:

一日三秋 («чэньюй») yī rì sān qiū 'день кажется годом' (дословно 'день [тянется] как три года')

黄花菜都凉了 («привычное речение») huánghuācài dōu liáng le 'возможность упущена; поезд ушел' (дословно 'блюдо из цветов лимонно-желтого лилейника уже остыло')

² Следует отметить, что далеко не все речения класса «чэньюй» представляют собой идиомы несмотря на то, что за этим классом китайских речений достаточно прочно закрепилось наименование «идиома».

Интересно, что в «привычном речении» косвенно выраженная мысль о том, что время быстротечно, выражается посредством разновидности предметного кода, который покрывает все значения, связанные с гиперонимом «пища». В то время как образ «классической» идиомы («чэньюй») более предсказуем и понятен для человека, не являющегося носителем китайского языка.

1. Соматический код культуры

Как известно, в соматическом коде слова, обозначающие тело и его части, выполняют символичные функции. Так, слово 肠子 *chángzi* 'кишка/кишки' (в примере 1.1.) в контексте фразеологизма является этническим символом души, если говорить абстрактнее, то это – «эмоциональное нутро». Данный символ лабиринта с древности не только у китайцев, но и среди лингвокультурных сообществ других этносов (например, у египтян), ассоциируется с источником эмоций и интуиции в широком смысле (отсюда, видимо, выражения в русском языке, подобные 'чувствовать нутром'). Правда, описанная ассоциативная параллель в разных культурах проявляется немного по-разному в деталях, отсюда мы можем говорить об **относительной** универсальности символов языковой культуры целых групп этносов, даже тех, которые на фоне исторического развития никак не связаны друг с другом. Только зная символическое значение метафорического компонента 'кишка', представляется возможным осознать образность мышления носителя китайского языка: в примере 1.1. объектом вторичной номинации является человек, чувство которого проявляется в форме негативной психологической реакции на содеянное, причем эта реакция реализуется в предельно крайней форме. То есть, если в русском языке подобные психологические переживания и реакции неразрывно связываются с душой (например, *сожалеть в душе*), то у носителя китайского языка это «вместилище» чувства (в данном случае чувства сожаления) локализуется в том числе и в кишке³, и если эта «кишка» лопается, значит, чувство сожаления переполняет человека. Такова образная картина данной идиомы.

³ Помимо кишки символом души в китайской фразеологии часто выступают слова 肝 *gān* 'печень' и 心 *xīn* 'сердце'.

Некоторые символы могут одновременно указывать на два и более смыслов, так, слово 手 shǒu 'рука' встречается нам в целой серии выражений в смысле 'способность к какой-либо деятельности, умение' (см. примеры 1.3., 1.6.) со знаком «+» (положительная оценка) или со знаком «-» (отрицательная оценка) в зависимости от собственного контекста фразеологизма; кроме того, соматизм 手 shǒu 'рука' имеет и другой смысл (см. 1.8.) – это символ (добро)порядочности⁴. Таким образом, мы можем говорить о «многозначности» символов, «ибо любой символ может иметь по крайней мере две противоположные интерпретации, которые должны слиться, чтобы он обрел свой полный смысл» [Бенуас 2004: 46].

Вместе с тем, иногда символичность (но не образность!) соматизмов как бы размывается (как в примере 1.9.). Здесь имя 手 shǒu 'рука' лишь кодирует конкретную меру помощи: «силой одной руки»⁵. То есть, в данном случае 手 shǒu 'рука' – это способ квалификации меры через образное основание и не более того. Следует отметить, что обозначение идиомами «меры» и в китайском и во многих других языках наиболее часто обеспечивается именно соматизмами, такого рода идиомы всегда антропометричны.

Вообще, опорные образы, употребленные для обозначения определенной меры как эталона, по сути нельзя отнести к понятию символ. Здесь уместно применить термин, который использует в своих ранних работах В.Н.Телия – к в а з и с т е р е о т и п. Квазистереотипы – это «традиционные, отработанные в данной лингвокультурной общности символы и даже мифы, которые служат хранителями информации, существенной для видения мира данным народом» [Телия 1986: 45]. Квазистереотипы, свертывая накопленную этносом информацию об особенностях видения мира в форме

⁴ Если проанализировать примеры контекстов, где встречается данный фразеологизм, а также учесть первоначальную роль руки как символа верховной власти, действующих законов и порядков в буддийском религиозном искусстве, то становится понятным и само производное значение слова 手 shǒu 'рука'. В современном языке объектом этой метафоры, как правило, являются морально нечистоплотные люди, занимающие какой-либо руководящий пост (чиновники).

⁵ Если речь будет идти о помощи не как о физической деятельности, а как об интеллектуальной, то все равно мы будем иметь дело с квалификацией меры этой деятельности.

символов, сами по себе, напрямую, ничего не обозначают, символ лишь отсылает реципиента к определенным смыслам, следовательно, символ есть знак культуры, а знак языка всегда по определению должен что-либо означать. Исходя из этого понимания природы символичности, компонент 手 shǒu 'рука' в последнем примере не является символом, так как вполне определенно передает значение меры.

1.1. 肠子都悔断了 chángzi dōu huǐduàn le

'сильно сожалеть о чем-либо' (дословно '[даже] кишка от сожаления оборвалась') Частично соответствует поговорке *рвать на себе волосы*.

Пример включения в контекст:

我因家里装修，上周末到建材市场买地板。130元/平方米的地板被我砍到了80元/平方米，我以为捡了大便宜。没想到昨天一个懂行的朋友告诉我，这种地板最多50元/平方米就够了，我听了肠子都悔断了

'Так как я делал в квартире ремонт, то на прошлой неделе отправился на рынок стройматериалов за [настилающимися] полами. Напольные плиты по 130 юаней за 1м² мне удалось купить по 80 юаней, и я полагал, что крупно выгадал. [Я и] подумать не мог о том, что сообщил мне вчера один мой знакомый, который [хорошо] в этом разбирается: максимальная цена на купленные мной напольные плиты – 50 юаней за 1 м²; услышав об этом, я сильно расстроился' (дословно '... , услышав об этом, у меня [даже] кишка от сожаления лопнула').

1.2. 伸大拇指 shēn dà mǔzhǐ

'хвалить кого-что, преклоняться перед кем-чем' (дословно 'показать/поднять/ большой палец [в качестве жеста одобрения]')

Пример включения в контекст:

对中国的瓷器大家都伸起大拇指

'Фарфор китайского производства у всех пользуется популярностью' (дословно 'В отношении китайского фарфора все поднимают большой палец вверх').

1.3. 露一手 lù yī shǒu

'блеснуть своим умением, талантом' (дословно 'обнажить руки').

- 1.4. 伸手不见五指 shēn shǒu bù jiàn wǔzhǐ
– о кромешной тьме (дословно ‘протяни вперед руку – и пальцев не разглядишь’). Соответствует русскому выражению *ни зги не видно; темно хоть глаз выколи*. В данном примере компонент 手 shǒu ‘рука’ представляет собой эталон области ближайшего визуального восприятия – ‘на расстоянии вытянутой руки’.
- 1.5. 有鼻子有眼儿 yǒu bízi yǒu yǎnr
‘прямо как наяву’ (дословно ‘и нос есть, и глаза’). Употребляется когда кто-либо чрезвычайно правдоподобно преподносит некий вымысел. Частично совпадает по смыслу с русской поговоркой *Так соврет, что не знаешь как и быть*.
- 1.6. 手比脚丫子都笨 shǒu bǐ jiǎoyāzi dōu bèn
характеризует крайне неловкого, неумелого человека, который максимум способен только на грубую, черную работу (дословно ‘руки еще более неуклюжие, чем ноги’). Приблизительно соответствует русским поговоркам *Ни уха, ни рыла не смыслит*.
- 1.7. 脚打后脑勺 jiǎo dǎ hòunǎosháo:
1) ‘очень быстро идти’; 2) ‘быть занятым, суетиться, крутиться, как белка в колесе’ (дословно ‘ноги ударяются о затылок’).
- 1.8. 手脚不干净 shǒu jiǎo bù gānjìng
‘не чист на руку’ (дословно ‘руки и ноги не чисты’).
- 1.9. 助一臂之力 zhù yī bì zhī lì
‘оказать кому-либо посильную помощь [не только физическую]’ (дословно ‘подсобить силой одной руки’).

2. Зооморфный код культуры

Сюда традиционно относится животный мир (включая мир насекомых), а также мифический bestiary.

- 2.1. 笼中之鸟, 网中之鱼 lóng zhōng zhī niǎo, wǎng zhōng zhī yú
– о поднадзорном человеке, лишенном свободы (дословно ‘птица в клетке, рыба в сетях’).
- 2.2. 鸭子死了嘴儿硬 yāzi sǐle zuǐr yìng
‘признать (почувствовать) себя в душе побежденным, но не находить в себе силы признать это вслух’ (дословно ‘у мертвой утки клюв не откроешь’).

- 2.3. 狮子大开口 shīzi dà kāi kǒu
 ‘запросить высокую цену’ (дословно ‘лев широко раскрыл пасть’).
- 2.4. 瞎猫碰死耗子 xiā māo pèng sǐ hàozi:
 1) ‘неожиданное удачное совпадение’; 2) ‘повезло кому-то’ (дословно ‘слепая кошка наткнулась на дохлую крысу’).
- 2.5. 公鸡抱窝, 母鸡打鸣 gōngjī bào wō, mǔjī dǎ míng.
 Данное выражение описывает ситуацию нелепого [с точки зрения говорящего] перераспределения ролей между мужчиной и женщиной, когда мужчина принимается за традиционно женскую работу, а женщина берет на себя мужские обязанности (дословно ‘петух высиживает птенцов, а курица кукарекает’).
- 2.6. 护犊子 hù dú zi
 ‘пристрастно относиться к своему чаду’ (дословно ‘опекать [своего] теленка’).
- 2.7. 把猫说成虎 bǎ māo shuō chéng hǔ
 ‘преувеличивать, приукрашивать факты’ (дословно ‘кошку описывать [на словах] как тигра’) Соответствует русскому выражению *делать из мухи слона*.
- 2.8. 一窝蜂 yī wō fēng
 – о хаотично движущейся массе людей (дословно ‘пчелиный улей’).
- 2.9. 去个苍蝇, 来个臭虫 qù gè cāng ying, lái gè chòu chóng
 ‘одна неприятность сменилась другой’ (дословно ‘муха улетела, [постельный] клоп показался’). Несмотря на то, что данное выражение не часто используется носителями китайского языка, тем не менее в силу яркости своего образа, включенного в контекст, понимается сразу.

Зооморфные элементы (части тела животных, птиц и т.д.)

- 2.10. 翅膀硬了 chibǎng yìng le
 ‘обрести самостоятельность в работе/в жизни благодаря достигнутому в чем-либо мастерству’ (дословно ‘крылья окрепли’).
- Некоторые из зооморфных элементов (хотя и немногочисленные) наряду с соматизмами оказываются достаточно продуктивны-

ми в образовании новых идиом, способных выступать символическими индикаторами поведения человека, свойств его характера и т.д.

В качестве показательного примера рассмотрим одно из наиболее продуктивных слов биоморфного кода – 尾巴 wěiba ‘хвост’⁶:

(a) 翘尾巴 qiào wěiba

‘задирать нос’ (дословно ‘задирать хвост’). Дериватом этого фразеологизма является

尾巴翘到天上去了 wěiba qiàodào tiānshang qu le

(дословно ‘задрать хвост до неба’). В производном речении наблюдается дополнительная, причем ярко выраженная эмоциональная окраска.

(b) 夹着尾巴 jiāzhe wěiba:

- 1) ‘выглядеть обескуражено, потерять чувство уверенности’;
- 2) ‘говорить и поступать с большой осторожностью’ (дословно ‘поджимать/прижимать хвост’).

Следует заметить, что подобного рода просторечные выражения порой находят свое применение не только в обиходе, но и в достаточно официальных случаях, когда крайне необходимо выразиться образно и общедоступно. Ниже приведена одна из цитат Мао Цзэдуна, где он дважды прибег к рассматриваемым речениям:

我希望，我们所有的同志，首先是老同志，不要翘尾巴，而要夹着尾巴，戒骄戒躁，永远保持谦虚进取的精神

‘Надеюсь, что все наши товарищи, и в первую очередь наши старые товарищи, не будут задирать хвосты, а, наоборот, подожмут их, и, остерегаясь зазнайства и опрометчивости, будут всегда действовать в духе скромности и целеустремленности’⁷.

(c) 踩尾巴 cǎi wěiba

‘обидеть или задеть кого-либо’ (дословно ‘наступать на хвост’).

⁶ Речений с опорным словом 尾巴 wěiba ‘хвост’ было обнаружено несколько больше, в статье же приводятся лишь наиболее распространенные варианты.

⁷ 毛泽东 《在中国共产党全国代表会议上的讲话》 Мао Цзэдун «Речи, [произнесенные] на заседаниях Всекитайского Собрания представителей КПК».

- (d) 狐狸尾巴露出来了 húli wěiba lòu chulai le
 ‘всплыла наружу вся правда; тайное стало явным’ (дословно ‘показался лисий хвост’); образ позаимствован из сюжета китайской сказки, в которой лисица с недобрый умыслом приняла человеческий облик, только как она ни старалась выдать себя за человека, ее часто выдавал собственный хвост.
- (e) 抓住狐狸尾巴 zhuāzhù húli wěiba
 ‘разоблачить кого-то в совершении злодеяния’ (дословно ‘ухватиться за лисий хвост’).
- (f) 留尾巴 liú wěiba
 ‘не довести начатое дело до логического конца; оставить вопрос нерешенным’ (дословно ‘оставить хвост’).
- (g) 做尾巴 zuò wěiba
 1) ‘прислуживаться кому-либо; быть на побегушках у кого-либо’ в основном о бесхарактерном человеке (дословно ‘быть хвостом’); 2) ‘быть отсталым в каком-либо отношении’.
- (h) 割尾巴 gē wěiba:
 1) ‘избавиться от чего-то [как правило от чего-то абстрактного, например, от пережитков]’; 2) ‘исправить какой-либо недостаток или допущенный промах’ (дословно ‘отрезать хвост’).
- (i) 揪尾巴 jiū wěiba
 ‘напасть на чей-то след; найти предлог, зацепку; застать кого-либо врасплох’ (дословно ‘ухватиться за хвост’).
- (j) 当尾巴 dāng wěiba
 (иронич.) ‘подпевать, поддакивать; куда конь с копытом, туда и рак с клешней’ (дословно ‘быть хвостом’).

Из приведенных примеров видно, что даже одно слово 尾巴 wěiba ‘хвост’, несмотря на свое конкретное и однозначное смысловое содержание в своем прямом значении, входя в состав метафоры, способно приобретать несколько символических смыслов. Так, к примеру, в первых трех примерах слово 尾巴 wěiba ‘хвост’ является символом понятия «чувство (собственного) достоинства», которое то чрезмерно и демонстративно проявляется, переходя в зазнайство, гордыню – [пример (a)], то, наоборот, подвергается разумному контролю, либо исчезает совсем – [пример (b)]. Во втором своем значе-

нии слово «хвост» становится символом понятия «улика» [(d),(e),(i)]. Кроме того, уникальной характеристикой привычных речений можно считать их способность одной и той же формой передавать различные значения [обратите внимание на примеры (b),(g) и (h)].

Создавая основание метафоры, зооморфный код, впрочем, как и все остальные коды языковой культуры, может выражаться не только напрямую, то есть именами существительными, называющими вполне конкретные объекты, но и косвенно, то есть единицами, обозначающими действия, процессы или качественные характеристики, которые являются характерными для объекта из мира «Действительное» и переносятся на именуемый объект при вторичной номинации. Например:

2.11. 又不打鸣, 又不下蛋 yòu bù dǎ míng, yòu bù xià dàn

– о человеке, который, попав в сложную ситуацию, не только не способен предпринять что-либо действенное, но даже не может высказать своих соображений на этот счет (дословно ‘и не поет, и яиц не несет’).

3. Предметный код культуры

Этот код, в отличие от двух вышеописанных, характеризуется гораздо большей «емкостью», он вбирает в себя все конкретные неодушевленные объекты, то есть натуральные предметы и искусственно созданные человеком (артефакты).

Собственно предметный ряд как код в «привычных речениях» встречается достаточно часто, поэтому ограничимся рассмотрением отдельного примера – артефакта 乌纱帽 wūshāmào ‘чиновничья шляпа’, который представляет собой символ понятия «карьера»; 乌纱帽 wūshāmào черная флеровая (из тонкого шелка) шляпа, летний парадный головной убор чиновников, который вошел в обиход начиная с династии Тан, и носился вплоть до Цинской династии.

Нами была выявлена высокая частотность воспроизведения этого символа в составе рассматриваемого класса идиом-фразеологизмов, что является свидетельством продуктивности этого имени:

3.1. 戴乌纱帽 dài wūshāmào

‘занять руководящий пост’ (дословно ‘надеть чиновничью шляпу’).

3.2. 丢乌纱帽 diū wūshāmào

‘лишиться руководящей должности’ (дословно ‘потерять чиновничью шляпу’).

3.3. 保乌纱帽 bǎo wūshāmào

‘держаться за свою должность’ (дословно ‘оберегать чиновничью шляпу’).

3.4. 摘乌纱帽 zhāi wūshāmào

‘дать по шапке’ (дословно ‘сорвать с кого-либо чиновничью шляпу’).

К проявлению предметного кода мы относим также типичные относительные характеристики предмета: размер, консистенция/плотность, цвет и т.д. Наиболее распространенными в «привычных речениях» являются следующие оппозиции: «твердый/крепкий ↔ мягкий/рыхлый»; «длинный ↔ короткий»; «большой ↔ малый». Например:

3.5. 硬碰硬 yìng pèng yìng

‘нашла коса на камень’ (дословно ‘твердое столкнулось с твердым’).

3.6. 嘴硬骨头松 zuǐ yìng gǔtou sōng

‘быть решительным, твердым, несговорчивым на словах, но в глубине души испытывать сильный страх’ (дословно ‘рот тверд, [a] кости рыхлые’).

3.7. 吃软不吃硬 chī ruǎn bù chī yìng

‘поддаваться добрым словам, но не угрозам; любить, чтобы гладили по шерсти, а не против шерсти’ (дословно ‘ест мягкое, не ест твердое’).

В данном случае слова со значением ‘мягкий’ и ‘твердый’ представляют собой символ ласкового, нежного отношения или, соответственно, символ грубости и бессердечия.

4. Растительный код

Данный код включает в себя объекты растительного мира в их натуральном виде.

4.1. 陈谷子烂芝麻 chén gǔzi làn zhīma

‘прежние пустяковые дела; вытасенные из-под спуда пустяковые дела’ (дословно ‘лежалое просо, гнилые семена кунжута’).

- 4.2. 葫芦里卖的什么药 húluli màide shénme yào
 ‘не знать об истинных намерениях или мыслях кого-либо в отношении чего-либо’ (дословно ‘что за снадобье продаешь ты в тыкве-горлянке’). Положенный в основание метафоры образ представляет собой исторический факт: в средневековом Китае некоторые лекарства хранились в полости тыквы-горлянки, поэтому снаружи, естественно, было невозможно определить какое именно лекарство находится внутри.
- 4.3. 一根藤上结的瓜 yī gēn téng shang jiē de guā
 (о людях со схожей участью, бедой либо со схожей судьбой)
 ‘друзья по несчастью’ (дословно ‘тыквы/огурцы, выросшие на одном стебле’).
- 4.4. 茄子黄瓜一锅煮 qiézi huángguā yīguōzhǔ
 ‘стричь под одну гребенку; ставить знак равенства между кем-чем без учета конкретных обстоятельств’ (дословно ‘варить в одном котле баклажаны и огурцы’).
- 4.5. 青菜萝卜分不清 qīngcài luóbo fēnbùqīng
 ‘не в состоянии разобраться что хорошо, а что плохо; не уметь отличить правду от лжи’ (дословно ‘не отличит [китайскую] капусту от редьки’).

5. Гастрономический код

- 5.1. 有酒不喝偏喝醋 yǒu jiǔ bù hē piān hē cù
 ‘нарываться на неприятности; лезть на рожон’ (дословно ‘есть вино – не пьет, а нарочно пьет уксус’).
- 5.2. 吃香的, 喝辣的 chī xiāngde, hē làde
 ‘жить в полном достатке’ (дословно ‘кушать ароматное, пить острое’).
- 5.3. 黄花菜都凉了 huánghuācài dōu liáng le
 ‘возможность упущена; поезд ушел’ (дословно ‘блюдо из цветов лимонно-желтого лилейника уже остыло’).

6. Природный код

В данном случае подразумеваются природные явления и универсальные стихии.

- 6.1. 不管天不管地 bù guǎn tiān bù guǎn dì
 '[абсолютно] ничего не опасаясь' (дословно 'не брать во внимание Небо и Землю').
- 6.2. 占上风 zhàn shàngfēng
 'взять верх над кем-чем; оказаться хозяином положения' (дословно 'занять место с наветренной стороны').
- 6.3. 说风就是雨 shuō fēng jiùshì yǔ
 'сказано-сделано' (дословно '[только] сказал про ветер, [и] в самом деле уже дождь [пошел]').
- 6.4. 一会儿风，一会儿雨 yī huìr fēng, yī huìr yǔ
 'человек настроения' (дословно 'то ветер, то дождь').

7. Пространственный код культуры

Данный код связан с членением пространства; для подобных идиом, составляющих фонд «привычных выражений», прежде всего важны следующие пространственные оппозиции: «внутри–снаружи», «вверху–внизу», «восток–запад», «слева–справа». Например:

- 7.1. 一脚门里一脚门外 yī jiǎo mén lǐ yī jiǎo mén wài
 'пребывать в нерешительности' (дословно 'одной ногой во дворе, [а] другой за воротами'). Данное выражение является аналогом русской поговорки *ни вон, ни в избу; ни со двора, ни во двор*.
- 7.2. 你说东，他偏西 nǐ shuō dōng, tā piān xī
 'намеренно перечить кому-либо' (дословно 'ты говоришь [на] восток, а он наоборот – [на] запад').

8. Акциональный код культуры

Об акциональном коде культуры можно говорить в том случае, если мы сталкиваемся с символическими функциями некоего действия, процесса. Здесь символизм проявляется не в каком-то определенном компоненте фразеологизма, а только на базе всего выражения, взятого целиком. Это уже особого рода сложно-составные символы, это полисимволы. Например:

- 8.1. 打埋伏 dǎ mái fu

‘держать кого(что) – либо в секрете или про запас’ (дословно ‘устраивать засаду, быть в засаде’).

8.2. 拍马屁 pāi mǎ pì

‘подхалимничать’ (дословно ‘похлопывать коня по крупу’).

Комментарий: Данное выражение в своем прямом значении, вероятно, существует уже не одну сотню лет, оно пришло из обиходно-бытовой речи кочевых народностей Северного Китая. Как известно, для кочевников нет ничего важнее, чем хороший конь, который рассматривается ими как символ благосостояния, поэтому кони – одна из основных составляющих их жизни. По заведенной некогда традиции, всякий раз, когда человек хотел выразить восхищение своим хорошим конем, он похлопывал его по крупу. Постепенно с той же самой целью этот обычай стал применяться и в отношении чужих коней (лошадей), что вскоре, естественно, привело людей к частичному переосмыслению значения этой условности; так, на определенном этапе подобная демонстрация восхищения чужим скакуном превратилась в своеобразное средство лести. Теперь было уже вовсе неважно, действительно ли хорош конь или нет, желавший угодить хозяину все равно расхваливал его коня.

Анализ роли кода культуры в процессе образования рассматриваемых идиом неминуемо доказывает тот факт, что в большинстве случаев при вторичной номинации невозможно четко отграничить друг от друга тот или иной код, так как эти коды неразрывно связаны в сознании человека, и часто человеческое сознание отражает объект или ситуацию из реального мира путем интерференции двух и более кодов, в результате чего возникает эффект «мозаичной» кодификации. Рассмотрим дополнительные яркие примеры смешанных типов кодирования:

предметный + биоморфный

8.3. 杀鸡用宰牛刀 shā jī bù yòng zǎiniúdāo

‘стрелять из пушки по воробьям’ (дословно ‘достать нож для забоя [рогатого] скота, чтобы резать курицу’).

соматический + предметный

8.4. 眼中钉, 肉中刺 yǎn zhōng dīng, ròu zhōng cì

‘бельмо в (на) глазу’ (дословно ‘гвоздь в глазу, заноза в теле’).

Таким образом, вышеприведенные идиомы класса «привычных речений» ясно показывают, что между кодами культуры не может быть жестких границ. Важность выделения языковых кодов каждой

самобытной культуры важна с точки зрения понимания особенностей образного мировидения ее носителей, так как в различных культурах образность на уровне языка может обеспечиваться разным набором кодов, причем доминирующие коды часто могут не совпадать.

ЛИТЕРАТУРА

- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
- Бенуас Л.* Знаки, символы и мифы. М., 2004.
- Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. М., 2001.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Тресиддер.* Словарь символов. М., 2001.
- Словарь общеупотребительных гуаньюньюй. Под редакцией Вэнь Дуаньчжэна и Шэнь Хуэйюнь. Пекин, 2002 («通用惯用语词典», 温端政, 沈慧云 主编. – 北京: 语文出版社, 2002年).
- Малый словарь общеупотребительных гуаньюньюй. Под редакцией Вэнь Дуаньчжэна. Шанхай, 1999 («惯用语小词典» 温端政 主编. – 上海: 上海辞书出版社, 1999年).

О.А.Зяблова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ

Так как в когнитивной лингвистике за каждым словом стоит определенная структура знания, разгадку когнитивной сути термина нужно искать в особенностях структуры представляемого им знания. Конкретно такая структура знания характеризуется тем, что отражает собой часть специального знания, выработанного в определенной науке. Это сказывается в некоторых аспектах организации терминов, одна часть которых была уже описана раньше, другая – была установлена в пределах самой когнитивной лингвистики. Это прежде всего относится к системности термина. Системность с когнитивной точки зрения может быть определена не только благодаря

простому указанию на функционирование термина в определенной системе. Этого недостаточно. Системность термина означает прежде всего, что он и, соответственно, его семантическая структура дефинируется относительно той части системы, которая выделяется в определенной науке, иначе говоря, значение термина чаще всего определяется относительно какого-либо научно-познавательного домена.

Все это приводит к тому, что в традиционной лексикографии при описании терминов, входящих в семантическую структуру многозначных слов и слов, занимающих в этой структуре 4, 5, 6 и т.д. место, термины получали помету *спец. эконом., бирж., финанс.* и т.д. Более того, дефиниция термина все равно должна содержать, особенно в толковых и специальных словарях, термины из этой же системы. Обычно все термины описываются относительно ключевых понятий соответствующей науки.

Следует однако отметить, что структура термина отличается от структуры обычных слов тем, что в последних дефиниции строятся так, чтобы было легче их отождествлять или распознавать. Термины же дефинируются скорее для того, чтобы дать им *объяснение* – это другой уровень абстракции. Значит, и сама семантическая структура термина строится на других принципах.

В этой связи появление когнитивной науки определило новый подход не только к изучению языка в целом, но и конкретно к его отдельным аспектам. Язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе [Кубрякова 2004: 9]. Изучение языка в рамках когнитивного подхода предполагает объединение отдельных положений современной лингвистики и ее различных направлений с достижениями смежных с ней наук. Именно такой междисциплинарный подход к объекту и предмету исследования кладется в основу одного из современных направлений лингвистики, а именно – когнитивно-дискурсивного, разрабатываемого Е.С.Кубряковой и ее школой.

В настоящее время многие современные исследования в области терминологии доказывают преимущества когнитивно-дискурсивного подхода к анализу термина, расширяющего возможности по-

нимания его функции и места в лингвистической и мыслительной деятельности человека.

Выполняя важнейшую коммуникативную функцию – обеспечение взаимопонимания между представителями разных областей знания и научных дисциплин, термины являются весьма обширной частью лексики современных литературных языков. Уже в исследованиях докогнитивного периода в терминологической лексике выдели наиболее яркого «языкового представителя» той или иной области знания, поскольку терминологическая лексика, по справедливому замечанию А.А.Реформатского, является лексикой «сфер интеллектуально организованной социальной действительности».

Многоаспектность термина, которая, по удачному выражению того же автора, связана с положением термина как единицы области знания, вызывает разноплановость его изучения. Если в исследованиях докогнитивного периода толкование основных сущностных характеристик термина, обуславливающее и общность понимания термина, сводилось к толкованию термина как языкового знака в самых разных тематических областях, то сегодня исследователи видят новые перспективы в определении и изучении термина, а именно, в решении сложнейшей задачи, поставленной когнитивной лингвистикой, – «объяснения тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знания» [Кубрякова 2004: 9]. Такой подход оказывается более сложным, поскольку, как справедливо указывают отдельные авторы, в языковом знаке взаимодействуют такие типы сущностей, как: 1) категории действительного мира; 2) мыслительные категории; 3) прагматические факторы; 4) отношения между языковыми знаками в системе. В данном случае говорят об информационно-понятийном статусе термина. Передаваемая им информация – это информация о некоем фрагменте мира, о ментальной форме отражения этого фрагмента, об условиях использования такого знака и о связи его с другими знаками. «Выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе, и в этом смысле термин являет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [Володина 2000: 30].

Если вообще когнитивная наука оперирует понятием структуры знания и структуры его представления и вся когнитивная наука есть наука о знании, значит, и значение – как условное обозначение одного из признаков данного понятия в этой науке – определяется через когнитивную структуру, т.е. структуру знания. Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть справедливое замечание Е.С.Кубряковой о том, что значение – это когнитивный феномен, за которым стоит определенная структура знания. Значение существует только как значение знака, определенной языковой формы, и в значении слова отображается лишь часть знаний об объекте, которую обычно фиксирует словарь и которая связывается с употреблением слова в типовых контекстах и окружениях [Кубрякова 2002: 15].

Что же собой представляет подобная структура? Структура знания – это прежде всего совокупность концептов, объединенных определенной иерархией и объективированных в термине. Так как и термин, и слово являются результатом познания, то по отношению к порождению термина используется тот же подход, что и к словообразованию вообще – в данном случае – подход с позиций когнитивной лингвистики и с учетом коммуникативных потребностей человека [Новодранова 2003: 150].

Структура знания на более высоком уровне абстракции (например, закреплённом в структуре профессионально-научного знания) основывается на ключевых понятиях, которые образуют ее ядро (например: деньги-обмен-платеж-доход), и может быть описана как особая концептуальная структура. Однако следует заметить, что когнитивная и концептуальная структуры полностью не совпадают. Это обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, а также целым рядом особенностей самих терминологических единиц. Здесь, прежде всего, учитывается область научного познания, взаимодействие результатов повседневного опыта с результатами научного познания, формы ментальной репрезентации научного знания и их взаимодействие со средствами вербализации результатов научного познания, т.е. с терминологическими номинативными знаками. Связь языковых знаков с ментальными единицами и структурами, определяемая в когнитивной лингвистике как основное свойство номинативных знаков, требует, таким образом, чтобы терминологические единицы (главным образом – ключевые термины) были описаны и концептуально, и как определенные ког-

нитивные структуры [Дроздова 2003: 131]. Когнитивная структура и значение термина – это более конкретная структура специального знания, которая преломляется через когнитивную парадигму научного знания.

Что же касается концептуальной структуры, то здесь следует отметить наличие у разных авторов различных определений, а в принципе все они подразумевают под этой структурой *результат обобщения когнитивного опыта человека, хранящийся в виде особых ментальных образований разного типа* (см., например, Кубрякова и др. 1996: 97–95).

Р.Джекендофф под концептуальной структурой понимает определенный уровень в голове человека, на котором сливается и перерабатывается вся информация, полученная в результате различных типов чувственного восприятия, и на котором происходит одновременное языковое освоение этого опыта [Jackendoff 1986: 281].

Концептуальная структура рассматривается и как структура мнений и знаний о мире, в которой отражается познавательный опыт человека, причем это отражение может происходить как на доязыковом, так и на языковом уровнях, но не сводится к какой бы то ни было лингвистической сущности. Составляющими понимаемой таким образом концептуальной системы оказываются отдельные смыслы или концепты, сформированные в процессе познания мира и отражающие информацию об этом мире [Павилёнис 1983: 286].

Учитывая размышления исследователей о том, что концептуальная структура может рассматриваться как система знаний о мире, которые представлены концептами разного уровня сложности и абстракции, полагаем, что и употребление термина с точки зрения концептуальной структуры можно рассматривать как единицу, выполняющую особую роль в «приращении» знания, так как передача и восприятие новой информации участниками коммуникативного акта предполагает наличие у них в их концептуальной системе определенных концептов, т.е. семантически общих компонентов, необходимых для дальнейшего построения новой концептуальной системы. В этой связи возникает необходимость выяснения и разграничения того, какие именно концепты (по структуре, по содержанию и по степени конкретности) лежат в основе терминологической номинации и какие концепты в большей степени способствуют фиксации, хранению и передаче научных знаний.

По утверждению Н.Н.Болдырева [2000: 29–30], при активации концепта в процессе мыслительной или речевой деятельности человек, оперируя концептом как единицей знания, начинает выделять его более конкретные характеристики (компоненты, концептуальные признаки). Эти характеристики отражают в сознании объективные и субъективные признаки предметов и тоже различаются по степени абстрактности. Конкретно-образные характеристики являются результатом обыденного познания и составляют ядро концепта. Абстрактные понятия производны по отношению к ним и выражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического (научного) познания. Содержание термина подвергается стандартизации на различных уровнях, поэтому в его структуре выделяют как национальные компоненты, так и групповые (например, профессиональные) и индивидуальные. Полагаем, что значения научных и технических терминов формируются в большинстве случаев именно за счет более абстрактных концептуальных признаков, обобщаемых на профессиональном уровне и в каком-то смысле подвергаемых стандартизации. В итоге, терминология отражает прежде всего сложившиеся в обществе научные представления о мире и имеет дело с понятиями, т.е. с логически осмысленными концептами, возникающими на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений с отвлечением от второстепенных признаков.

С точки зрения когнитивной лингвистики термин отражает элементы опыта и оценки специалистом данного фрагмента научной области, а также хранит научные факты и умножает знания. Осуществляя когнитивные операции со структурами знания, специалист должен учитывать одновременно и их коммуникативную функцию, функцию использования термина в профессиональной речи [Новодранова 2003: 151]. В языках для специальных целей важную роль играет связь информации со знанием и использование терминов (которые рассматриваются в когнитивной лингвистике как особый вид обработки информации) в речевой деятельности. Это сложный когнитивный процесс, включающий передачу и получение закодированной языковыми средствами информации, зависящей от условий его осуществления и от того, между какими партнерами он протекает [Кубрякова и др. 1996: 165–166].

Что же касается положения о связи термина с понятием, то основные дискуссии, возникающие здесь, направлены на разграничение специальных и неспециальных понятий. Некоторые авторы противопоставляют научные понятия и наивные (обиходные) понятия [Апресян 1974: 167], а другие говорят о дифференциации конструктивно-логических и индуктивно-эмпирических понятий. По мнению С.Д.Шелова, соотношение специального и неспециального понятий далеко не всегда является ясным и очевидным. На практике обоснованием такого разграничения чаще всего служит наличие соответствующей системы определений, удовлетворяющей целому ряду логических и лингвистических требований [Шелов 1998: 18].

Однако объяснить и определить термин с когнитивной точки зрения все же представляется достаточно сложным, потому что весь смысл этого определения заключается в ответе на вопрос, предстает ли перед нами специальная или неспециальная структура знания. Если в дефиниции слова применяются не специальные знания, а знания, понятные обыденному сознанию, то это слово является словом общеупотребительного языка. Если же в объяснении и в дефиниции самого слова используются специальные знания, то это слово скорее всего уже стало термином. Термин возникает как результат взаимодействия когниции и коммуникации в профессиональной деятельности.

Следует заметить, что наиболее наглядно процесс терминообразования проявляется в связи с дискурсом или текстом, где перед тем, как ввести определенный термин, ему дается полное описание или объяснение. По мнению В.Ф.Новодрановой, для осуществления дискурса необходим краткий и емкий по своему содержанию термин, в то же время передающий информацию в простом для ее узнавания виде. Это достигается за счет свертывания полного или детального определения термина сначала в раздельнооформленное словосочетание, затем в цельнооформленную единицу [Новодранова 2003: 151]. Аналогичный процесс свертывания исходной пропозициональной структуры в морфолого-деривационную конструкцию наблюдается при образовании производных слов. В этом случае, по словам Е.С.Кубряковой, содержательной расчлененности обозначаемой структуры знания соответствует формальная расчлененность морфологической структуры производного слова.

М.Н.Володина очень удачно обозначила термин как единицу языкового и специального знания, придав ей информационно-понятийный статус. *Терминологическая информация* – это понятийная (семантическая) информация, нашедшая свою объективацию в языке. Понятийная характеристика терминологической информации во многом совпадает с определением научной информации, представляющей собой выраженное в языковой форме обобщение, которое рождается в процессе практического и теоретического познания и используется в научно-профессиональной деятельности людей.

Источником формирования терминологической информации является практическая преобразующая деятельность людей, накопленный ими общественно-полезный опыт. Этим определяется социальная сущность терминологической информации, концентрирующей в себе коллективную научно-профессиональную память, в качестве базовых единиц которой выступают понятия или концепты.

Терминологическая информация создается на основе знаний об объектах, которые кодируются в конвенциональных лексических значениях общеупотребительных слов. Чем больше информации, совпадающей со свойствами познаваемого объекта, содержится в значении общеупотребительного слова, тем выше вероятность выбора этого слова для обозначения терминируемого им предмета или явления [Володина 2000: 22–23].

Изучение языковой обработки информации, необходимой для передачи знаний и осуществления коммуникации, становится центральным аспектом современного когнитивно-дискурсивного направления в терминоведении. «Закрепив полученную человеком информацию, термин сам становится инструментом познания, поскольку дает возможность обобщать научные факты, умножать знания и передавать их следующим поколениям», – пишет В.Ф.Новодранова [Новодранова 2000: 68].

Само появление когнитивной науки требует в термине спецификацию знания, приписываемого самому слову, и в этом выражается его информационная нагрузка. Так, для обыденного сознания слово **рынок** – это организовано или стихийно возникшее МЕСТО, где можно купить или продать определенные предметы человеческого бытия или продукты сельскохозяйственной деятельности. А для специального – это соотношение спроса и предложения, в результате которого формируются цены. Когнитивно-информационная

структура находит свое выражение в том, что термин несет специальную информацию о конкретном понятии в конкретной области знания.

Исследуя проблемы определения термина в когнитивно-дискурсивной парадигме знания, мы считаем обязательным продолжить лучшие традиции в отечественной лингвистике и придерживаемся взглядов на определение понятия «термина» таких исследователей, как Г.О.Винокур, А.А.Реформатский, которые полагают, что термин – это особая функция обычного языкового знака, соотносящая любое слово (дериват, композит, номинативный комплекс и т.п.) с особой сферой его употребления, с особой картиной мира – научной, технической, профессиональной – или ее фрагментом [Винокур 1994: 218–283; Реформатский 1986: 69]. К таким единицам они предлагают применять выдвинутое А.А. Потебней положение о двух типах значения: «ближайшем» и «дальнейшем».

Т.В.Дроздова рассматривает в качестве терминов номинативные знаки, которые входят в систему естественного языка или в его подсистему – подязык науки и техники. Они создаются как единицы этой системы, на базе ее инвентаря и по законам последней; они представляют собой имена конкретных или абстрактных сущностей, объективирующих определенные ментальные категории. Из этого следует, что термин выполняет функцию, присущую любому номинативному знаку, – функцию передачи (кодирования) информации, в том числе и научной, об объекте/референте через единство формы и содержания знака [Дроздова 2003: 78].

Кроме того, термин также одновременно является и единицей речи, функционирует преимущественно в сфере научной (специальной) коммуникации, но может использоваться также в других типах дискурса, представляя ту часть содержания ментальной единицы, которая фиксирует результат научного познания, что позволяет рассматривать термин в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы как языковой знак, фиксирующий в своем значении научное знание о референте, а также содержащий информацию о себе самом как о единице естественного языка, существующий в рамках определенной терминосистемы, употребляющийся в различных типах дискурса, но полностью реализующий свою функцию лишь при употреблении в соответствующем (научном или техническом) контексте (т.е. в научной прозе, научном изложении, устном сообще-

нии и т.п.) в совокупности с другими единицами (в первую очередь – терминологическими), реферирующими к одной и той же предметной области [Т.В.Дроздова 2003: 79].

Предлагаемый подход дает возможность не сводить содержание и значение термина лишь к содержанию обозначаемого им научного концепта или категории и делает более понятным механизм, обеспечивающий возможность относительно свободного использования одного и того же терминологического номинативного знака в различных подъязыках, стилях и жанрах общенационального языка. Становится также более ясным и то, почему в тексте далеко не всегда соблюдаются такие предъявляемые термину требования, как однозначность, отсутствие синонимов, эмоциональной и оценочной нагрузки и пр. Все это можно объяснить тем, что большинство номинативных знаков, употребляемых в функции терминов, не могут разорвать «пуповину» между «ближайшим» значением, связанным с повседневным знанием, и «дальнейшим» значением, представляющим результат научного познания [Дроздова 2003: 79].

Исходя из особенностей определения термина как единицы языкового и специального знания, мы полагаем, что применение методологических положений когнитивно-дискурсивной парадигмы к его определению дает возможность раскрыть информационную емкость термина, его понятийно-семантическую структуру, т.е. совокупность значений термина, «поставляющих» конкретную терминологическую информацию.

Вполне закономерно, что развитие человеческого знания влечет за собой развитие и изменение соответствующих понятий. На изменение информационной емкости термина существенное и неоспоримое влияние оказывают как внешние, так и внутренние языковые факторы. Так, становление какой-либо новой отрасли науки и техники влечет за собой расширение информационной емкости терминов этой области.

Информационная емкость термина в общественных науках зависит не только от научного и технического знания, но и от изменений, связанных с политическим, экономическим, социальным устройством. Так, например, расширение Европы, процесс глобализации экономики приводят к появлению новых интернациональных терминов, а термины, обозначающие, может быть, то же самое понятие, утрачивают свою актуальность. Так, после объединения Гер-

мании используемый в ГДР термин *Bruttosozialprodukt* 'валовый социальный продукт' был заменен на используемый в ФРГ *Bruttonationalprodukt* 'валовый национальный продукт', в связи с чем изменился и информационный объем термина, который напрямую был связан с существованием двух разных систем экономического устройства.

Информационная емкость слова-термина сопоставима со смысловым объемом его лексического значения и ориентирована в каком-то смысле на него. Как справедливо отмечает М.Н.Володина, «востребованность» конкретной терминологической информации, соотносимой со значением термина, напрямую зависит от коммуникативной активности, от так называемой своеобразной терминологической экспансии в общелитературном языке, которую ряд лингвистов определяет как тенденцию к «интеллектуализации лексики», связанную с возрастанием коммуникативной роли терминологии.

Наряду с этими процессами следует обратить внимание также и на связанные с созданием и функционированием терминов такие процессы, как терминологизация, детерминологизация и фиксация понятий в дефинициях.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- Винокур Г.О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // В.А.Татаринов. История отечественного терминоведения: очерк и хрестоматия. М., 1994.
- Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина. М., 2000.
- Дроздова Т.В.* Проблемы понимания научного текста. Астрахань, 2003.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* Интеграция лингвистических и нелингвистических знаний: инерция и сферы ее действия в языке // Английский лексикон и текст. Сб. научных трудов Моск.гос. лингв.ун-та. Вып. 434. М., 1996.
- Кубрякова Е.С.* О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность языка и сознание. Междунар. межвуз. сб. научных трудов. Вып. 2. Тамбов, 2002.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира М., 2004.

- Новодранова В.Ф.* Когнитивные науки и терминология // Научно-техническая терминология: Научно-технический реферативный сб. М., 2000. Вып. 2.
- Новодранова В.Ф.* Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Москва-Рязань, 2003.
- Павилёнис Р.Н.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
- Реформатский А.А.* Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986.
- Шелов С.Д.* Определение терминов и понятийная структура терминологии. СПб., 1998.
- Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Massachusetts, London, England, 1986.

О.Н. Мартинская

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ
СЛОЖНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(на материале португальского языка)**

Категория оценки широка и многопланова и давно является предметом изучения лингвистов. В последнее время особый интерес вызывают не столько общеоценочные ('хороший/плохой') и аффективно-оценочные смыслы ('великолепный/прекрасный/ отвратительный/ужасный'), сколько дескриптивные средства оценочного выражения. Последние сочетают собственно оценочный компонент с дескриптивным и обладают значительной образностью. Как правило, их оценочное значение вторично, в его основе лежит некий «квазистереотип» (термин В.Н. Телии), то есть ценностное суждение об объекте, сложившееся в данном социуме, и они часто выражаются именами существительными, либо субстантивированными словами.

Сложные составные лексемы представляют собой обособленный пласт дескриптивно-оценочной лексики, поскольку образованы путем слияния словосочетаний или фразеологизмов, и их основной функцией является оценка. Оценочные значения таких сложных существительных не являются в прямом смысле результатом вторичной номинации, однако формируются путем переосмысления

первичных значений слов-компонентов. Поэтому сложные слова отличаются наиболее ярким и многоплановым дескриптивным компонентом, широким спектром мотивации, множеством коннотативных смыслов и прагматических значений. Обладая общими языковыми особенностями, такие лексемы имеют в каждом языке свою специфику.

В данной статье мы рассмотрим такие оценочные дефиниции, которые употребляются для характеристики человека, лица, поскольку большинство аксиологических значений связаны в первую очередь со сферой описания человека: «Оценочные смыслы особенно часто возникают тогда, когда объект оценки как-то связан со сферой человека, лица, так как почти любой признак лица может предполагать оценку; ср.: *каменный дом* и *каменный взгляд*, *круглый стол* и *круглые глаза*, *красный карандаш* и *красный нос*» (см. Вольф 2002: 29). В задачи статьи входит общий обзор формальных моделей образования сложных существительных, классификация основных мотивировок формирования оценочных значений, а также анализ причин трансформации значений слов-формантов и метафоризации значений составных лексем.

Источниками для набора материала послужили, в первую очередь, лексикографические издания. В частности, все португальские лексемы взяты из толкового словаря португальского языка «*Augélio, século XXI*» [Ferreira 1999]. Теоретической базой для данной статьи послужили работы отечественных лингвистов, в том числе Е.М.Вольф, В.Н.Телии, Н.Н.Курчаткиной, А.В.Супрун, Е.С.Кубряковой.

Необходимо отметить, что образование сложных слов в португальском языке фактически представляет собой слияние словосочетаний, то есть промежуточный тип между однословными и аналитическими дериватами. В известной степени такие конструкции свойственны всем романским языкам. Они образуются путем сложения словоформ – членов словосочетания, и в тексте их цельность отображается при помощи дефиса, соединяющего слова-форманты. В качестве форманта выступает именно словоформа, на что указывают формы множественного числа у существительных и 3 лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения у глаголов, например: *acaba-novenas*, *mãos-atadas*, *come-e-dorme*. В отношении синтаксической устойчивости, а также ввиду

того, что сложные слова получают новое лексическое значение, которое не сводится к сумме значений компонентов, такие составные слова сближаются с фразеологизмами и другими идиомами, поскольку для идиом, равно как и для оценочных номинаций, «существенным... оказывается признак, который отражает не реальное свойство предмета, а то свойство, которое приписывают ему члены языкового коллектива» [Курчаткина, Супрун 1981: 17]. Внутри сложного деривата слова-форманты не претерпевают никаких морфологических преобразований, и соединяющие их синтаксические связи сохраняются.

С формальной точки зрения в португальском языке выделяются следующие основные модели образования сложных существительных:

- а) V + N;
- б) N + Adj;
- в) Adj + Adj;
- г) N + N;
- д) V + V;
- е) сложение словосочетаний.

Наиболее продуктивны для образования сложных существительных модели, правильные грамматически, то есть представляющие собой распространенные типы словосочетаний. К ним относятся: сочетание глагола с существительным – прямым дополнением (*arrepia-cabelo* – досл. ‘ставит волосы дыбом’ – ‘резкий, невыносимый человек’; *espalha-brasas* – досл. ‘разбрасывает угли’ – ‘суматошный человек’; *manda-chuva* – досл. ‘заказывает дождь’ – ‘влиятельный человек’), сочетание существительного с определением – прилагательным или страдательным причастием (*agua-morna* – досл. ‘теплая вода’ – ‘миролюбивый человек’; *cabeça-rapada* – досл. ‘обритая голова’ – ‘католический священник’; *calça-curta* – досл. ‘короткие штаны’ – ‘подкаблучник, трус’; *manteiga-derretida* – досл. ‘растопленное масло’ – ‘плакса’) и именная группа с предлогом (*cabeça-de-camarão* – досл. ‘голова креветки’ – ‘тугодум’; *mala-sem-alça* – досл. ‘сумка без ручки’ – ‘зануда’; *pé-na-cova* – досл. ‘нога в яме’ – ‘больной, изможденный человек’). Наименее продуктивны модели, нестандартные с грамматической точки зрения и, следовательно, малоупотребительные. Среди непродуктивных конструкций нужно отметить следующие: сочетание двух прилагательных (*alto-astral* – досл. ‘высокий звездный’ – ‘человек в приподнятом на-

строении»; *lusco-fusco* – досл. ‘слепой смуглый’ – ‘мулат’), объединение двух глаголов с союзом *e* – ‘и’ (*come-e-dorme* – досл. ‘ест и спит’ – ‘тунеядец’); *leva-e-traz* – досл. ‘берет и приносит’ – ‘сплетник’). Существует целый ряд формальных непродуктивных моделей, представленных в языке единичными случаями образования сложных лексем, к ним относятся: удвоение с изменением формы слова (*ningres-ningres* – ‘никчемный человек’, от порт. *ninguém* – ‘никто’ с экспрессивным искажением, источники которого не вполне ясны), сочетание числительного с существительным (*quatro-olhos* – досл. ‘четыре глаза’ – ‘очкарик’), сочетание междометия с существительным (*arre-burrinho* – досл. ‘вперед, ослик!’ – ‘объект насмешек’). В состав сложных лексем могут входить устойчивые сочетания (*coisa-à-toa* – досл. ‘вещь наудачу’ – ‘бесхарактерный человек’).

Особого внимания заслуживают сложные существительные, представляющие собой слившиеся многочленные словосочетания, либо целые предложения с самостоятельным предикативным центром (*cabeça-de-nos-todos* – досл. ‘голова, как у всех нас’ – ‘человек с огромной головой’; *maré-me-leva-maré-me-traz* – досл. ‘течение меня уносит, течение меня приносит’ – ‘нерешительный человек’). Такие сложные слова обнаруживают явственную связь с фразеологизмами, из которых они образованы. В силу отсутствия каких-либо морфологических преобразований они сохраняют исходную форму фразеологического оборота. Их отличие от фразеологических сочетаний заключается лишь в том, что в предложении они функционируют как цельная словарная единица, синтаксически неделимая:

Benevenor, atolado nos livros, era um maria-vai-com-as-outras, seria um bagaço nas mãos de Tiotônia (Faria 1981: 48) ‘Беневенор, увязший в книгах, был человеком безвольным, как выжатый лимон в руках Тиотонии’.

Нужно отметить, что сложные оценочные существительные имеют форму общего рода, то есть могут употребляться с артиклями как мужского, так и женского рода, независимо от родовой принадлежности составляющих. Это свойство в известной степени является общим для всех номинаций с вторичным или трансформированным оценочным значением в португальском языке.

Представляется особенно важным рассмотреть процесс трансформации значений, поскольку даже у лексем, сходных с точки

зрения формальных моделей образования, можно выявить различные мотивировки, предшествовавшие семантическим преобразованиям. Мотивацию трансформации значений возможно восстановить через дескриптивный компонент сложного слова, то есть коннотативно-прагматические смыслы, вытекающие из суммы значений составляющих слово формантов. Другими словами, мотивация создаваемой лексемы часто носит эксплицитный характер, причем окончательное значение «мотивируется не столько непосредственно мотивирующим словом, сколько семантикой той конструкции, в которую оно входит и в которой оно само играет, выполняя определенную синтаксическую функцию, определенную семантическую роль» [Кубрякова 1981: 36].

В отношении мотивации оценочных значений сложные дериваты можно подразделить на несколько крупных разрядов, которые, безусловно, не охватят всего материала, но задействуют значительную его часть. Таким образом, основными типами мотивировок образования оценочных значений сложных существительных являются: «прозрачная» мотивировка; метафорический перенос значения, опирающийся на образ или квазистереотип; метафорический перенос значения, опирающийся на экстралингвистические факторы; заимствование фразеологического значения исходного словосочетания/предложения.

Группа составных лексем с «прозрачной» мотивировкой включает такие сложные образования, семантика которых практически не претерпела изменений и вытекает из суммы значений слов-формантов, например: *manja-léguas* – досл. ‘пожирает лиги’ – ‘любитель много ходить’; *rapa-tachos* – досл. ‘вылизывает тарелки’ – ‘обжора, не гнушающийся чужими объедками’; *come-e-dorme* – досл. ‘ест и спит’ – ‘тунеядец, нахлебник’; *cabeça-dura* – досл. ‘твердая голова’ – ‘грубиян, болван’; *caça-dotes* – досл. ‘охотится за приданым’ – ‘альфонс’.

Оценочное значение сложного наименования может быть идентично исходному значению словосочетания, из которого оно образовано, например:

Passa-culpas – досл. ‘прощает вину’ – ‘человек, который легко забывает обиды’.

Без сомнения, в тексте такие сложные лексемы могут приобретать дополнительные оттенки значения, обусловленные контекстом и не зафиксированные в словаре:

Detestava o povo desordeiro, mas detestava ainda mais o oficial, supondo-o passa culpas, um relaxadão (Correia 1992: 52) 'Он ненавидел беспорядочную толпу, но еще больше ненавидел этого представителя власти, считая его мямлей, бездельником'.

Согласно сложившемуся стереотипу, представитель власти должен обладать определенными качествами: решительностью, силой характера, способностью управлять людьми. Употребление данной лексемы усиливает негативную оценку объекта суждения, оценочная лексема приобретает дополнительные семы безответности, неспособности к решительным действиям, слабохарактерности, что подчеркивает несоответствие человека занимаемой им должности.

Тем не менее, чаще семантика сложного наименования сохраняет связи со значением исходного словосочетания, но в процессе деривации лексемы претерпевает некоторые преобразования, пусть даже минимальные. Так, при образовании сложного слова *mau-caráter* (досл. 'плохой характер' – 'неприятный человек с тяжелым характером') перенос значения словосочетания *mau caráter* на человека – его обладателя – можно в известной степени считать метонимическим. Частотны случаи преобразования семантики одного из исходных слов-формантов в составе сложного. Например, в слове *porta-novas* (досл. 'несет новости' – 'болтун, любитель «раззвонить» сплетни по округе') формант *nova* приобретает значение слуха, сплетни.

Второй тип мотивации подразумевает метафорический перенос значения, опирающийся на образ или квазистереотип. От первого типа он отличается тем, что не просто обладает отсылкой к некому образу, часто интенсивному и аффективному, но представляет скрытое сравнение объекта суждения с этим образом. Другими словами, образ, лежащий в основе трансформации значения, является не прямым наименованием объекта суждения, но предполагает сравнение с ним, например: *manteiga-derretida* – досл. 'растопленное масло' – 'тот, кто понапрасну плачет и убивается'; *mosca-morta* – досл. 'дохлая муха' – 'вялый, лишенный энергии человек'; *peru-de-festa* – досл. 'праздничная индюшка' – 'завсегдатай вечеринок и праздников'; *pinga-fogo* – досл. 'брызжет огнем' – 'провокаатор, смельчак'; *água-morna* – досл. 'теплая вода' – 'мирный, безобидный человек'; *barata-de-igreja* – досл. 'церковный таракан' –

‘очень набожный человек’; *galinha-morta* – досл. ‘мертвая курица’ – ‘трус’. Рассмотрим несколько примеров подробнее.

Má-língua – досл. ‘злой язык’ – ‘любитель говорить плохо о других, злопыхатель’.

Сложное существительное представляет собой пример «двойной» метафоризации. Первая происходит на уровне исходного словосочетания, поскольку сам по себе язык не может быть «злым», и, таким образом, под «злым языком» подразумеваются злые речи, злословие. Однако, будучи метафоричным изначально, словосочетание в процессе преобразования в сложное существительное претерпевает повторную метафоризацию значения, в результате чего становится наименованием сплетника, любителя плохо говорить о других.

По аналогичной схеме развивается преобразование значений составной лексемы *mãos-atadas*:

Mãos-atadas – досл. ‘связанные руки’ – ‘слабовольный, нерешительный, сомневающийся человек’.

Образ связанных рук ассоциируется с бессилием, невозможностью принятия решений. Значение слабовольного, нерешительного человека подразумевает скрытое сравнение – как будто у него связаны руки. В русском языке также используется фразеологический оборот *руки связаны* со значением бессилия, неспособности разрешить создавшуюся ситуацию. Однако в русском фразеологизме отсутствует сема нерешительности, сомнений, зато присутствует прагматическое значение внешней силы, судьбы, мешающей взять ситуацию под свой контроль. С другой стороны, можно предположить, что португальская фразеологическая конструкция *mãos atadas* ‘связанные руки’ также не подразумевает отсутствия воли, решимости у объекта суждения, и эти семы возникают при слиянии фразеологического сочетания в оценочное существительное, поскольку оно получило дополнительную окраску.

Интересно рассмотреть данный тип трансформации значений с точки зрения существования эквивалента в других языках, в том числе в русском:

Mosquito-elétrico – досл. ‘электрический комар’ – ‘беспокойный человек, непоседа’.

Нужно отметить, что для называния непоседы, излишне деловитого человека что русский, что португальский языки прибегают к

одному и тому же приему сведения несовместимых понятий: в португальском языке это 'электрический комар', в русском мы говорим *деловая колбаса, беиный таракан, шустрый веник*. С другой стороны, при отсутствии в русском языке аналогичного португальскому образа, возникают значительные трудности с переводом художественного текста, поскольку представляется сложным подобрать для перевода аналогичную – такую же емкую и образную – оценочную лексему.

Água-morna, temia complicações, preferia baixar a cabeça, esperar que as coisas acontecessem (Asfora 1947: 13) 'Рохля ('теплая вода'), он боялся осложнений, предпочитал опустить руки и ждать, пока все само разрешится'.

Имеется значительное число лексем, оценочное значение которых мотивировано, наряду с метафорическим переносом, экстралингвистическими факторами, в первую очередь, социальным и культурологическим. В данном случае объяснение мотивации не возможно без знаний истории и культуры данной языковой общности, к таким словам относятся: *calção-de-couro* (досл. 'кожаные шорты') – 'отважный, целеустремленный человек'; *chifre-de-cabra* (досл. 'рога козы') – 'скупец'; *pica-milho* (досл. 'кусает кукурузу') – 'невежа, простак'.

В большинстве таких случаев восстановить историко-культурные и социальные факторы, обусловившие образование оценочного значения, не представляет труда. Другими словами, невзирая на более сложный процесс формирования значения, его мотивация достаточно прозрачна, например:

Cabeça-rapada – досл. 'бритая голова' – 'католический священник, падре'.

По всей вероятности, в основу данного переноса лег образ католического монаха, выбривавшего на макушке тонзуру.

Mão-de-padre – досл. 'рука падре' – 'лентяй, мошенник'.

Оценочное значение 'лентяй' базируется, по всей видимости, на традиционном стереотипе легкой жизни священника, которому не приходится работать руками, заниматься физическим трудом. Значение мошенника, должно быть, восходит к образу бродячих священников-шарлатанов, обиравших в средние века доверчивых простолудинов.

Сложная номинация *papa-açorda* (досл. 'жует асорду' – португальское национальное блюдо) имеет оценочное значение 'бедняка',

поскольку в Португалии асорда – хлебная похлебка с небольшим количеством рыбы – считалась блюдом бедняков, нуждающихся рыбаков.

Использование лексемы *acaba-novenas* (досл. ‘завершает девятидневные молитвы’) для обозначения смельчака, отважного человека, вероятно, связано со стереотипом сложности, трудоемкости чтения девятидневных молитв, так что лишь смельчак способен довести их до конца. Однако нужно сказать, что это значение давно утратилось, и сейчас *acaba-novenas* используется в Бразилии для характеристики не просто храбреца, а бандита, например:

Outra variedade do tipo cangaceiro é o cabra valentão, famanaz, 'desmancha-sambas', 'acaba-novenas', ..., faquista, desordeiro (Bartoso 2000: 150) ‘Еще одна разновидность бродяги – отважный стервец, наводящий страх на всю округу, смельчак (‘дочитавший девятидневные молитвы’), храбрец с ножом за пазухой, устроитель беспорядков’.

Не все мотивировки оценочных значений настолько прозрачны. В некоторых случаях, чтобы воссоздать факторы, обусловившие образование оценочного значения, необходимо более глубокое изучение истории и культуры языковой общности. Иногда для обнаружения мотивации оценочного значения нужно провести комплексный анализ, включающий формальный, семантический, культурологический и сопоставительный подходы. Так, португальское *menina-dos-olhos* имеет значение ‘любимого, дорогого сердцу человека’. Однако словосочетание *menina dos olhos* как таковое в современном языке не существует – его дословный перевод ‘девушка глаз’ не имеет смысла. С другой стороны, сложное слово *menina-dos-olhos* обнаруживает связь с *menina-do-olho*, служащим для обозначения зрачка в португальском языке (такая конструкция используется также в других романских языках). Предположительно, оценочная лексема образовывалась формально по аналогии с семантически исходным словом, перенимая его аффективные прагматические смыслы, связанные с квазистереотипом ‘зрачка’, и незначительно трансформировав морфологически его исходную форму. Следует отметить, что понятие ‘зрачка’ во многих языках связано с темами чувств любви, нежности, заботы (ср. с русскими сочетаниями *отрада очей, беречь, как зеницу ока*).

В португальском языке присутствует такое явление, как многокомпонентные оценочные дефиниции, произошедшие путем слияния фразеологизмов и сохранившие их значения, например: *maré-me-leva-maré-me-traz* – досл. ‘течение меня уносит, течение меня приносит’ – ‘слабый, неуверенный в себе человек’; *maria-vai-com-as-outras* – досл. ‘Мария идет за всеми’ – ‘нерешительный человек’; *olho-de-secar-pimenta* – досл. ‘взгляд, высушивающий перец’ – ‘тот, кто способен сглазить, дурной глаз’; *pau-de-amarrar-égua* – досл. ‘палка для укрощения кобылы’ – ‘отчаявшийся человек, согласный на любую работу’. Число подобных лексем ограничено, однако такие составные слова, как уже было сказано, свободно употребляются в речи, выступают как единый член предложения (при этом являясь субстантивом общего рода) и могут присоединять зависимые слова – определения. С другой стороны, их использование сильно утяжеляет разговорную речь, поэтому они тяготеют к употреблению преимущественно в аффективно-оценочных обращениях и неполных предложениях:

Bah, maria-vai-com-as-outras. Mas olhe meu senhor, eu a bem dizer não tenho problemas deste meu filho (Ribeiro 1985: 21) ‘Ба, безвольный тип. Но послушайте, уважаемый, у меня, сказать по-хорошему, не возникает проблем с этим сыном’.

Мы также отдаем себе отчет в том, что часть оценочных значений на современном этапе развития языка могут предстать как немотивированные, например: *arre-burrinho* – досл. ‘вперед, ослик!’ – ‘объект насмешек’; *chupa-caldo* – досл. ‘потягивает бульон’ – ‘подхалим’; *mala-sem-alça* – досл. ‘сумка без ручки’ – ‘невыносимо скучный человек’; *mapa-do-Brasil* – досл. ‘карта Бразилии’ – ‘старуха’. В таких случаях мы не в состоянии обнаружить мотивацию переноса значений без подробного исследования этимологии слова и экстралингвистических культурологических факторов, определивших процесс преобразования значений, однако такие исследования не входят в задачи нашей работы.

Имеется ряд лексем, особенно продуктивных для образования сложных моделей, к ним относятся: *banda* (*banda-forra*, *banda-de-esteira*), *bicho* (*bicho-careta*, *bicho-da-toca*, *bicho-de-coco*, *bicho-do-mato*), *cabeça* (*cabeça-de-arroz*, *cabeça-de-bagre*, *cabeça-de-camarão*, *Cabeça-de-coco*, *cabeça-de-nos-todos*, *cabeça-de-vento*, *cabeça-dura*, *cabeça-feita*, *cabeça-rapada*, *cabeça-tonta*), *cabra* (*cabra-de-chifre*,

cabra-de-peia, cabra-feio, cabra-sarado), *caçar* (*caça-dotes, caça-fecho*), *espantar* (*espanta-lobos, espanta-ratos, espanta-tesao*) и др. Условно их можно подразделить на три основных типа: с опорным словом – наименованием лица, субъекта в рамках вторичной номинации (*bicho, cabra*), с опорным словом – существительным со значением частей тела человека (*cabeça, cara, lingua, mão, pé*), с опорным словом – глаголом активного действия (*caçar, espantar, furar, papar*).

Особое внимание хотелось бы обратить на использование имен собственных, в первую очередь, библейских – *João* и *Maria* – в образовании сложных оценочных существительных. Такие имена, будучи на протяжении многих веков наиболее распространенными, получили двоякую интерпретацию: человека вообще, с одной стороны, и простого человека из народа – с другой. Например: *maria-fumaça* – досл. ‘Мария-курилка’ – ‘заядлый курильщик’; *joão-sem-brasço* – досл. ‘Жоао без руки’ – ‘симулянт, переключивший на других свою работу’; *joão-grande* – досл. ‘Жоао большой’ – ‘высокий человек’; *joão-ninguém* – досл. ‘Жоао никто’ – ‘незначительный человек’. В русском языке также можно проследить аналогичное явление, когда кого-то малоизвестного и незначительного называют *дядей Васей*, или, например, в самоуничижительном *Вот я Василий!*, где *Василий* используется в значении ‘простак, наивный человек, глупец’. Однако нужно отметить, что имена собственные в составе сложных теряют свою детерминативную функцию и пишутся со строчной буквы. Согласно исследованиям бразильских лингвистов [Carneiro 1996: 47], такие сложные слова с составляющими – именами собственными, хоть и являются субстантивами общего рода, используются преимущественно для оценочного названия мужчин, причем это касается слов, содержащих в качестве формантов как мужские имена (*João, José* и их дериваты), так и женское имя *Maria*. Для оценочной характеристики женщин могут употребляться слова, содержащие имя *Maria*, и практически никогда – лексем с мужскими именами типа *joão-fernandes* и *zé-ninguém*.

Сложные оценочные существительные в португальском языке являются характерным элементом языковой картины мира Португалии и Бразилии, во многом отображают национальный колорит обеих стран и являются ярким примером экспрессивности языка, особенно его бразильского национального варианта. Они позволяют

лучше понять общность и взаимодействие португальской и других культур, провести параллели с разными языковыми образами. С другой стороны, отражая специфические черты португальского и бразильского национального сознания, они часто не имеют аналогов в других языках, что вызывает сложности с переводом художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 2002.
Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981.
Курчаткина Н.Н., Супрун А.В. Фразеология испанского языка. М., 1981.
Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
Carneiro A. D. Atualização discursiva dos nomes próprios // Discurso, Coesão, Argumentação. Rio de Janeiro, 1996.
Ferreira A. B. de H. Novo Aurélio Século XXI: o dicionário da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1999.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Asfora P.* Vento Nordeste. Porto Alegre, 1947.
Barroso G. Terra de Sol. Rio de Janeiro, 2000.
Correia J. de A. Cinza do Lar. Rio de Janeiro, 1992.
Faria N. Tiziu e Outras Estórias. Rio de Janeiro, 1981.
Ribeiro A. Volfrâmio. Lisboa, 1985.

Е.Маццола

РУССКАЯ ЧАСТИЦА ЖЕ И ЕЕ ПЕРЕВОДНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (опыт сопоставительного анализа)

Известно, что русские частицы не имеют во многих других языках однословного переводного эквивалента. Вместе с тем, очевидно, что они, пользуясь словами Т.М.Николаевой, вносят «дополнительные смысловые строки» в интерпретацию высказывания [Николаева 1985: 13]. Таким образом, возникает проблема выявления тех средств в языке перевода, которые могли бы наиболее адекватно отразить семантику частиц. Цель данного исследования – проанализировать

зировать используемые профессиональными переводчиками способы перевода частицы *же* на итальянский язык, оценить их адекватность, построить классификацию ее переводных эквивалентов и попытаться выявить факторы, определяющие выбор того или иного варианта перевода. Материалом исследования послужили произведения русских писателей XX века и их переводы на итальянский язык (см. список источников в конце работы), из которых были методом сплошной выборки выделены около 1000 предложений с частицей *же* и их итальянских соответствий. Кроме того, мы будем приводить в тексте статьи собственные переводы примеров с частицей *же*, анализируемых в посвященных ей работах русистов.

1. Введение

Русским частицам вообще и лексеме *же*, в частности, посвящена обширная литература, но ее семантическая трактовка остается до сих пор спорной и нередко противоречивой. Толковые словари русского языка, в том числе специальные словари служебных слов, равно как и двуязычные переводные словари, по-разному классифицируют множество употреблений лексемы *же*, помещая одни в класс союзов, а другие – в класс частиц. Проблемы принадлежности служебных слов к различным частям речи остаются открытыми и в данной работе нами не поднимаются. Мы считаем слово *же* частицей во всех его употреблениях и предлагаем взглянуть на эту частицу в свете проблемы ее перевода, так сказать, сквозь призму итальянского языка. Перед нами встает следующий вопрос: какими средствами располагает итальянский язык для отражения различных функций частицы *же*?

В проведенном нами анализе мы исходили из наиболее эксплицитных описаний семантики частицы *же*, предложенных в работах Бонно, Кодзасов 1998 и Падучева 1987, авторы которых выделяют приблизительно одинаковые функции частицы, хотя и описывают их с разных теоретических позиций.

Разные семантические функции частицы мы будем кратко описывать в процессе анализа.

2. Сопоставительный анализ

В основе анализа семантики частицы *же* в работе Бонно, Кодзасов 1998 лежат два коммуникативно-прагматических критерия, с

которыми соотносится информация, вводимая при помощи данной частицы. Это критерий релевантности и критерий адекватности, которые в зависимости от контекста воплощаются в более конкретных семантических функциях, или значениях лексемы. К критерию релевантности относятся сопоставительная и аргументативная функции, а к критерию адекватности – идентифицирующая функция и так называемое значение «безотлагательности». Рассмотрим эти функции последовательно, устанавливая способы их отражения в итальянском переводе.

В случае функций, основанных на критерии релевантности, информация, вводимая с помощью *же*, маркируется как значимая (релевантная) для построения адекватного образа актуально рассматриваемого фрагмента действительности или выбора адекватного поведенческого плана. Без этой информации знание будет неполным или неверным, а поведение – неадекватным. *Же* возвращает адресата к релевантной информации. Функции, относящиеся к данному типу, различаются по их связи с темой или ремой высказывания. Начнем с функции, относящейся к теме высказывания.

2.1. ЖЕ в сопоставительной функции

Рассмотрим первую функцию частицы *же* – сопоставительную. Она состоит в маркировании контрастной (сравнительно-сопоставительной) темы. В этой функции *же* соответствует противительному союзу *а* в некоторых его значениях (см. об этом в Падучева 1987).

В данном случае высказывание имеет сложную когнитивную структуру, состоящую из двух частей, связанных друг с другом ассоциативными, функциональными, причинно-следственными или иными смысловыми связями. Частица *же* является тематической (т.е. примыкает к теме) и маркирует тот факт, что при переходе от первой части высказывания ко второй говорящий пребывает внутри единой когнитивной области (*domaine de référence*). Выбор элемента, вводимого с помощью *же*, основывается на критерии релевантности: этот элемент позволяет осуществить нужную ассоциацию с некоторым другим элементом, введенным в предтексте. При отсутствии *же* нужная связь не устанавливается, и тем самым нарушается связность изложения. Рассмотрим следующий пример:

- (1) *Я очень много ел, я рос. Мать же питалась в основном картошкой* (С.Довлатов).

Же вводит тему второго предложения – В (*мать*), противопоставляя ее теме первого – А (*я*). Для данной функции *же* итальянский язык имеет точный эквивалент – лексему *invece*. Предлагаем верный, на наш взгляд, вариант перевода:

- (1a) *Io mangiavo molto, crescevo. Mia madre invece si nutriva fundamentalmente a patate.*

В грамматике итальянского языка *invece* помещается в разряд противительных лексических элементов наряду с *ma*, *però*, *bensì*, *tuttavia*, и т. п., но отличается от перечисленных элементов тем, что выражают исключаящее противопоставление, полный контраст. Другие противительные лексемы – *ma* и *mentre*, способные передать данное значение *же*, выполняют эту функцию только в некоторых случаях. Рассмотрим примеры:

- (2) *Мой плотский состав изнемогал. Сознание же обходилось без потрясений* (С.Довлатов).
- (2a) *La mia componente fisica era allo stremo. Ma la mia coscienza se la cavava senza traumi.*
- (3) *Кладбище шло от дороги на подъем. Наверху была разрушенная татарская часть с остатками мечети, восточный же склон издавна был христианским* (Л.Улицкая).
- (3a) *Il cimitero si trovava su una collina la di sopra di una strada. In cima c'era la parte tatara in rovina con i resti di un amoschea mentre il pendio orientale era cristiano.*

Разница заключается лишь в порядке слов. *Invece*, как и русская частица *же*, ставится после слова, к которому оно относится, *ma* и *mentre* – непосредственно перед этим словом. *Invece* является самым близким переводным эквивалентом *же* в этой функции, но следует рассмотреть и особые случаи.

Вернемся к первому примеру для более глубокого анализа. В действительности, в итальянском тексте переводчик предлагает следующий вариант:

- (1a) *Io mangiavo molto, crescevo. Mia madre si nutriva fundamentalmente a patate.*

Очевидно, что основная структура русского высказывания сохраняется, а переводной эквивалент частицы *же* отсутствует. И

все-таки даже в таком переводе значение противопоставления, вводимое в русский текст частицей, полностью сохраняется. Какими средствами?

Мы считаем, что к таким средствам можно отнести порядок слов в предложении, порядок предложений в тексте и смысловые связи между ними: в обоих предложениях речь идет о том, чем питались автор (я) и его мать. Два разных, но ассоциативно связанных (принадлежащих одной когнитивной области) субъекта и два разных, но ассоциативно связанных предиката, как правило, предполагают противопоставление субъектов как имеющих разные предикаты. При линейном расположении в тексте подлежащего и сказуемого в двух предложениях, при определенной смысловой связи между ними, противопоставление актуализуется, интуитивно сразу же понимается. В устной речи дополнительным средством выражения противопоставления была бы интонация, а именно акцентное выделение темы второго предложения. В русском языке в аналогичных случаях также возможно выражение противопоставления без помощи частицы. Ср. следующий отрывок из стихотворения В.В.Маяковского: *Белый ест ананас спелый, черный – гнилью моченый.*

Доказательством того, что идея противопоставления сохраняется в итальянском переводе, будет прочтение данного отрывка с соответствующей сопоставительной интонацией носителями итальянского языка. Супрасегментные средства имеют существенную роль в построении высказывания и понимании его смысла. И на самом деле, маловероятно, что носитель итальянского языка неверно интерпретировал бы приведенный пример. Именно просодические средства в устной форме речи, а при чтении письменного текста их «мысленные» эквиваленты, служат аналогами *же* в сопоставительной функции. Значение противопоставления лексически может быть не выражено, но заложено в линейно-интонационной структуре текста.

Кстати сказать, между русскими частицами и интонацией существует связь, которую отмечали многие исследователи (см. в особенности Падучева 1987, Николаева 1982). И.М.Кобозева пишет: «Носителем модального значения является не только частица, но и связанный с ней ИК (интонационный контур – *Е.М.*). Известно, что интонация – одно из важнейших средств передачи оттенков субъек-

тивно-модальных значений. Возникает вопрос: нельзя ли приписать модальное "приращение" к смыслу фразы с частицей исключительно интонации, а частицу считать незначимым "довеском", необходимым для более полного развертывания интонационного контура? Для отдельных примеров такой подход оправдан. Однако ко всей совокупности наблюдаемых фактов он не применим. Судя по всему, существуют сложные правила взаимодействия собственных значений ИК и частиц, которые приводят к возникновению результирующих значений. Тем самым, объектом семантического анализа является амальгама значения частицы и интонационного контура» [Кобозева 1988: 49].

Таким образом, семантика частицы *же* глубоко связана и с ее просодией. В нашем анализе вместе с поиском лексических эквивалентов перевода, мы исходим из постулата существенной роли порядка слов и интонации при передаче смысла в устной речи, а для письменной речи аналогом интонации можно считать мысленно воспроизводимый ее эквивалент. Следовательно, мы можем утверждать, что в итальянском языке именно интонация (мысленная в случае письменной речи) и порядок слов реализуют сопоставительную функцию частицы *же*.

Рассмотрим другой пример, в котором компоненты высказывания, выражающие противопоставление, синтаксически не параллельны, не равны:

(4) *По Солженицыну, лагерь – это ад, я же думаю, что ад – это мы сами...* (С. Довлатов).

(4a) *Secondo Solzenicyn, il campo di prigionia è l'inferno. Io penso invece che l'inferno siamo noi...*

Если бы конъюнкты в (4) содержали тождественные синтаксические конструкции: *Солженицын думает, что... – Я думаю, что...* или *по-Солженицыну... – по-моему...*, то противопоставление непосредственно опиралось бы на параллелизм их структур. Именно непараллельность формы выражения субъекта мнения, который в одном случае (*по Солженицыну*) является частью вводного оборота, а в другом (*я думаю*) – подлежащим, требует эксплицитного выражения оппозитивного коннектора как в русском оригинале, так и в его итальянском переводе. Итак, в случае отсутствия синтаксического параллелизма, а также и в тех случаях, когда первый термин сопоставления находится слишком далеко от

второго, как в примере (5), опущение *invece* сделало бы высказывание трудным для понимания.

- (5) *Тетка знала множество смешных историй. Потом, самостоятельно, я узнал, что Бориса Корнилова расстреляли. Что Зоценко восславил рабский лагерный труд. Что Алексей Толстой был негодяем и лицемером. Что Ольга Форш ... [...] И многое другое. Тетка же помнила, в основном, смешные истории. Я ее не виню. Наша память избирательна, как урна* (С. Довлатов).
- (5a) *La zia conosceva un sacco di storielle divertenti. Poi venni a sapere per mio conto che Kornilov era stato fucilato. Che Zoscenko aveva esaltato i lavori forzati. Che Aleksej Tolstoj era una carogna e un ipocrita. Che Ol'ga Fors... [...] E molte altre cose. La zia, invece, ricordava prevalentemente le storie divertenti. Non la critico. La nostra memoria è selettiva come una pattumiera.*

2.2. ЖЕ в аргументативной функции

Данная функция *же* уже не тематическая, а рематическая, то есть реализуется тогда, когда *же* примыкает к реме предложения. Этот случай касается пар высказываний А и В, связанных причинно-следственными отношениями. *Же* при этом входит в структуру высказывания А, выступающего в качестве аргумента за или против В.

Рассмотрим *же*, вводящую **аргумент против В** ('измени В, потому что А'). Поскольку в данной функции конкретный вклад частицы в семантику высказывания зависит от иллокутивного типа последнего, мы будем анализировать каждый иллокутивный тип отдельно, начиная с **утвердительных высказываний**. В этом случае говорящий упрекает собеседника за то, что тот своим поведением В1 противоречит правильному поведению В, соответствующему ситуации А, или возражает против утверждения В1, которое противоречит ситуации А. Ситуация А либо известна обоим коммуникантам, либо самоочевидна.

Рассмотрим следующий пример. Два собеседника обсуждают театральную постановку, и первый собеседник предлагает второму принять активное участие в спектакле:

- (6) (В) – *Вы человек культурный, образованный. Мы решили привлечь вас к этому делу.*
(А) – *Я же не имею отношения к театру* (С. Довлатов).

Второй собеседник протестует, объясняя протест своей некомпетентностью. *Же* вводит аргумент А против неадекватного предложения В. Посмотрим перевод на итальянский язык:

(6a) – *Lei è una persona colta, istruita. Abbiamo deciso di coinvolgerla in questo progetto.*

– *Io non ho niente a che fare col teatro.*

Мы видим, что переводчик решил не выражать коннектор эксплицитно. В устной речи интонация могла бы частично заполнить лакуну отсутствия формальной связи, но в письменной форме речи лучше было бы употребить союз *ma* или соединительное выражение *ma se*, так как иначе пропадает существенный компонент смысла: по мнению говорящего, причина протеста должна была быть известной собеседнику. В данном случае мы считаем неправомерным опущение коннектора, потому что в данном типе контекстов функция *же* приближается к функции *ведь*, хотя все же и остается отличной от нее. Ср. следующие выражения (пример из [Бонно, Кодзасов 1998]):

(7) *Что ты лежишь! Петя же приехал!*

(7') *Что ты лежишь! **Ведь** Петя приехал!*

Обе частицы вводят аргумент против поведения В (лежать) в ситуации А (приезд Пети), но есть и разница в значении. *Ведь* может вводить новую информацию, между тем как *же* показывает, что информация известна или очевидна.

Попробуем перевести оба примера на итальянский язык без помощи коннектора:

(7/7') *Cosa stai lì sdraiato! E' arrivato Pietro!*

Такой вариант перевода нивелировал бы семантическое различие между *же* и *ведь*. Читателю легко было бы выявить значение протеста, но потерялась бы информация о том, является ли сообщаемый факт новым для собеседника или нет. Употребляя коннектор, мы сохраняем именно эту часть значения. Ср.:

(7a) *Cosa stai lì sdraiato! Ma se è arrivato Pietro!*

(7'a) *Cosa stai lì sdraiato! Guarda che è arrivato Pietro!*

Ma se вводит протест против того, что должно было бы быть известным, а глагольная синтагма *guarda* (букв. *смотри*) *che* несет новую информацию.

Следовательно, и для ранее приведенного примера (6) можно предложить более точный перевод:

(6b) *Ma se io non ho niente a che fare col teatro!*

Когда же вводит аргумент «за» (В верно, потому что А), говорящий обосновывает В (действие или оценка) указанием на А. Это устраняет потенциальное В1, которое может быть в поле зрения собеседника. В этом случае информация об А обычно является новой, и здесь разница между же и ведь только в экспрессивности. Же является более экспрессивным маркером аргумента, выражая желание перетянуть собеседника на свою сторону, а ведь просто несет информацию, которой адресату, по мнению говорящего, недоставало для правильного понимания ситуации.

Рассмотрим пример:

(8) *Говори мне, пожалуйста, ты. Я же твой дядя* (С.Довлатов).

(8a) *Per favore dammi del tu, sono tuo zio!*

В этом случае причинный коннектор (*perché, infatti*) имплицитен. Интонация, в письменном виде переданная переводчиком при помощи восклицательного знака, отражает повышенную экспрессивность частицы *же*. Можно было бы употребить в этом случае и усилительные дискурсивные маркеры *ben, pure* (*sono ben tuo zio!*).

Интересен также и следующий пример:

(9) – *Вы, пожалуйста, возьмите, возьмите. Я же не могу их выбросить. Нам на что, мы же неверующие...* (Л.Улицкая).

Же просто вводит аргумент «за», но само предложение отрицательное. Переводчик даже в этом случае оставил коннектор подразумеваемым:

(9a) *Li prenda, per favore, li prenda. Non posso gettarli via. A che ci servono? Noi non siamo credenti...*

Мы считаем, что здесь следовало бы употребить усилительную частицу *mica*, которая используется в отрицательных предложениях, усиливая отрицание и выражая тот же смысл, что и частица *же*: то, что говорится, должно было бы быть известным адресату. Когда частица отсутствует, то вслед за высказыванием *Non posso gettarli via* вполне возможен вопрос адресата о причине данного положения дел. При наличии частицы все вопросы заранее отпадают, поскольку сказанное должно быть очевидным. Во втором предложении в принципе тоже можно было бы употребить частицу *mica*, но это был бы менее удачный вариант из-за чисто стилистического ог-

раничения на повтор слова. Таким образом, наиболее адекватным и стилистически удовлетворительным вариантом перевода будет (9b):

(9b) *Li prenda, per favore, li prenda. Non posso mica gettarli via. A che ci servono? Noi non siamo credenti...*

Следует отметить, что частица *mica* характеризуется в грамматиках и словарях итальянского языка как разговорная и даже несколько сниженная, а не нейтральная. А *же* аргумента может употребляться и в официальном общении. Поэтому следует обращать внимание на стилистическую принадлежность высказывания. В нашем случае переводится неформальный диалог, допускающий использование разговорной и даже стилистически сниженной лексики (ср. оборот *на что кому-л. что-л.*).

Рассмотрим теперь случай, когда между А и В нет каузальной связи, то есть *же* вводит не аргумент А в пользу В, но **подтверждение** А2 некоторого А, которое уже было введено ранее. А2 *же* используется для подтверждения или повторения информации, которую собеседник забыл, упустил из вида или к которой он утратил доверие. В этом случае функция *же* аналогична функции слов *действительно, в самом деле* и т.п., и ей легко найти переводной эквивалент – лексемы *davvero* и *proprio*. Тогда релевантная часть примера (10), взятого нами из работы [Бонно, Кодзасов 1998], получает перевод (10а) или (10b):

(10) *Я, говорит, не знал и за промежуточные дни наделал делов. А если вам теперь пришлют на меня два протокола, то виноват не я, а обстоятельства [...] (ответ на продолжающиеся упреки:) – я не знал же* (Зощенко).

(10а) *Davvero non lo sapevo.*

(10b) *Non lo sapevo proprio.*

В указанной работе обращается внимание и на контексты, в которых присутствует также каузальная связь между В и А, и вместе с тем возникает вопрос о подтверждении А, поскольку его истинность не достоверна (в отличие от типичных случаев *же* аргумента). Перевод в таких случаях осуществляется с помощью тех же средств, которые вводят обычный аргумент «за». В утвердительных предложениях используются *ben* и *pure*:

(11) *Ждать? Ну вот еще! Найдем что-нибудь другое. Должен же быть другой порядочный ресторан в этом городе!* (Н.Ильина).

(11a) *Ci deve pur essere...*

(11b) *Deve ben esserci...*

В отрицательных предложениях используется частица *mica*:

(12) – *А что? – еще спорила она с собой. – И пойду. Не старуха же я, чего себе в удовольствии отказывать?* (А. Мальшев).

(12a) *Non sono mica una vecchia...*

Обратимся теперь к **побуждениям** с частицей *же* – просьбам, предложениям и требованиям.

Рассмотрим два основных случая. В первом случае побудительное высказывание с *же* занимает позицию следствия в причинно-следственной последовательности. Рассмотрим пример:

(13) *Дядя Роман высказался следующим образом:*

– *Есть люди, которые напоминают пресмыкающихся. Они живут в болотах... И есть люди, которые напоминают горных орлов. Они парят выше солнца, широко расправив крылья... Выпьем же за Борю, нашего горного орла!..*(С.Довлатов).

В данном случае *же* выражает значение «логического» следования побуждения из некоторого ранее введенного положения дел: поскольку имеет место Р (есть люди, напоминающие горных орлов), то следует делать Q (выпить за одного из них). По-итальянски в подобных случаях можно использовать следующие коннекторы со значением следствия: *allora, e, su, insomma, dunque*. Переводчик предлагает вариант без эксплицитного маркера связи:

(13a) *Lo zio Roman si espresse così:*

– *Ci sono persone che fanno venire in mente i rettili. Vivono nelle paludi... E ci sono persone che fanno venire in mente gli sparvieri. Costoro, distese le ali, si librano più alti del sole...Brindiamo alla salute di Borja, del nostro sparviero! ...*

Мы предлагаем другие варианты:

(13b) *Brindiamo allora alla salute di Borja!*

(13c) *Brindiamo dunque alla salute di Borja!*

Различия между переводами в основном стилистические. Хотя здесь в принципе можно обойтись без коннектора, поскольку причинно-следственная связь между соответствующими высказываниями легко устанавливается благодаря фоновой экстралингвистической информации (в данном примере – знаниям о сценарии про-

изнесения тостов), употребление коннекторов, тем не менее, желательно, так как это более непосредственно отражает формальную структуру оригинала. Таким же образом можно рассматривать побудительные предложения, выражающие повторные просьбы типа (14) (пример из Бонно, Кодзасов 1998):

(14) *Да постирай же ты свои джинсы! Сколько можно говорить!*

Предлагаем ряд возможных переводов:

(14a) *Insomma, lavati i tuoi jeans!*

(14b) *E lava dunque i tuoi jeans!*

(14c) *E lavati allora i tuoi jeans!*

(14d) *E lavati i tuoi jeans!*

(14e) *Vuoi lavarti i (tuoi) jeans, o no?!*

В данных случаях лексемы *insomma*, *dunque*, *allora*, равно, как и синтаксические и просодические средства в (14d) и (14e), передают экспрессивность русской *же* при настаивании на выполнении адресатом некоторого действия, а именно – выражаемые ею эмоциональные оттенки недовольства, раздражения тем, что побуждение приходится повторять.

Что касается **вопросительных высказываний**, то *же* встречается только в вопросах с вопросительными словами. Здесь можно выделить два случая. Во-первых, частицу *же* можно использовать в так называемых **уточняющих вопросах**, то есть в вопросах, задаваемых говорящим с целью побудить адресата уточнить свое высказывание, сообщив говорящему дополнительную информацию. См., например:

(15) – *Сейчас мы здесь по делу.*

– *По какому же? (В. Пелевин).*

(15a) – *Noi adesso siamo qui per un affare.*

– *Quale?*

(16) – *Да, забыл, ведь тебя тут один спрашивал.*

– *Это где же?*

– *Со вчерашнего эшелона (В. Гроссман).*

(16a) – *A proposito, mi sono dimenticato di dirti che un tale ha chiesto di te.*

– *E dove?*

– *Uno dello scaglione di ieri.*

Итак, перед нами встает вопрос: в чем заключается собственное значение частицы в подобных случаях? Действительно ли она добавляет что-то к очевидному значению требования дополнительной информации, выражаемому такими вопросами? Авторы работы [Бонно, Кодзасов 1998] исходят из того, что *же* имеет инвариантное значение при всех ее употреблениях: она маркирует «сохранение точки слежения в сфере введенного в предтексте когнитивного объекта» [стр. 406]. По их мнению, семантика *же* в таких вопросах вполне укладывается в данный инвариант.

В приведенных примерах, а также практически во всех примерах нашего корпуса, уточняющие вопросы с *же* переданы без маркера, который можно было бы считать переводным эквивалентом частицы, как если бы самой частицы не было. И мы считаем, что это действительно самый естественный способ перевода. Частица здесь выражает только связь вопроса с предшествующей репликой другого коммуниканта (это ее инвариантное значение). Но смысловая связь двух пропозитивных компонентов текста может осуществляться и при нулевой форме коннектора. Речь идет о глубинном уровне репрезентации смысла текста, к которому принадлежит коннектив – метаязыковая категория, логико-семантическая связь, которая выражается в каждом языке посредством разнообразных маркеров, в том числе коннекторов [Gobber, Gatti (в печати); Маццола 2003]. В уточняющих вопросах *же* выполняет функцию коннектора, а в итальянском языке такой коннектор может иметь нулевую форму (как, впрочем, и в русском, где уточняющий вопрос не требует обязательного использования частицы, ср. *Тебе звонили. – Кто (звонил)?/Кто же?*).

Второй случай употребления *же* – это **повторные вопросы**, в семантику которых частица вносит определенное модальное значение, аналогичное значению *же* в побудительных высказываниях, поскольку вопрос – это разновидность побуждения. Здесь *же* также свидетельствует о настойчивости говорящего в достижении цели (получить ответ на ранее заданный вопрос) и выражает чувство недовольства тем, что нужная информация до сих пор не была сообщена. Такое употребление частицы можно перевести на итальянский язык наречиями *allora*, как это сделал переводчик в примере (17), но есть и другие возможности: наречие *mai* и союз *dunque*. Рассмотрим следующий пример:

- (17) – *Арестовали? За что? Он был против коммунистов?*
 – *Не думаю.*
 – *За что же его арестовали?*
 – *Просто так (С. Довлатов).*
- (17a) – *L'hanno arrestato? E perché? Era anticomunista?*
 – *Non penso.*
 – *Ma allora perché l'hanno arrestato?*
 – *Così.*
- (17b) *E perché mai l'hanno arrestato?*
 (17c) *Ma perché mai l'hanno arrestato?*
 (17d) *E perché dunque l'hanno arrestato?*

Следует отметить, что помимо указанных итальянских лексем, во всех переводах данного примера присутствует коннектор (*ma* или *e*), который явным образом маркирует связь данной реплики с предшествующим отрезком дискурса. В русском языке эта функция входит в семантику частицы *же*.

Перейдем теперь от вопросительных предложений (ВП), используемых в их первичной диалогической функции (функции собственно вопроса, адресованного собеседнику), к ВП, используемым во вторичной монологической функции вопроса, обращенного к самому себе. В этом случае лексема *mai* также связана с итеративностью речевого акта, при этом подчеркивается тот факт, что говорящий, которого данный вопрос волновал еще до момента речи, все еще не имеет ответа на него:

- (18) *Всюду в мире, где существует рабство, рождаются и подобные души. Где же надежда России, если даже великие пророки ее не различали свободы от рабства? Где же надежда, если гении России видят кроткую и светлую красоту ее души в ее покорном рабстве? Где же надежда России, если величайший преобразователь ее, Ленин, не разрушил, а закрепил связь русского развития с несвободой, с крепостью? Где пора русской свободной, человеческой душе? Да когда же наступит она? А может быть, и не будет ее, никогда не наступит? (В. Гроссман).*
- (18a) *Ovunque, nel mondo, c'è schiavitù, là nascono anime siffatte. Dov'è mai la speranza della Russia, se perfino i suoi grandi profeti non distinguono la libertà dalla schiavitù? Dov'è mai la*

speranza, se il genio della Russia vede la dolce e luminosa bellezza della sua anima nella remissiva schiavitù? Dov'è mai la speranza della Russia, se il più grande dei suoi riformatori, Lenin, non ha distrutto, ma rafforzato l'unione tra lo sviluppo russo e la non-libertà, il servaggio? Dov'è il tempo dell'anima russa libera e umana? Quando mai verrà quel giorno? Chissà, forse non verrà mai, mai spunterà.

ВП с же могут выражать и разные виды **возражений**. При этом же функционирует не сама по себе, а в составе конструкции, включающей вопросительное местоимение *какой* и т. п. (см. Шведова 1960, Смирнова 2001). Эквивалентами таких конструкций в итальянском языке являются некоторые модальные глагольные конструкции. Рассмотрим следующий пример:

(19) – *Вот возьми Короля, еврей, а с ним в паре хорошо ходить. Идешь на задание и знаешь – в хвосте сидит такой друг, в котором уверен, – сказал Ваня Скотной. – Ну какой же Король еврей? – сказал Соломатин. – Король – это свой парень, я в нем в воздухе уверен больше, чем в себе (В. Гроссман).*

(19a) *"Ecco, prendi per esempio Korol'; è ebreo, eppure in coppia con lui si sta benissimo. Vai in perlustrazione e sai che in coda siede un amico di cui puoi fidarti" affermò Vanja Skotnoj. "Ma che ebreo vuoi che sia Korol'!" insistè Solomatin. "Korol' è un ragazzo speciale, in volo mi fido più di lui che di me stesso."*

Стоит заметить, что переводчик дает не прямой эквивалент глагола-связки *быть*, что по-итальянски звучало бы как *Ma che ebreo è / sarebbe?*, а использует конструкцию: модальный глагол *volere* 'хотеть' в личной форме + союз *che* + форма конъюнктива глагола *essere* 'быть'. Эта конструкция является типичным средством выражения модального значения возражения, которое прямо обращено к адресату. Рассмотрим еще один пример:

(20) – *И Дима так привык к ней, придет с бюро обкома и сразу на тахту, материалы читает. – Как же, читает! Спит, – сказал Сагайдак (В. Гроссман).*

В данном случае дан следующий перевод:

(20a) – *E Dima vi si è abituato: appena arriva dall'ufficio del comitato regionale si stende sopra a leggere gli incartamenti. – Come sarebbe a dire che legge; dorme!*

Мы видим, что здесь опять используется устойчивая модальная глагольная конструкция *come sarebbe a dire* [букв. 'как + быть (безл. форма) + предлог + *говорить* (инфинитив)'] именно потому, что она способна явно и однозначно выразить значение возражения, присущее данному употреблению русской частицы. К списку переводных эквивалентов *же* в составе реплик-возражений можно добавить и лексему *macchè*:

(20b) *Macchè legge!*

Итак, мы считаем, что и в таких случаях, если нет синтаксических ограничений, можно и, следовательно, нужно в итальянских переводах передавать вклад частицы *же* в семантику предложения.

Наличие *же* в **восклицательных предложениях** почти не меняет их семантики. Добавляется лишь компонент итеративного возврата к аффективной оценке, своего рода «зацикливания» на аффекте. Рассмотрим следующий пример:

(21) *Какой же ты огромный! Тебя, наверное, любят женщины?*
(С.Довлатов).

(21a) *Ma come sei enorme! Probabilmente piaci alle donne, no?*

(22) *Какое же счастье тебе, дорогая Медея, даровано – такой живой привет получить от родителей* (Л.Улицкая).

(22a) *Quale felicità ti è stata concessa, Medea! Ricevere un segno così vivo dai tuoi genitori!*

В (21a) переводчик использует коннектор *ma*, чтобы отразить удивление говорящего. В (22a) меняется синтаксическая структура предложения, а экспрессивность передается восклицательностью, выраженной соответствующими знаками препинания.

Применительно к этой функции *же* мы ограничимся данными примерами потому, что своеобразные способы выражения эмоциональных значений в восклицательных предложениях – это особая тема, лишь косвенно связанная с темой нашего исследования.

Следующие две функции связаны с критерием адекватности. В данном типе употреблений *же* подтверждает адекватность «ближайшей» из возможных альтернатив заполнения некоторой семантической позиции, она указывает на достаточность исходной точки, отсутствие необходимости выхода из нее.

2.3. **ЖЕ** идентификации

Же может употребляться в составе именной группы, которая денотативно или сигнификативно тождественна упомянутой ранее.

Пусть введена некоторая пропозиция, включающая терм А. Далее вводится другая пропозиция, в которой одна из позиций заполнена термом, кореферентным терму А или совпадающим с ним по сигнификату. При таком терме, тождественном А, употребляется частица *же*¹, которая в данном случае указывает на нарушение ожидания: вопреки ожидаемому появлению нового термина в новой пропозиции, происходит возврат к прежнему.

Для данной функции частицы провести сравнение с итальянским языком довольно просто. Мы выделили два способа перевода *же* идентификации. Чаще используется указательное прилагательное *stesso* 'тот же самый', которое отождествляет рассматриваемый объект с «тем, о чем шла речь». Рассмотрим пример:

(23) *Здесь на кладбище была похоронена ее старшая сестра Соня, умершая от крупа, Александра Владимировна назвала ее Соной в честь Софьи Львовны Перовской. На этом же кладбище, кажется, и дедушка похоронен* (В.Гроссман).

Сначала речь идет об определенном месте – о некоем кладбище, затем следуют предложения, которые отвлекают от него внимание читателя, а после них говорящий вновь возвращается к разговору о кладбище:

(23a) *Nel cimitero locale era sepolta la sua sorella maggiore, Sonja, morta di difterite; Aleksandra Vladimirovna l'aveva chiamata Sonja in onore di Sofia L'ovna Perovskaja. In quello stesso cimitero se la memoria non la tradiva era sepolto anche il nonno.*

Мы могли бы сказать и по-другому: некое событие произошло в определенном месте и затем опять, снова в этом месте произошло другое событие. Не удивительно, что второй способ передачи *же* идентификации на итальянском – наречие времени *sempre* 'всегда, все еще, опять'. Разумеется, употребление этого наречия в итальянском языке ограничено действием определенных синтаксических и стилистических факторов.

Кроме этого, можно найти и многочисленные способы стилистического варьирования. Так, в следующем примере, переводчик

¹ Размещение частицы относительно составляющих ИГ, к которой она относится, подчиняется определенным правилам, обсуждение которых не входит в нашу задачу.

повышает стиль текста, передавая конструкцию *это же* лексемой *identico*, буквально означающей 'тождественный':

- (24) *В борьбе за право шить сапоги, связать кофту, в стремлении сеять, что хочет пахарь, проявлялось естественное, неотребимо присущее человеческой природе стремление к свободе. И это же стремление он видел и знал в лагерных людях* (В.Гроссман).
- (24a) *Nella battaglia per il diritto di confezionare degli stivali, di sferruzzare una blusetta di lana, nell'aspirazione a seminare ciò che il contadino preferiva, si manifestava quel naturale, indistruttibile desiderio di libertà insito nella natura umana – una identica aspirazione egli vedeva e riconosceva nella gente dei lager.*

Сравнительная конструкция «*такой же* + прилагательное» передается наречием *altrettanto*, как в примере (25):

- (25) *Ее поражало, что Крымов, равнодушный к прелести русского пейзажа и русской сказки, фетовского и тютчевского стиха, был таким же русским человеком, как старик Шаргородский* (В. Гроссман).
- (25a) *La stupiva che, indifferente al fascino del paesaggio e della favola russa, dei versi di Fete Tjutcev, Krymov fosse altrettanto russo del vecchio principe.*

2.4. ЖЕ «безотлагательности»

Данная функция определена К. Бонно и С. В. Кодзасовым как *же* «безотлагательности» + начало кортежа. В этой своей функции частица употребляется при характеристике времени наступления некоторого события. Событие в принципе может произойти в произвольной точке А некоторой временной последовательности. В противовес этой потенциальной произвольности *же* вводит первый элемент последовательности в качестве единственно реального, и тем самым временная последовательность заменяется исходной точкой отсчета.

Как и в предыдущем случае, перевод на итальянский не вызывает затруднений, поскольку семантика *же* прозрачна. Рассмотрим некоторые примеры:

- (26) *Когда Ивана Григорьевича этапировали за 800 километров в новый лагерь, он в первый же вечер услышал рассказ о Боре Ромашкине – молва о нем кочевала по Колыме* (В. Гроссман).
- (27) *С первых же месяцев учебы его звали в готовые номера* (Л. Улицкая).

Же выделяет первый (-е) элемент(ы) на том отрезке временной оси, на котором в принципе могло осуществиться описываемое в предложении событие. Нижеследующие переводы этих примеров показывают, что в итальянском языке есть эквивалентные конструкции, выполняющие ту же функцию – *fin da / sin da*:

- (26a) *Quando Ivan G., dopo ottocento chilometri percorsi a tappe, arrivò in un nuovo lager, udì fin dalla prima sera raccontare di Boria Romaskin: la sua fama correva per tutta la Kolyma.*
- (27a) *Fin dai primi mesi di allenamento fu invitato a prendere parte a dei numeri.*

Временная последовательность может быть заменена предметной последовательностью, отображенной на временную ось, и такие случаи переводить сложнее. Если, например, предмет в последовательности является и подлежащим высказывания, то невозможно использовать *fin da / sin da*. Несомненно, значение частицы в русском языке при этом не меняется, однако синтаксическая структура предложения исключает употребление указанных итальянских эквивалентов. Наверное, именно по этой причине в подобных случаях, как мы заметили, переводчики зачастую вообще игнорируют значение частицы. Рассмотрим пример:

- (28) *Бабка увела детей на пустырь. Они унесли из дома все необходимое, захватили собаку и попугая. Землетрясение началось под утро. Первый же толчок разрушил водонапорную башню. В течение десяти минут рухнули сотни зданий* (С. Довлатов).

Же определенно вносит вклад в семантику предложения: в нем не просто сообщается, что первый толчок разрушил башню, но и выражается отношение говорящего к этому как к чему-то неожиданному, необыкновенному. Говорящий ожидал, что такое солидное здание, как водонапорная башня, выдержит несколько толчков, но оно, вопреки ожиданиям, разрушилось уже от первого толчка. Таким образом, *же* вводит модальное значение, связанное с точкой

зрения говорящего, которое можно передать также синонимичной перифразой со словом *уже* (ср. *Уже первый толчок разрушил водонапорную башню*), а в итальянском переводе (28a) это значение утеряно:

(28a) *La nonna con i bambini si era rifugiata nel deserto. Si erano portati via da casa tutto il necessario, avevano preso il cane e il pappagallo. Il terremoto iniziò verso il mattino. La prima scossa distrusse la centrale idrica. In dieci minuti crollarono centinaia di edifici.*

Теряется при этом не смысл последовательности (он входит в пресуппозицию порядкового прилагательного *первый*), а именно модальное значение частицы. Желательно сохранить его, не меняя при этом структуру итальянского предложения, отражающую структуру оригинала, в котором *же* связана с подлежащим. Для этого мы предлагаем использовать наречие *già*:

(28b) *Già la prima scossa distrusse la centrale idrica.*

В данном случае наречие *già* (обычный эквивалент русского *уже*) как раз выражает удивление: вопреки нашему ожиданию произошло именно так. И снова мы убеждаемся в том, что более адекватные переводные эквиваленты частицы можно найти, если имеется точное понимание семантического вклада частицы в текст оригинала.

3. Заключение

Подведем итоги. С практической точки зрения, важно построить классификацию возможных переводных эквивалентов *же*, исходя из семантики частицы, выявляемой при анализе контекстов. Это обусловлено тем, что русско-итальянских словарей служебных слов не существует, а обычные двуязычные словари зачастую упрощают дело, игнорируя разнообразие контекстных вариантов значения частицы.

Конечно, мы не хотим свести работу переводчика к механической подстановке переводных эквивалентов, но мы считаем, что сложность семантики русских модальных частиц требует проведения специальных сопоставительных исследований. Именно полное и точное понимание значения частицы в контексте позволяет переводчику использовать богатые возможности, заложенные в языке

перевода. Иллюстрацией тому служит последний пример, в котором переводчик остроумно и творчески решает стоящую перед ним задачу:

- (40) *Музыка ускорилась, вздулась, затрещала и смолкла. Все остановились, затем захлопали в ладони, требуя продолжения того же танца* (В. Набоков).
- (40a) *La musica accelerò gonfiandosi, poi esplose crepitando e si tacque. Tutti si fermarono, quindi applaudirono chiedendo il bis* (букв. 'прося бис').

ЛИТЕРАТУРА

- АГ 1980. Русская грамматика, в 2-х тт. М., 1980.
- Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
- Бонно К., Кодзасов С.В. Семантическое варьирование дискурсивных слов и его влияние на линеаризацию и интонирование (на примере частиц *же* и *ведь*) // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К.Киселевой, Д.Пайара. М., 1998.
- Васильева А.Н. Частицы разговорной речи. М., 1964.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
- Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и Семантика: сборник научно-аналитических обзоров. М., 1991.
- Маццола Е. Как перевести «ведь» на итальянский? (Опыт корпусного анализа переводных соответствий) // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 4. Тверь, 2003.
- Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Падучева Е.В. La particule *ŽE*: sémantique, syntaxe et prosodie // Les particules énonciatives en russe contemporain (3). Paris, 1987.
- Смирнова М.Д. Вопросительные предложения в функции возражения (когнитивно-лингвистический анализ). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2001.
- Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Gobber G., Gatti M.C. Connettori nelle lingue d'Europa (в печати).
- Renzi L. Grande grammatica italiana di consultazione. Bologna, 1988.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Гроссман В. Жизнь и судьба. М, 2002.
- Гроссман В. Собрание сочинений. М, 1998.

- Довлатов С.* Наши. Санкт-Петербург, 2001.
Довлатов С. Чемодан. Санкт-Петербург, 2001.
Довлатов С. Иностранка. Санкт-Петербург, 2001.
Довлатов С. Зона. Санкт-Петербург, 2001.
Набоков В. Дар. М., 2003
Набоков В. Рассказы. М., 2003
Пелевин В. Жизнь насекомых. М, 2002.
Улицкая Л. Лилин дом. М, 2001.
Dovlatov S. Noialtri. Palermo, 2000.
Dovlatov S. La valigia. Palermo, 2000.
Dovlatov S. Straniera. Palermo, 2000.
Dovlatov S. Regime speciale. Palermo, 2002.
Grossman V. Vita e destino. Firenze, 1984.
Grossman V. Tutto scorre. Milano, 2001.
Nabokov V. Il dono. Adelphi, 1998.
Nabokov V. La Veneziana e altri racconti. Adelphi, 2000.
Pelevin V. La vita degli insetti. Roma, 2000.
Ulickaja L. Medea. Torino, 2000.
Ulickaja L. La figlia di Buchara. Roma, 1998.

С.В.Мичугина

МОДЕЛИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье мы предлагаем рассмотреть некоторые модели лексикографической презентации цветообозначений в современных словарях английского языка.

Для решения данной задачи были использованы три словаря. Первым из них является «Словарь современного английского языка» в двух томах издательства Лонгман 1992 года выпуска [Longman 1992]. Данный толковый словарь включает 56000 лексических единиц и является одним из самых авторитетных лексикографических источников современного английского языка. Он создавался в сотрудничестве с лингвистами, британскими и американскими, а также с помощью группы преподавателей, имеющих многолетний опыт работы во многих странах мира. Данное лексикографическое издание предназначено для студентов продвинутого

уровня. Особое внимание следует уделить тому факту, что при составлении дефиниций в словаре учитывались прагматические аспекты употребления слов, а также отношения говорящего и адресата и их интенции. Авторы словаря подчеркивают, что «существует значительное различие между значением предложения как такового и значением предложения согласно интенции говорящего» [Longman 1992: F12]. Семантика каждой словарной единицы представлена здесь не в виде изолированной дефиниции, а с помощью ее сочетаемости с другими единицами языка и демонстрации ее функционирования в различных структурах. Практически все значения сопровождаются иллюстративными примерами из оригинальной литературы. Общее количество подобного рода цитат равно приблизительно 25 млн. слов, что по объему источников составляет около 500 художественных произведений. Используемое издание 1992 года было расширено за счет добавления еще 2 млн. примеров, отобранных с помощью компьютерного сканирования британских и американских публицистических статей, выбранных произвольно. Более того, редакторами издательства дополнительно были добавлены 0,5 млн. примеров, содержащих около 15 тысяч неологизмов. Они прошли предварительную компьютерную обработку с тем, чтобы все цитируемые примеры и регистрируемые значения слов представляли типичные и естественные модели современного английского языка.

Очевидно, что авторы словаря ставят цель обеспечить пользователей точной и достоверной информацией о вокабуляре современного английского языка с учетом его американского и британского вариантов. Около 56 000 слов и словосочетаний составляют лексический корпус данного словаря, включая научный и технический язык, термины делового английского и компьютерного языка, слова художественного стиля, а также лексику неформального общения и идиоматические выражения. Словарь является не просто справочным изданием, а достоверным источником информации о грамматических особенностях слов, их сочетаемости, стилистической маркированности и ситуативной адекватности, что позволяет считать его одним из важных лексикографических изданий английского языка.

Второй словарь, использованный в работе, представляет собой десятое и последнее издание академического словаря издатель-

ства Мариам Вебстер 1995 года выпуска [Webster 1995]. Он насчитывает 1600 страниц, что составляет приблизительно 90 000 словарных статей, содержащих исчерпывающую информацию о каждом слове в рамках формата словаря. Как в любом лексикографическом издании Вебстер, информация о значении слов базируется на обширной выборке – в данном случае их общее количество равно 14,5 млн. примерам из разнообразных печатных изданий. В самом словаре содержится около 6 млн. иллюстративных примеров, среди которых также примеры, полученные путем компьютерного сканирования текстов различных стилей, общим объемом приблизительно 20 млн. слов.

Каждая словарная статья начинается с этимологической справки, которая содержит не только сведения о языке-первоисточнике, но также при необходимости указывается источник заимствования и его первоначальное значение. Семантическая структура слова имеет определенную иерархию, причем порядок указания значений определяется их историческим появлением в языке. Само значение слова понимается как «нечто синтетически созданное, широко употребительное и конвенциональное» [Webster 1995: 28a]. Редакторы словаря придерживаются традиционной системы выделения денотативного и коннотативного аспекта значения слова. Под первым понимается та часть значения, которая отсылает пользователя к общепринятому всеми носителями языка референту, а коннотация, по мнению авторов словаря, отражает все более субъективные ассоциации и оттенки значений, которые являются результатом анализа индивидуального опыта и поэтому не всегда являются конвенциональными. В данном издании акцент делается на денотативный аспект значения слова. Значимость и типичность каждого значения определяется группой редакторов, каждый из которых отвечает за определенный раздел словаря. Главной задачей такого редактора является проверка актуальности уже зафиксированных в словаре значений слов, а также обновление и добавление примеров с их новыми употреблениями.

Третий лексикографический источник, используемый для отбора фактического материала, представляет собой компьютерную версию словаря английского языка для изучающих продвинутого уровня, выпущенный издательством Коллинз Коубилд [Cobuild 2003]. Словарные статьи здесь содержат информацию не только о

семантической структуре слов, но и об их грамматических особенностях, а также об ограничениях на их употребление соответственно прагматическому и стилистическому аспекту языка. Данная версия также дает возможность изучить многочисленные примеры из оригинальной литературы, которые располагаются в отдельном окне. Словарь базируется на выборке из 5 млн. цитат, прошедших компьютерную обработку и дальнейшую сортировку. Вследствие этого в словарной статье содержатся лишь те значения, которые преодолели барьер частотности употребления на настоящем этапе развития языка, т.е. малоупотребительные значения просто не фиксируются. Порядок следования значений слова также определяется степенью их употребительности в текстах различных жанров, поэтому первым всегда указывается самое частотное значение.

Использование словарей разных издательств и разных годов выпуска позволяет собрать наиболее полную информацию по исследуемому материалу, так как каждое словарное издание имеет свои особенности лексикографической подачи слов, свои принципы отбора источников для иллюстративных примеров и порядка регистрации значений лексических единиц. Работа с этими тремя справочными изданиями позволила нам также учесть различия лексического состава двух вариантов английского языка, британского и американского, и вариативность построения и содержания самих дефиниций слов. Данный фактор приобретает особую важность при исследовании лексикографического описания общего корпуса языковых единиц с перцептивным признаком цвета, фиксируемых в используемых изданиях. При анализе дефиниции каждой словарной единицы учитывались порядок и способы указания цветового значения, а также то, к какой цветовой зоне спектра она приписывается согласно ее дефиниции.

Основной корпус терминов цвета английского языка на данном этапе его развития был получен путем сплошной выборки из вышеуказанных словарей. Нами отбирались все единицы, способные обозначать цвет или какой-либо его оттенок. Иными словами, выделение цветообозначений в указанных словарях происходило с помощью выделения самого концепта цвета в дефиниции слов. Данный концепт, прежде всего, реализуется, с одной стороны, с помощью прямого указания на цвет и использования слова *colour* в различных предложных конструкциях. С другой стороны, может

быть использовано синонимичное описание цвета с помощью сложных и производных цветообозначений.

В целом, общая картина цветообозначений оказалась следующей. Всего было выявлено 175 единиц, передающих значение цвета. Из них около 50 цветообозначений представляют собой единицы, для которых цветовое значение является первым и, таким образом, основным, и около 130 цветообозначений, в семантической структуре которых значение цвета фиксируется в качестве второго (*platinum, salmon, canary*), третьего (*bronze, coral, mahogany*) или даже четвертого (*chocolate, rose, cream*). Данные группы цветообозначений в дальнейшем будем называть соответственно первичными и вторичными.

По своему составу обе группы представлены неоднородными единицами – как по своей структуре и этимологии, так и по их референтной отнесенности или семантической модели образования. В состав каждой группы вошли простые, сложные и производные единицы (*auburn, blood-red, brownish*), часть из которых имеет ограниченную референтную сферу употребления (*blonde, khaki, grizzled*), а часть представляет заимствования из других языков (*cerise, beige*). В обе группы также вошли так называемые интенсификаторы цветообозначений (*pale, dull, light*). Отдельно в группе первичных цветообозначений можно выделить подгруппу базовых терминов цвета в английском языке.

Обработка исследуемого материала по определенной методике позволила установить наиболее типичные модели лексикографической подачи цветообозначений в этих группах. Первой и самой распространенной моделью словарного описания терминов цвета является модель «цвет через цвет». Практически использование этой модели означает прямое указание на конкретный оттенок цвета, передаваемый данным словом. Он указывается посредством синонимичного обозначения данного цвета. Например, при словарном представлении прилагательного *beige* используется синонимичное описание данного оттенка, и называемый им цвет трактуется с помощью описания, включающего синонимичные для данного случая цветообозначения, а именно: *pale dull yellowish brown* [Longman 1992: 81]. При лексикографической подаче вторичных цветообозначений, образованных от названия какого-либо объекта, мы также находим широкое использование данной модели. Например, прила-

гательное *cream*, которое образовано путем вторичной номинации от названия одного из продуктов питания, получает следующее словарное описание: *cream* – ‘yellowish-white’: *a cream dress* [Longman 1992: 240]. Описание такого рода используется и при подаче прилагательного цвета *auburn*: ‘reddish-brown’ [Longman 1992: 57], т.е. оно трактуется с помощью синонимичного цветового оттенка. Модель описания «цвета через цвет» также используется и при описании цветоименований, имеющих ограниченную референтную область употребления, как в случае с прилагательным *flaxen*: ‘(of hair) pale yellow’ [Longman 1992: 390].

Необходимо отметить, что первая модель лексикографической подачи цветообозначений может иметь вариативную структуру с использованием дополнительных элементов, первым из которых является вводное *having*, передающее значение обладания данным оттенком цвета, и само слово *colour*, завершающее конструкцию данной модели. Например, при описании прилагательного *fawn*: ‘having a light yellowish brown colour’ [Longman 1992: 372]. Как видно из вышеуказанных примеров, для этой модели лексикографической презентации цветообозначений характерно использование слов-интенсификаторов (*light, pale, clear*), а также таких синонимичных цветообозначений, которые представляют собой сложные единицы, в состав которых входят только базовые цветообозначения (*yellowish-white, pale yellow, light yellowish brown*). Такое использование сложных единиц кажется нам не случайным, так как они не просто указывают на обозначаемый словами тон, но и детально уточняют цветовые характеристики данной единицы. Однако даже при детализированном описании определяемых оттенков используются производные от базовых терминов цвета, которые являются лучшими образцами данных цветовых тонов и позволяют с легкостью производить декодировку значения анализируемых единиц. С точки зрения грамматических особенностей этой модели следует отметить употребление в дефиниции неопределенного артикля, который подчеркивает, что данный оттенок цвета является одним из оттенков этого тона.

К первой модели прямого указания цвета с помощью синонимичного цветоименования можно отнести и такую его структурную разновидность, когда к самому цветообозначению-синониму добавляется предложное словосочетание *in colour*. Подобным обра-

зом в используемых нами словарях описывается, например, прилагательное *cerise*: 'clear pinkish red in colour' [Longman 1992: 156]. Данному типу описания также свойственно употребление интенсификаторов и сложных по своей структуре цветообозначений.

Модель лексикографической презентации цветообозначений описания «цвета через цвет» находит в лексикографической практике широкое применение. Как показал анализ лексикографической презентации базовых терминов цвета, в этой группе цветообозначений можно выделить те, значения которых определяются только относительно других базовых цветов, при этом сам базовый термин цвета используется при описании, как в случае с прилагательным *pink*. Словарь издательства Лонгман определяет его значение как: 'pale red' [Longman 1992: 780], т.е. бледный оттенок красного цвета; тем самым мы наблюдаем всего лишь изменение красного цвета по линии размывания насыщенности его тона. Подобное описание базовое прилагательное *pink* получает в словаре современного английского языка издательства Лонгман. В академическом словаре издательства Вебстер лексикографическое представление этого термина цвета также базируется на определении его значения через базовый термин *red*. Однако оно является более детализированным, при этом происходит смещение фокусной точки определения значения прилагательного *pink* не просто как одного из оттенков красного цвета, а красного цвета с примесью голубого. Здесь *pink* имеет следующее представление: 'any of the group of colour bluish red to red in hue' [Webster 1995: 883]. Лексикографическое описание такого рода характерно только для прилагательного *pink*. Выявленная выше зависимость определения значения данного прилагательного только с помощью другого базового цвета свидетельствует о неполном статусе данного термина цвета как базового. Следует также отметить, что прилагательное *pink* не получает описания с помощью сравнения обозначаемого им оттенка цвета с цветом какого-либо объекта (например, как *красный* – цвета крови, или *зеленый* – цвета растительности), что свойственно всем остальным 10 базовым терминам цвета.

Помимо модели описания одного цвета через другой можно выделить модель, характерную только для подачи базовых терминов цвета. Они получают описание с помощью выделения части спектра в цветовом континууме. Так, вышеупомянутые словари

предлагают следующую спектральную характеристику прилагательного *blue*, определяя его как 'the portion of the color spectrum lying between green and violet'. Зеленый цвет аналогично трактуется как цветовой оттенок, располагающийся между зонами желтого и голубого цветов: 'a colour whose hue is ...the part of the spectrum lying between blue and yellow' [Webster 1995: 511]. Такого рода определение значения цветообозначений можно считать второй моделью словарного описания. В английском языке согласно данным использованным нами словарей помимо вышеуказанных прилагательных *blue* и *green* еще пять терминов цвета – *brown, grey, orange, purple, pink* [Cobuild 2003] – получают лексикографическое представление с помощью второй модели.

Синонимичная модель описания цветообозначений в используемых словарях может расширяться и становится более сложной по своей структуре. Для определения цветового значения широкого круга прилагательных цвета, образованных с помощью вторичной номинации от названия какого-либо объекта, характерна третья модель лексикографической подачи. Вторичные прилагательные цвета получают описание с помощью предложной конструкции: *the colour of X*, где *X* – это название объекта, от которого было образовано само цветоименование, как в случае с прилагательным *lapis lazuli*: 'the colour of a bright blue semiprecious stone' [Longman 1992: 587]. В данной дефиниции цветовой оттенок определяется по цвету объекта, который и указан в самой дефиниции, т.е. мы понимаем цвет *lapis lazuli* как оттенок ярко-голубого цвета.

Интересно отметить, что третья модель характерна в большей степени для словарной презентации цветообозначений, полученных от названий драгоценных камней (*emerald, amethyst, amber*), а также от наименований металлов (*gold, silver, leaden*) и различных красителей (*sepia, ocher*). Грамматической особенностью данной модели можно считать употребление определенного артикля, который подчеркивает идею отнесенности к совершенно определенному цвету используемого для сравнения объекта. Его употребление также характерно для всех вариативных конструкций третьей модели.

Одной из таких вариативных конструкций третьей модели можно считать словарную презентацию прилагательного *ebony*, в дефиниции которого фиксируется та же структура, но с использованием

вводного *having*: 'having the colour of a hard heavy black wood' [Longman 1992: 324].

Однако необходимо отметить, что в дефиниции не всегда указывается цвет объекта, от которого образовано данное цветообозначение. Возможен вариант, когда в семантической структуре словарной единицы сначала, в качестве первого значения, вводится подробное описание объекта с указанием его цветовых характеристик, а затем вторым цветовым значением следует описание по формуле: «the colour of this ...», после чего вводится указание класса или типа объекта. Например, *heliotrope*: 1) 'a type of garden plant with purplish flowers which turn towards the sun'; 2) 'the colour of this flower' [Longman 1992: 489]. Аналогично в словаре описывается и цветообозначение *jade*: 1) 'a precious usu. green stone'; 2) 'the colour of this stone'.

Третья модель может иметь еще одну структурную разновидность, когда в качестве вводного элемента используется предлог *of*. Таким образом, вся предложная конструкция имеет следующий вид: *of the colour of X*, но необходимо отметить тот факт, что объект, чьи цветовые характеристики используются для сравнения и описания значения анализируемого термина, в данной предложной конструкции не получает детального описания этих цветовых характеристик. Так, при подаче прилагательного *ashen* в словаре фиксируется лишь цвет пепла, *ashen*: 'of the colour of ash...' [Longman 1992: 52]. Эта же модель словарного описания цветообозначений с помощью сравнения с объектом, имеющим устойчивые перцептивные признаки, широко используется при подаче шести базовых цветообозначений – *red*, *black*, *white*, *purple*, *blue* и *brown*. Определяя *blue* как: 'of the colour of the clear sky or of the deep sea on a fine day' [Longman 1992: 101] или *white* как: 'of the colour of milk, salt and snow' [Longman 1992: 1201], словари не вводят цветовое описание объектов, выбранных в качестве эталонов для сравнения. Мы видим, что принадлежность данных единиц к концепту цвет определяется не с помощью какого-либо синонимичного цветообозначения, указанного в дефиниции, а только с помощью слова *colour*. Становится очевидно, что для эталона сравнения выбирается объект, не только имеющий устойчивые цветовые характеристики, но и обладающий фиксированными в сознании человека ассоциативными связями между этим объектом и его цветом. Действительно молоко, снег и соль ас-

социруются с белым цветом или хотя бы с одним из его оттенков, подобно тому как небо и море имеют устойчивые ассоциации с синим цветом, а цвет пепла – серый. Следует обратить внимание на тот факт, что «словарь не только воссоздает для пользователей... определенную картину, но в своем описании семантики многих лексических единиц апеллирует к знанию мира... и опирается на него» [Харитончик 2004: 137].

Интересно также отметить, что выделяемые для сравнения объекты- эталоны могут указывать на этимологию самого цветообозначения. Например, прилагательное *green*, с точки зрения своей этимологии достаточно прозрачно. В древнеанглийский период форма *grēne* имела значение 'растительность, растительный' [Oxford 1996: 201]. А. Вежбицкая также отмечает, что «во многих языках мира ближайшим эквивалентом английского слова *green* 'зеленый' служат слова, морфологически или этимологически связанные с обозначением травы, растений или растительного мира в целом» [Вежбицкая 1997: 254]. В современных словарных статьях сохраняется сравнение зеленого цвета с цветом листвы и травы, а также добавляется еще один объект для сравнения, когда зеленый цвет сравнивается с цветом изумруда [Webster 1995: 511].

Становится очевидным тот факт, что особой моделью может служить этимологическая справка, которая позволяет делать определенные выводы не только о происхождении слова, но и о развитии его значения от его появления в языке до настоящего момента. Этимология таких цветообозначений, как *green*, *blue*, *red*, *brown*, позволяет выделить общую языковую универсалию, которая свойственна определению их значений. Эта «универсалия или почти универсалия связана с понятием фона (окружения) как фундаментального структурного элемента референции при любом описании зрительного восприятия» [Вежбицкая 1997: 233]. Действительно для носителей европейских языков трава чаще всего зеленая, хотя пейзаж может выглядеть по-разному. Подобным же образом этимология прилагательных *white* и *black* позволяет выделить «день» и «ночь» как два универсальных понятия, послуживших основой для возникновения этих прилагательных. Прилагательное *black* в древнеанглийский период имело значение 'сумеречный, темный', а этимологическая справка прилагательного *white* показывает, что в древнеанглийский период цветоименование *hwīt* обозначало не

только белый цвет, но и яркость или дневной свет (см. [Webster 1995: 1348; Oxford 1996: 540]). Значение 'светлый' у прилагательного *white* также сохранилось и в современном английском языке, прилагательное *black* тоже сохраняет значение 'very dark in colour' [Webster 1995: 118].

На основании анализа вышеперечисленных моделей словарной подачи цветообозначений в английском языке можно сделать вывод о том, что цветообозначения могут характеризоваться с помощью эксплицитного или имплицитного сравнения, когда в дефиниции содержится идея сопоставления данного цветового оттенка с другим ему подобным или с цветом определенного объекта-эталона. В следующей четвертой модели лексикографической презентации цветообозначений идея сравнения или подобия усиливается, для чего в определении цвета и вводятся дополнительные лексические единицы *like* или *resembling*. Так при описании цветообозначения *brassy* используется сравнительная конструкция с предлогом *like*: 'like brass in colour' [Longman 1992: 115]. Следует, однако, отметить, что четвертая модель описания терминов цвета в словарях не имеет единообразной схемы, здесь допускаются всевозможные по своей структуре сравнительные обороты. Представляя цветообозначение *slaty*, авторы словаря издательства Лонгман прибегают к следующему описанию: 'like or containing slate': *a slaty grey colour* [Longman 1992: 988]. В качестве еще одного иллюстративного примера использования сравнительной конструкции с элементом *like* в своей структуре может служить словарное описание прилагательного *chalky*: 'of or like (white) chalk' [Longman 1992: 158]. Мы видим, что в указанных нами примерах подачи цветообозначений по четвертой модели использование сравнительной конструкции как таковой недостаточно и требует дополнительного разъяснения. С этой целью используются либо слова типа *colour*, либо расшифровывается цвет объекта, выбранного в качестве эталона, либо, наконец, сравнительная конструкция дополняется иллюстративным примером, в котором прослеживается четкое указание на цвет. Такого рода расшифровка с дополнительным указанием на цвет не является излишней, так как сравнение может происходить не только по цветовым качествам, но и по размеру или весу объекта или другим его качествам.

В некоторых случаях – таких, как при описании прилагательного *azure*, для расшифровки сравнительной конструкции вводится указание на синонимичный цвет: ‘having a bright blue colour, like the sky’ [Longman 1992: 62], аналогичным образом описывается и прилагательное цвета *cerulean*: ‘deep blue, like a clear sky’ [Longman 1992: 157]. Иными словами, в вышеуказанных дефинициях используется комбинация двух моделей – «цвет через цвет» и четвертой модели с использованием сравнительного оборота.

Сравнительные конструкции, характерные для четвертой модели, могут содержать не только слово *like*, которое является наиболее частотным, но также и достаточно редко встречающееся в дефинициях цветообозначений слово *resembling*. Оно используется, например, при подаче прилагательного *sapphirine*: ‘resembling sapphire esp. in colour’ [Webster 1995: 1036].

Выделенные и изученные нами модели лексикографической презентации цветообозначений в английском языке в своей основе представляют сравнение. Первая модель содержит имплицитное сравнение и представляет синонимичное замещение одного цвета подобным ему оттенком. Вторая и четвертая модели включают в себя сравнение цвета с цветом какого-либо объекта, выбранного за эталон, но во второй модели сравнение лишь подразумевается, а в четвертой – эксплицитно выражено с помощью слов *like* и *resembling*. Третья модель также содержит элемент сравнения, но анализу подвергаются не два единичных цветовых тона или оттенка, а целый диапазон цветового спектра, что характерно только для описания базовых терминов цвета. Следует также отметить, что четвертая модель, как правило, дополняется первой, и при определении значений некоторых цветообозначений они используются совместно. Сравнение или подобие, по мнению А. Вежбицкой, является общечеловеческой универсалией сложного и интегрального зрительного восприятия, которое включает цвет как один из компонентов наряду с формой, фактурой и другими признаками. «Универсальная или почти универсальная черта человеческого общения, связанного с видением, – это важная роль сравнения или, более точно, универсальное понятие ПОДОБИЯ в передаче зрительных ощущений» [Вежбицкая 1997: 234].

Мы видим, что лексикографическая презентация цветообозначений английского языка представляет собой отражение единого

комплекса особенностей, которыми обладает цвет как сложное физическое явление. Каждая из выделяемых нами моделей фиксирует определенный объем знаний человека о природе цвета и отсылает нас к миру действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
Харитончик З.А. Очерки о языке. Минск, 2004.

СЛОВАРИ

Словарь современного английского языка (специальное издание). Т. 1–2. М., Longman, 1992.
Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. Harper Collins Publishers, 2003 (version 3.0 Software).
Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 10th edition. Springfield, Massachusetts, U.S.A.
Oxford Concise Dictionary of English Etymology. Oxford, NY., 1996.

М.А.Петрова

К ИМПЛИЦИТНОЙ МОДАЛИЗОВАННОСТИ РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ

В данной работе речь пойдет о способах имплицитного выражения значений внешней и внутренней возможности в русском языке. Однако прежде чем приступить к описанию средств имплицитного выражения, необходимо сказать несколько слов о семантическом поле возможности и его структуре, а также определить место рассматриваемых значений в этом поле.

Многие авторы членят модальное поле возможности по-разному: Е.И.Беляева, например, описывая поле возможности, в качестве основного членения его семантической структуры предлагает разделение по признаку «внешний/внутренний», считая остальные семантические признаки зависимыми от него: так, внутреннюю возможность Беляева делит на приобретенную и неприобетенную, подразумевая под *приобетенной возможностью* «такую потенциальную связь между субъектом и признаком, которая обусловлена

умением, навыками, знаниями субъекта», а под *неприобретенной возможностью* – связь, «осуществление которой обусловлено ингредиентными качествами субъекта, его свойствами или способностями» [Теория функциональной грамматики 1990:132]. В поле внешней возможности выделяются деонтическая и недеонтическая возможности, первая из которых обусловлена социально-нравственными нормами или волеизъявлением говорящего, вторая – «внешними обстоятельствами несоциального характера» [там же, с. 132–133].

Несколько иначе структурируют данное семантическое поле Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [Булыгина, Шмелев 1990: 142], разбивая его на два основных класса – онтологическую возможность (потенциальность) и эпистемическую возможность (проблематичность). Об онтологической возможности речь идет при описании ситуаций, которые могут (могли или смогут) иметь место в реальном мире; под эпистемической же возможностью подразумевается оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения достоверности. В поле онтологической возможности (соответствующей понятию *возможности* у Е.И.Беляевой) Т.В.Булыгина и А.Д.Шмелев (наряду с В.Н. Бондаренко и некоторыми другими исследователями) выделяют *алетическую* (недеонтическую) и *деонтическую* возможности, в поле алетической – внешнюю возможность (обусловленную объективными потенциями реального мира) и внутреннюю возможность (зависящую от внутренних свойств субъекта).

В настоящей работе предлагается рассматривать внешнюю, внутреннюю, деонтическую и эпистемическую возможности независимо друг от друга. Под внешней и внутренней возможностью будут подразумеваться, таким образом, только возможности, реализация которых зависит, соответственно, от состояния мира, то есть от внешних факторов несоциального характера, или от внутренних свойств и навыков субъекта.

Целью работы явилось рассмотрение тех случаев, когда в ряде русских предложений со значениями внешней и внутренней возможностей ожидаемым представляется лексическое выражение модальности (сочетание соответствующего модального предиката со смысловым глаголом), однако при выражении приоритет, тем не менее, отдается грамматическим или синтаксическим средствам. Имплицитная модализованность таких предложений проявляется

при переводе, в связи с чем в некоторых примерах приводится как русское предложение, так и его англоязычный аналог. Интересно, что при переводах иноязычных текстов, содержащих модальные предикаты, при наличии альтернативы перевода в русском языке предпочтение часто отдается именно имплицитно-модализованным предложениям, несмотря на возможность перевода более близкой к оригинальному тексту конструкцией, содержащей соответствующий предикат.

Первый тип имплицитно-модализованных предложений, предлагаемых к рассмотрению, – предложения со значением внешней возможности.

Внешняя возможность

Во многих языках основным средством выражения значения внешней возможности являются модальные предикаты, в русском же языке часты случаи, когда внешняя возможность выражается имплицитно. Ниже описаны некоторые способы имплицитного выражения внешней возможности, а также факторы, оказывающие влияние на саму возможность подобного выражения.

1. Безличные предложения

Первый тип имплицитно-модализованных предложений, предлагаемых к рассмотрению, – **безличные предложения**. Значение внешней возможности может быть выражено посредством безличных предложений в тех случаях, когда в качестве смысловых глаголов выступают глаголы мнения и восприятия. Рассмотрим перевод английского предложения из «Алисы в стране чудес» Льюиса Керролла на русский и немецкий языки (пример 1). В обоих переводах модальный глагол, присутствующий в английском оригинале, отсутствует. Однако если в немецком переводе (дословно: *Я вижу, ты хочешь что-то выдумать*) английскому двусоставному предложению соответствует также двусоставное предложение, в русском переводе автор выбирает безличную конструкцию. Так происходит и в примере (2), где вместо возможного *собственный голос нельзя услышать* используется вариант без лексического показателя модальности:

- (1) *I can see you're trying to invent something!*
Ich merke wohl, daß du dir etwas ausdenken willst!

Сразу **видно**, хочешь что-то выдумать (Я вижу, ты хочешь что-то выдумать).

- (2) ...and they all quarrel so dreadfully one **can't** hear oneself speak...

Справедливости никакой, и все так кричат, что собственно-го голоса **не слышно** (Справедливости никакой, и все так кричат, что собственный голос **нельзя услышать**.) (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).

Аналогичный способ выражения внешней возможности существует в чешском языке, что отмечает М. Грeпл [Грeпл 1978: 280]:

- (3) *Je vidět Snežku.*

Видно Снежку.

Je slyšet musiku.

Слышно музыку.

2. Неопределенно-личные предложения

При наличии отрицания в предложении значение внешней возможности может быть выражено **неопределенно-личными предложениями** (примеры 4–5).

При переводе, как и в случае с безличными предложениями, автор предпочитает неопределенно-личное предложение более близкому к оригинальному тексту варианту *Я не могу вспомнить и половины из них!*:

- (4) *I **can't** remember half of them!*

*Чего только он ни делает – всего **не упомнишь!*** (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).

- (5) *Тут столько книг! Их и за год **не перечитаешь**...*

Неопределенно-личные предложения легко преобразовываются в **инфинитивные**:

- (4а) *Чего только он ни делает – всего **не упомнить!***

- (5а) *Их и за год **не перечитать**...*

Инфинитивные предложения такого типа используются также при выражении внутренней возможности, при описании которой и будут рассмотрены подробно.

В утвердительных контекстах без отрицания неопределенно-личные и инфинитивные предложения в данном значении не упот-

реблюются, что объясняется следующими логическими соответствиями:

$\sim \diamond P \rightarrow \sim P$ («если P невозможно, следовательно, не P »);

$\diamond P \not\rightarrow P$ («если P возможно, не значит, что P »).

3. Инфинитивные предложения

Еще один способ имплицитного выражения внешней возможности – посредством **инфинитивных конструкций** (пример 6), что возможно, однако, только в вопросительных предложениях. Эти предложения отличаются от упомянутых выше инфинитивных, поскольку в соответствующих утвердительных предложениях модальный глагол опустить нельзя. Такие предложения эллиптически: так, предложение из примера 6 легко восстанавливается в *Как здесь можно учить уроки?* Как отмечает А.А. Бонч-Осмоловская, «значения инфинитивных вопросительных предложений исключительно разнообразны, их всех объединяет то, что ни одно из них не является собственно вопросом, т.е. запросом на недостающую диктальную информацию» [Бонч-Осмоловская (в печати)]. Так происходит и в данном примере, где вопрос является риторическим:

(6) *How can you learn lessons in here? Why, there's hardly room for YOU, and no room at all for any lesson-books!*

Как здесь учить уроки? Тебе самой-то места едва хватает...

Куда же ты денешь учебники? (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).

Внутренняя возможность

Говоря об имплицитном выражении внутренней возможности, следует различать возможность, обусловленную качествами и свойствами субъекта, и возможность, обусловленную умением.

I. Внутренняя возможность, обусловленная качествами и свойствами субъекта

Как и внешняя возможность, внутренняя возможность данного типа нередко выражается в русском языке посредством имплицитно-модализованных предложений, хотя подобное выражение, опять же, не всегда возможно. В некоторых контекстах при выражении значения неприобретенной возможности наличие модальных пре-

дикатов является обязательным, в некоторых возможна их синонимичная замена на другие средства – личную форму смыслового глагола V_{fin} и, при наличии отрицания в предложении, инфинитив смыслового глагола V_{inf} .

При выборе из этих средств играют роль следующие факторы:

- 1) наличие отрицания в предложении;
- 2) принадлежность смыслового глагола к одному из двух классов: глаголам ментально-эмоциональных действий/состояний или глаголам физических/ ментальных действий/состояний;
- 3) вид смыслового глагола;
- 4) время;
- 5) контролируемость/неконтролируемость действия (для физических действий).

В зависимости от комбинаций этих факторов, значение внутренней возможности может выражаться одним (лексическим, посредством модального предиката), двумя или всеми тремя названными способами. Ниже предлагается остановиться на рассмотрении различных комбинаций перечисленных факторов, оказывающих влияние на этот выбор.

1. Глаголы совершенного вида

1.1. Глаголы ментально-эмоциональных действий/состояний

О сочетании глагола *мочь* с глаголами ментально-эмоциональных состояний писали Анна А. Зализняк и Е.В. Падучева [1989], говоря об идиоматическом значении *мочь* в данных контекстах. Действительно, в отличие от сочетаний с глаголами физического действия, где значение *мочь* можно разложить на два компонента:

Я могу прийти = *Я могу* + *я приду*,

сочетания *мочь* с глаголами ментально-эмоциональных состояний подобное разложение не допускают: *Я могу надеяться* нельзя разложить на *я могу* + *я буду надеяться*. В связи с этим нередки случаи, когда модальный глагол в подобных контекстах опускается.

Рассмотрим положительные и отрицательные предложения с глаголами ментально-эмоциональных действий/состояний. Как следует из примеров (7) и (8), в предложениях без отрицания возможно два способа выражения значения внутренней возможности:

– с использованием модального предиката (далее М) в сочетании с V_{inf} ;

– без М, когда модальное значение передается посредством V_{fin} :

(7) *Если не нужно будет падать ниц, то все всё увидят (смогут увидеть).*

(8) *I believe I can guess that, – she added aloud.*

По-моему, я это отгадаю, – сказала она вслух (смогу отгадать).

При наличии отрицания, помимо двух описанных выше средств, возможно выражение рассматриваемого модального значения инфинитивными предложениями (см. примечание 1):

(9) *По-моему, этого мне не отгадать, – сказала она вслух.*

(Это я не отгадаю. Это я отгадать не смогу.)

Когда речь идет о глаголах ментально-эмоциональных состояний, возможность употребления перечисленных средств не зависит от временной отнесенности. В случае же с глаголами ментально-эмоциональных действий употребление V_{fin} возможно только в настоящем (для глаголов НСВ) и будущем (для глаголов СВ) времени (ср. примеры 7 – 9, где наличие/отсутствие называемой возможности в прошедшем времени не влечет ее реализацию/отсутствие реализации. Так, высказывание *Все могли всё увидеть*, явно не тождественно высказыванию *Все всё увидели*). Это относится и к глаголам физических действий.

1.2. Глаголы физических действий/состояний

В отличие от предложений с глаголами ментально-эмоциональных действий/состояний, однородных в том, что касается способов выражения модальных значений, группа глаголов физических действий делится на две: к первой принадлежат частично-контролируемые (см. примечание 2) предикаты, ко второй – контролируемые.

1.2.1. Предложения с частично-контролируемыми предикатами

В предложениях с частично-контролируемыми предикатами средства выражения будут такие же, как в предложениях с глаголами ментально-эмоциональных действий: сочетание $M+V_{inf}$ и V_{fin} – для предложений без отрицания (пример 10), а также инфини-

тивные конструкции при наличии отрицания в предложении (пример 11):

Предложение без отрицания:

- (10) – *Well, I'll eat it, – said Alice, – and if it makes me grow larger, I **can reach** the key.*

– *Что ж, – сказала Алиса, – я так и сделаю. Если при этом я вырасту, я **достану** ключик (**смогу достать**)* (Л.Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).

Предложение с отрицанием:

- (11) *As it is, I **can't** get out at the door.*

*Я и так уже в дверь **не пролезу** (Я и так уже в дверь **не могу пролезть**. Мне и так в дверь уже **не пролезть**.)* (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).

В прошедшем времени замена сочетания $M+V_{inf}$ на V_{fin} невозможна без изменения смысла:

- (12) *This question the Dodo **could not** answer without a great deal of thought.*

*На этот вопрос Додо **не мог** ответить, не подумав как следует*

[\neq **На этот вопрос Додо **не ответил**, не подумав как следует*]

При наличии отрицания возможность выражения инфинитивными предложениями сохраняется: *Додо было **не ответить** на этот вопрос, не подумав как следует.*

1.2.2. Предложения с контролируруемыми предикатами

В предложениях с контролируруемыми предикатами выражение значения внутренней возможности посредством V_{fin} невозможно: в противном случае такая фраза будет воспринята как указывающая не только на наличие возможности совершить некоторое действие, но и на обещание его совершить (примеры 13 – 14):

Предложение без отрицания:

- (13) *Я **могу сделать** больше (не значит я сделаю).*

- (14) *Я **могу помочь** тебе (не значит я помогу).*

При наличии отрицания возможность выражения данного значения инфинитивными предложениями сохраняется (пример 15):

Предложение с отрицанием:

- (15) *Больше мне ничего **не сделать**, что бы там ни случилось.
(Больше я ничего **не могу сделать**...)*

2. Глаголы НСВ

Что касается предложений со смысловыми глаголами НСВ ($V_{НСВ}$), они обладают следующей особенностью. В инфинитивных предложениях с отрицанием и при сочетании с глаголом *мочь* $V_{НСВ}$ заменяется на свою видовую пару, глагол СВ (16 – 17):

- (16) *Боюсь, что не сумею вам все это объяснить, – учтиво промолвила Алиса. – Я и сама ничего **не понимаю**. Столько превращений в один день хоть кого собьет с толку (Но: **не могу понять**, мне самой **не понять**).*
- (17) *Ах, милая, ты и **представить себе не можешь**, как я рада тебя видеть! (Но: **не представляешь**, тебе даже **не представить**)* (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).

Употребление инфинитива $V_{НСВ}$ в том же контексте с сохранением смысла невозможно. Такие инфинитивы, однако, встречаются в предложениях со значением «окончателности, категоричности», в основном в сочетании с *больше не*:

- (18) *Не танцевать мне больше на сцене!*

II. Внутренняя возможность, обусловленная умением

Выражение значения умения в русском языке возможно как лексически (глаголами *мочь* и *уметь*), так и имплицитно, посредством форм НСВ смысловых глаголов:

- (19) *Ты **играешь** в крокет? (= Ты **умеешь играть** в крокет?)* (Л. Кэрролл «Приключения Алисы в стране чудес»).
- (20) *Анна очень талантлива: она **играет** на четырех музыкальных инструментах (= **умеет играть**).*

Е.И.Беляева пишет, что «недискретное значение умения выражается глаголами типа *писать*, *рисовать*, *шить*, *вышивать* и т. п. в планах настоящего потенциального и прошедшего узувального» [Теория функциональной грамматики 1990: 140]. Можно, тем не менее, говорить о возможности выражения данными глаголами значения умения и в будущем времени, в примерах типа *Когда Анна закончит художественную школу, она будет прекрасно рисовать*.

В этом случае, правда, необходим специальный контекст, описывающий некоторое условие, при выполнении которого описываемый навык будет получен. Для глаголов, выражающих значение умения в будущем времени, характерна также сочетаемость в данных контекстах с наречиями качества: *Проработав два года в Германии, ты будешь отлично говорить по-немецки.*

О таком значении несовершенного вида пишет А.В.Бондарко [Бондарко 1971: 40], рассматривая частные видовые значения (под частными видовыми значениями понимаются «регулярно повторяющиеся типы употребления видов, которые представляют собой конкретную реализацию видового семантического потенциала» [там же, с. 21]). Данное значение А.В.Бондарко называет *потенциально-качественным* и определяет как «потенциальную возможность осуществления действия как свойства субъекта... Речь идет о действии, нелокализованном во времени». Специфика этого видового значения состоит в ярком модальном оттенке, поскольку эти формы выражают «не реальное протекание повторяющегося действия или обычного действия, а обычную возможность его осуществления, способность к нему, умение его осуществить».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В предложениях, где значение алетической невозможности выражается посредством инфинитивов, не всегда можно однозначно определить, о каком именно типе препятствий идет речь: то есть заключены ли эти препятствия внутри субъекта или исходят из внешнего мира; часто возможно сочетание обоих типов препятствий. В работе А.А. Бонч-Осмоловской [Бонч-Осмоловская (в печати)] отмечается, что предложения типа *Нам не справиться*, где употребляется инфинитив смыслового глагола НСВ, могут означать отсутствие у субъекта любой возможности, внутренней или внешней, к осуществлению действия, в то время как в предложениях типа *Ну, мне с ними не тягаться*, где употребляется инфинитив смыслового глагола СВ, субъект не имеет именно внутренних способностей, свойств для осуществления действия.

2. Здесь не упоминается группа неконтролируемых предикатов, поскольку при сочетании *мочь* с такими предикатами речь идет не об объективной возможности, а об эпистемической: *Я могу заболеть, если не закрыть окно* = *Я, может быть, заболею, если не закрыть окно.*

ЛИТЕРАТУРА

Бондаренко В.Н. Виды модальных значений // Филологические науки. М., 1979. № 2.

- Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бонч-Осмоловская А.А.* Подлежащее в дативе, сказуемое в инфинитиве: опыт корпусного анализа одной русской конструкции (в печати).
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* «Возможности» естественного языка и модальная логика // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Греп М.* О сущности модальности // Языкознание в Чехословакии. М., 1978.
- Зализняк Анна А., Падучева Е.В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. М., 1990.

Л.Б.Тенова

К СЕМАНТИКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Глагол в алтайском языке характеризуется системой наклонения и времени. Как и в большинстве языков мира, категория времени определена в современном алтайском языке прежде всего на подсистеме глагольных форм индикатива. Индикатив не имеет своего специального показателя и характеризуется как «нулевая» грамматическая категория, как «амодальное» наклонение, служащее для передачи реальных связей между действительностью и высказыванием. Основное назначение индикатива – передавать информацию о реальных событиях, участниками которых в принципе могут быть лица, не участвующие в коммуникативном акте, и лица, участвующие в коммуникативном акте. При этом совпадение участников событий с участниками коммуникативного акта не является обязательным.

Поэтому естественно, что изучение индикатива по существу совпадает с изучением временных форм глагола. Следовательно, формальным признаком индикатива является развитая система временных форм, которая организует категорию времени, представляющую собой, в свою очередь, совокупность частных временных значений.

Глагольное время – грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является действительной, т. е. соотносенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* ‘здесь и теперь’ [ЛЭС: 89]. Таким образом, грамматическая категория времени является центром темпоральности.

Все тюркологи, начиная с Казем-Бека, выделяют категорию времени глагола как центр всей системы спряжения.

В алтайском языке парадигма временных форм включает как синтетические, так и аналитические формы. Эти граммы, выражая одно и то же темпоральное значение, различаются оттенками значений таксисного типа и осложняются аспектуальными и акциональными оттенками, кроме того, очевидно наличие модальных различий, уточняющих значение данного времени, по крайней мере, в области реальности/ирреальности действия в различных временах.

Грамматическая категория представляет собой определенную систему, являющуюся сложным единством ее взаимосвязанных частей. Довольно часто в языках мира категории времени и таксиса грамматически объединяются. Алтайский язык не является здесь исключением. Категория времени характеризуется наличием трех времен – настоящего, прошедшего и будущего. По отношению к грамматической точке отсчета временные формы алтайского глагола логически образуют трехчленный ряд, выражая предшествование моменту речи (прошедшее), одновременность с моментом речи (настоящее), следование за моментом речи (будущее).

Из всех временных грамматических форм глагола парадигма прошедшего времени состоит из самого большого количества словоформ и характеризуется наиболее разветвленной системой грамматических значений, поэтому прошедшее время мы описываем первым в системе времен.

Прошедшее время описывает нечто реально прожитое, факты, которые произошли, т. е. уже имевшие место в действительности, тогда как будущее время описывает или передает проблематические действия в том отношении, что действие должно или может произойти. Естественно, что в человеческом восприятии будущее время представляется менее реальным, мыслимым, предполагаемым,

чем прошедшее. Таким образом, футурум характеризуется модальной насыщенностью. Чаще всего мы ведем речь о событиях прошлого, постоянно возвращаемся к ним. Можно предположить, что именно частое обращение к событиям прошлого и выработало разветвленность и многообразие их отражения в речи, в частности, посредством глагольных спрягаемых форм. В языке это отражается таким образом, что в прошедшем времени различается, как правило, больше глагольных форм, чем в будущем или в настоящем.

Своеобразие тюркских языков, в том числе и алтайского, заключается в том, что в них каждое из трех основных времен индикатива имеет разнообразные формы выражения.

Исследования показали, что категория прошедшего времени алтайского индикатива по своей структуре объединяет как синтетические, так и аналитические (сложные и сверхсложные) формы. Каждая форма времени полисемантическая.

Синтетические формы

1.1. Прошедшее категорическое

Основу системы прошедших времен индикатива составляют структурные типы общетюркского происхождения: самой древней из этих форм является собственно глагольное пратюркское прошедшее категорическое на *-ды* (с фонетическими вариантами). Нет ни одного тюркского языка, где эта форма не была бы представлена. Именно со становления форм претерита можно говорить о развитии в тюркских языках системы времен, и как особая словоизменительная категория, категория времени поддерживается обособленностью претеритальных форм от форм причастно-сказуемого характера [Кормушин 1984: 10].

В тюркологической литературе значение формы на *-ды* в основном определяется следующими способами:

- 1) прошедшее категорическое (объективное) время, выражающее такое прошлое действие, реальность которого не подлежит сомнению;
- 2) прошедшее определенное (датированное) время, выражающее такое прошлое действие, которое происходило в определенный момент;
- 3) недавнопрошедшее время, выражающее такое прошлое действие, которое происходило незадолго до момента речи.

Такое разнообразие определений может быть обусловлено тем, что значения этой формы в отдельных тюркских языках совпадают не полностью. Каждый язык обладает своими специфическими чертами. А.Н.Кононов и А.М.Щербак определяют эту форму как «прошедшее категорическое». Н.К.Дмитриев при описании грамматики башкирского языка применяет термин «прошедшее категорическое или прошедшее законченное». По его трактовке форма на *-ды* ставится в том случае, если говорящий наблюдал передаваемый факт как очевидец или если это факт, реальность которого ни для кого не подлежит сомнению. Отсюда параллельное название формы «прошедшее категорическое», т. е. как бы исключающее всякую субъективную информацию в вопросе о реальности действия, о его фактическом осуществлении. Данное время отличается этим от перфекта, где говорящий обычно не выступает очевидцем передаваемого факта и где центральным моментом является не само действие, а его следствие или результат. По значению форма на *-ды* указывает на действие законченное и, если сравнить со схемой русского глагола, по большей части однократное. Таким образом, *алдым* переводится как *я взял*, (*а не брал*), *алдыс* – *мы взяли*, (*а не брали*), *келдин* – *ты пришел*, (*а не приходил*) [Дмитриев 1948: 143–144].

Н.А.Баскаков и Н.П.Дыренкова используют термин «недавнопрошедшее время». Н.П.Дыренкова в грамматике ойротского языка эту форму называет прошедшим I-м или достоверным, объективным, недавнопрошедшим [Дыренкова 1940: 168]. В соответствии с ее описанием, данная форма просто констатирует тот факт, что действие совершено или совершалось, не указывая на его отношение к другим действиям, совершившимся в прошлом, например: *этти* – ‘делал, сделал’; *кыйгырды* – ‘кричал, крикнул’. Прошедшая форма на *-ды*, в отличие от прошедшей причастной формы на *-ган*, выражает действие, происходившее в недавнем прошлом: *Сен кече сымда аттын* – ‘Ты вчера застрелил рябчика’ [Дыренкова 1940: 173].

По мнению Н.А.Баскакова, форма недавнопрошедшего времени на *-ды* в хакасском языке обозначает действие, совершившееся, с точки зрения говорящего, недавно, непосредственно перед моментом речи. Форма на *-ды* сама по себе законченного действия не выражает, хотя иногда глагол в этой форме, как и в некоторых других формах прошедшего времени, переводится на русский язык глаго-

лом совершенного вида. В этих случаях законченность действия вытекает не из значения формы времени, а из значения глагольной основы контекста и речевой ситуации [Баскаков 1975: 208–209].

Б.О.Орузбаева для форм киргизского языка использует термин «прошедшее определенное время». Основным грамматическим значением прошедшего определенного времени является выражение действий, которые произошли в прошлом, а говорящий являлся очевидцем или участником этих действий, или же с точки зрения говорящего действия эти представляются совершенно достоверным фактом. При этом отдаленность или близость событий к моменту речи не обязательно фиксирована, но действие всегда отнесено к определенному моменту в прошлом, реальность которого подтверждается тем, что говорящий был свидетелем этих действий, или же тем, что существуют определенные предпосылки, исключающие сомнение в их реальности [Орузбаева 1955: 282].

Форма на *-ды* в турецком языке имеет значение простого указания на предшествование действия настоящему моменту [Гузев 1990: 72].

В большинстве тюркских языков, в том числе и в алтайском, главным в семантическом потенциале рассматриваемой формы признается констатация совершившегося ко времени речи действия, в достоверности которого говорящий не сомневается.

Действие, обозначенное формой на *-ды*, по-разному может быть удалено от момента речи: форма передает как действия, совершившиеся в отдаленном прошлом, так и действия, происшедшие непосредственно в момент речи.

Таким образом, эта форма в современном алтайском языке передает значение очевидного, целостного однократного действия в прошлом и является максимально немаркированной по модальным и фазовым признакам обозначения прошедшего времени. Здесь говорящий выступает как очевидец или участник, и центральным моментом является само действие. Определить, происходило это действие в далеком прошлом или незадолго до момента речи, можно по контексту. Это факт достоверный и не подлежит сомнению, например:

Тарал-дын комзо-зи керегинде ада-эне-м-нен оско кем-ге де айт-на-ды-м

‘Кедровка-Gen тайник-3Poss про (Post) отец-мать-1 Poss-Abl кроме (Post) кто-Dat Ptcl говорить-Neg-Past-1 Sg’

‘О тайнике кедровки я, кроме отца с матерью, никому не сказал’.

Прошедшее на *-ды* – почти единственная форма, имеющая многофункциональный статус:

1.1.1. Она широко функционирует в произведениях художественной литературы, являясь основным «повествовательным» прошедшим временем, т.е. употребляется в повествовании, где автор в основном сообщает о каких-то событиях в прошлом, не акцентируя их видовые и акциональные характеристики. Форма при этом передает как бы достоверный факт, поскольку в таком повествовании не делается акцента на статусе «рассказчика» и его отношении к истинности описываемого. Ниже приведены примеры на употребление формы в ситуациях с различными характеристиками протекания действия/состояния:

1. *Бурункий туш-ти*
‘Темнота упасть- Past’
‘Стемнело’.
2. *Конзо-го јетире эмеи ле арт-ты*
‘Тайник-Dat до (Post) немного Ptcl оставаться-Past’
‘До тайника осталось немного’.
3. *Бу ла ой-до олјон-до ман-ла ат-тар кел-ет-кен-и уг-ул-ды*
‘Это Ptcl время-Лос та сторона-Лос скачка-Comm конь-Pl приходить-Praes-Part-3Poss слышать-Pass-Past’
‘В это время на той стороне послышался стук конских копыт’.
4. *Ат-тар суу-ны кеч-киле-ди*
‘Конь- Pl вода-Асс переходить-Distr –Past’
‘Кони перешли реку’.
5. *Онон табыи јылый-ды*
‘Потом звук стихать-Past’
‘Потом все стихло’.

1.1.2. Разумеется, в составе повествовательного текста форма на *-ды* может употребляться тогда, когда говорящий сообщает о тех действиях, которые он лично наблюдал или в совершении которых он принимал участие:

Мен кожно-лор-ди јууп, агаи орто-зы-нан јол-го чык-ты-м
‘Я ремень-Pl-Akk собрать-Conv дерево середина-3 Poss-Abl дорога-Dat выйти-Past-1 Sg’
‘Я собрав ремень, вышел из леса на дорогу’.

1.1.3. Такое употребление в повествовании для современного литературного языка совершенно очевидно является традиционным, потому что восходит к эпическому. Прошедшее категорическое часто встречается в героическом эпосе. Обычно оно и там идет в качестве основного повествовательного времени:

Кара-Кула каан кижги
'Кара-Кула хан человек'
Ары бол-уп ол атан-ды
'Туда быть-Conv он ехать-Past'
Алтай-ы-на бу уулан-ды
'Алтай-3 Poss-Dat этот направиться-Past'
'Кара-Кула – хан
Повернув туда, он поехал
Направился на Алтай'.

Отметим, что другое высокочастотное для эпического текста глагольное время – форма на *-ып тыр*, которая обычно выступает при экспозиции места действия как наблюдаемого глазами героя повествования, то есть при переключении точки зрения. Если же повествование идет о каких-то активных действиях героев, быстро сменяющихся событиях, то употребляется однозначно форма на *-ды*, обеспечивающая выражение динамики действия и достижение тем самым большей наглядности, изобразительности:

Айтунуке эрлу баатыр
'Айтунуке мужественный богатырь'
Ачын-ба-с бой-ы ачын-ды,
'Злиться-Neg-Part-Praes сам-3Poss злиться-Past'
Жалкын бол-уп жалт эт-ти,
'Молния быть-Conv сверкание делать-Past'
Сары-каан-ды буд-ы-нан
'Сары каан-Akk нога-3Poss-Abl'
Чыг-ар-а тарт-ып экел-ди
'Выходить-Saus-Conv тащить-Conv принести-Past'.
'Айтюнюке мужественный богатырь
Разозлился
Сверкнул как молния
Сары-каана за ногу
Выхватив, притащил'.

1.1.4. Как наиболее нейтральная по набору значений, форма на *-ды* активно функционирует в диалогах, там, где воспроизводится живая речь персонажей. Здесь автор как бы уступает место этим персонажам и предоставляет слово им (очевидцам действий). В диалоге рассматриваемая форма употребляется в положительных репликах в формах 1 и 3 лица, в форме 2 лица – прежде всего в вопросительных репликах, будучи нейтральной с точки зрения эвиденциальности.

- *Сен ого тушта-ды-н ба?*
'Ты он-Dat встретить-Past-2 Sg'
- *Тушта-ды-м.*
'Встретить-Past-1 Sg'
- *А не айыл-га кычыр-ба-ды-н?*
'А что дом-Dat пригласить-Neg-Past-2 Sg'
- *Ол менде-п тур-ган бол-гон.*
'Он торопиться-Conv стоять-Perf быть-Perf'
- *Не солун куучында-ды?*
'Что новость рассказывать-Past'
- *Аймак-ка бар-ып кел-ди-м де-п айт-ты.*
'Район-Dat сходи-Conv приходиться-Past-1 Sg скажи-Conv говорить-Past'
- Ты встречал его?
- Встречал.
- А почему домой не пригласил?
- Он торопился.
- Что нового рассказал?
- Сказал, что съездил в район'.

В этом диалоге следует также отметить употребление формы на *-ып турган болгон* в случае выражения умозаключения говорящего, сделанного со слов описываемого персонажа. Если заменить соответствующую реплику на *ол менде-ди*, смысл ее изменится: в этом случае, скорее всего, описываемый в диалоге персонаж так торопился, что сразу ушел, так что сведения говорящего о его спешке являются вполне достоверными, а последующие реплики становятся невозможными.

1.1.5. Употребление с аффиксом отрицания

Аффикс отрицания *-ба* – первоначальная форма, сохранившаяся по сей день только в некоторых тюркских языках (киргизском,

шорском, якутском, алтайском). В большинстве тюркских языков он оказался исторически неустойчивым и перешел в *-ма*. Семантика формы на *-ды* с отрицательным аффиксом *-ба* показывает действие, которое не совершилось в прошлом по желанию самого субъекта:

Тана сос айт-па-ды

‘Тана слово сказать-Neg-Past’

‘Тана слово не сказала’.

– *Сен урок урен-ди-н?*

‘Ты урок учить-Past-2 Sg?’

‘Ты урок учил?’

– *Эйе, кече урок урен-ди-м*

‘Да, вчера урок учить-Past-1 Sg’

‘Да, я вчера урок учил’.

Мен кече урок урен-ип ал-ды-м

‘Я вчера урок учить-Conv взять-Past-1 Sg’

‘Я вчера урок выучил’.

Мен кече урок урен-бе-ди-м

‘Я вчера урок учить-Neg-Past-1 Sg’

‘Я вчера урок не учил’.

Мен кече урок-ты урен-ип ал-ба-ды-м

‘Я вчера урок-Асс учить-Conv взять-Neg-Past-1 Sg’

‘Я вчера урок не выучил’.

Мен урок-ты урен-ди-м, је урен-ип бол-бо-ды-м

‘Я урок-Асс учить-Past-1 Sg Conj учить-Conv быть-Neg-Past-1 Sg’

‘Я урок учил, но не выучил’.

Мы видим, что отрицание не изменяет характеристики ситуации по завершенности/незавершенности действия. Таким образом, можно утверждать, что в ассертивной части значения рассматриваемой формы отсутствует компонент завершенности действия.

Форма на *-ды* оказалась необычайно устойчивой, что может быть объяснено двумя особенностями: значительной семантической емкостью и видовой нейтральностью [Серебренников, Гаджиева 1986: 172]. Устойчивость и многозначность этой формы Д.Г.Тумашева связывает с ранним происхождением формы, «которой первоначально свойственно было выражать самые различные действия

прошедшего плана, т.е. иметь значение претерита западноевропейских языков» [Тумашева 1986: 38].

1.2. Прошедшее результативное (перфективное)

Прошедшее результативное время конструируется посредством причастного аффикса *-ган*. Фактически это причастие со спрягаемой связкой, нулевой в 3 лице и претерпевшей фузионные изменения в 1 и 2 лицах:

	Sg	Pl
1 л.	<i>мен баргам</i>	<i>бис барганыс</i>
2 л.	<i>сен барганг</i>	<i>слер барганар</i>
3 л.	<i>ол барган</i>	<i>олор барган</i>

Данную форму Н.П.Дыренкова называет прошедшим вторым и определяет его значение как давнопрошедшее время. Соответствующие данной алтайской форме формы с перфектным значением существуют и в других тюркских языках, в первую очередь, в кыпчакской группе, в тюркских языках Сибири, за исключением якутского. Якутским аналогом формы на *-ган* является форма на *-быт*, которая распространена также в тувинско-тофаларском и в огузских языках. В некоторых тюркских языках для образования форм перфекта употребляется по два различных морфологических показателя. Например, в татарском и киргизском употребляются формы на *-ып* и *-ган*, в тувинском и узбекском – на *-ып* и *-мыш*, благодаря чему образуются синонимичные формы [Кормушин 1984: 40]. Следовательно, аффикс *-ган* является древним синонимом аффикса *-мыш*, который функционирует в тюркских языках огузской группы, древнетюркских языках и в языке орхоно-енисейских памятников, в частности, в тувинско-тофаларском и якутском.

Для формы прошедшего времени на *-ган* в тюркском языкознании нет единого термина: одни называют ее прошедшим несовершенным, другие вторым прошедшим, третьи – прошедше-настоящим или перфектом, четвертые – прошедшим неопределенным. Принято считать, что основным значением формы на *-ган* в алтайском языке является выражение действия, имевшего место в неопределенном прошлом. При этом так же, как и форма на *-ды*, в зависимости от семантики глагольной основы и от контекста, она может выражать и завершённое и незавершённое действие; в отли-

чие от формы недавнопрошедшего на *-ды* форма на *-ган* не подчеркивает определенности, достоверности (категоричности) действия.

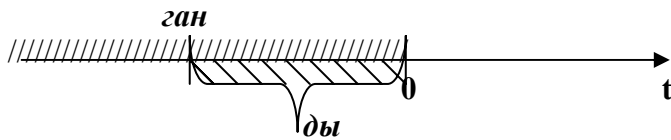
Материал показывает, что основная семантика данной формы – указание на действие или состояние в неопределенном прошлом, т.е. с неотмеченной точкой начала события. Рассмотрим несколько примеров:

1. *Кичу изу айдын талорто-зы тур-ган*
'Младший жаркий месяц-Gen середина-3 Poss стоять-Perf'
'Была [стояла] середина июня'.
Кун-ге кыз-ып кал-ган кей-ди тынарга куч бол-гон
'Солнце-Dat греть-Conv остаться-Perf воздух-Асс дышать тяжело быть-Perf'
'Солнцем разогретый воздух, дышать было тяжело'.
Эртен тура-дан ала тенери-де бир де булут жок, же туш-тин кийинде кукурт уг-ул-ды
'Утро-AbI небо-Lok Ptcl Pron облако нет, Conj день-Gen Post гром слышать-Pass-Past'
'С утра на небе не было ни одного облака, но после обеда раздался гром'.
Кукурт там ла жуукта-п клеет-кен
'Гром Ptcl приближаться-Conv идти-Perf'
'Надвигалась гроза'.
Яан кукурт бол-ор де-п кажы ла олон кажы ла агаш сез-ип, эбире тымый Бер-ди.
'Большая гроза быть-Fut сказать-Conv каждый Conj трава каждый Conj дерево чувствовать-Conv вокруг стихать-Conv дать-Past'
'То, что будет большая гроза, предчувствовали каждая травинка и каждое дерево, все вокруг стихло'.
2. *Карган-дар бала-ны јун-ар суу тап-па-й, конок-тор-го сог-ула бер-ди-ле*
'Старик-Pl ребенок-Асс мыть-Fut вода найти-Neg-Conv ведро-Pl-Dat бить-Pass-Conv дать-Past-3 Pl'
'Не находя воды, чтобы обмыть ребенка, старики натыкались на ведра'.
Суу јок бол-гон

‘Вода нег быть-Perf’

‘Воды не было’.

Все встретившиеся в повествовании формы на *-ган* допускают замену формами на *-ды* без нарушения грамматической правильности. Но при этом автор выбирает форму на *-ган*, если описывается событие, уже имевшее место к моменту, в который происходило другое событие. Соответственно, можно изобразить схематически соотношение времен на *-ды* и *-ган* следующим образом:

Форма на *-ган* также характеризуется как нейтральная форма неочевидности. В полипредикативном высказывании или в более широком контексте *-ган* в функции претерита представляет серию последовательных относительно друг друга событий. Точкой отсчета в этой цепи событий является первое действие:

Демзе жуу -га Садак-ла кожо атан-ган, онон кайда да айрылышы-кан

‘Демзе война-Dat Садак-Instr вместе отправиться-Perf потом где-то Ptcl расставаться-Perf’

‘Демзе на войну с Садаком отправился, потом где-то с ним расстался’.

Прошедшее перфективное может обозначать как давнее, так и недавнее действие. На отдаленность действия от момента речи указывают лексические локализаторы времени:

Энем эрте тур-ала чеген аскан

‘Мать-1 Poss рано стоять-Inhoat чегень варить-Perf’

‘Моя мама, встав рано, сварила чегень’.

От-кон жыл-да эне-м эрте тур-ала чеген ас-кан

‘Проходить-Perf год-Loc мать-1 Poss рано стоять-Inhoat чегень варить-Perf’

‘В прошлом году моя мама, встав рано, сварила чегень’.

В других тюркских языках Сибири кроме аффиксов *-ды* и *-ган* имеются также синтетические прошедшие времена на *-чан* (в шор-

ском, хакасском и чулымско-тюркском языках) и прошедшее обычное время на *-ык* (в тувинском, тофаларском и хакасском языках) и на *-бышаан* (только в тувинском языке). В алтайском языке такие формы отсутствуют.

Н.П.Дыренкова в «Грамматике ойротского языка» отметила только две синтетические формы прошедшего времени: прошедшее на *-ды* и на *-ган*. Но в современных исследованиях алтайского языка описываются некоторые глагольные аффиксы, на современном этапе развития языка воспринимаемые как единое целое, возникшие в результате слияния некогда отдельных форм.

1.3. Прошедшее заглазное

Прошедшее заглазное на *-ын -тыр* характерно в основном для тюркских языков Сибири. Для его обозначения употребляются различные термины: прошедшее совершенное, прошедшее совершенное с наличным результатом, прошедшее субъективное, прошедшее повествовательное субъективное, давнопрошедшее, давнопрошедшее субъективное, давнопрошедшее неочевидное, прошедшее заглазное или неожиданное, прошедшее мотивированное.

Сложный аффикс прошедшего заглазного *-ын -тыр* возник в результате слияния двух словоформ деепричастия основного глагола с показателем на *-н* + вспомогательный глагол *тур-* 'стоять'. Данная форма указывает на действие не всегда достоверное, совершенное в прошлом, очевидцем которого говорящий не был (в зависимости от контекста), а также на действие неожиданное и необычное:

Кичинек Куулер-каан

'Младший Кюлер-каан'

Ады – бойы-ла анда олуптур

'Конь-3 Poss сам-Instr там погибнуть-Evid'

'Младший Кюлер-каан

Вместе с конем там погиб, оказывается'.

В различных языках на базе значения перфекта развивается модальное значение неочевидности действия. Такое развитие на базе перфектного значения широко распространено в тюркских языках [Серебренников, Гаджиева 1986: 207]. Такое развитие семантики перфекта типологически естественно и широко распространено в тюркских языках на базе различных образований с перфектным значением.

Кроме синтетических форм прошедшего времени, в современном алтайском и других тюркских языках имеется ряд сложных аналитических форм. Аналитические формы прошедшего времени конструируются при помощи вспомогательных глаголов. Такие формы в тюркских языках, по-видимому, появились достаточно поздно.

2. Аналитические формы

2.1. Давно-прошедшее время (плюсквамперфект)

Во всех тюркских языках огузской и кыпчакской групп имеются сложные формы прошедшего времени, полученные от простой основы времени (от причастия или деепричастия) путем прибавления к ней недостаточного глагола *э* в форме прошедшего времени на *-ды*. Плюсквамперфект, по наиболее распространенному определению, есть глагольная форма, основным значением которой является объединение граммем двух категорий, а именно – предшествования (граммемы таксиса) и прошедшего (граммемы абсолютного времени), т.е. представляет собой «объединенное абсолютно-относительное время». В современном алтайском языке плюсквамперфект, или прежде-прошедшее время, образуется составным показателем *-ган + эди* (перфектное причастие + прошедшее-1 глагола связи). Однако, Д.А.Монгуш (исследователь тувинского языка) утверждает, что глагол *эди* в тюркских языках Сибири (например в алтайском, шорском и чулымско-тюркском), за исключением якутского, не образует сложных форм прошедшего времени, а участвует в образовании конъюнктива. Действительно, конъюнктив в алтайском языке представлен финитными бивербальными конструкциями, в структурной организации которых важную роль играют причастная форма будущего времени на *-ар + эди*: *каткыр-ар эдим* – ‘я бы смеялся’, но кроме того *эди* участвует в плюсквамперфекте.

Доминирующим в семантике давнопрошедшего времени в тюркских языках считается обозначение абсолютной давности действия. В алтайском языке плюсквамперфект грамматически объединяет таксис и время. Таким образом, плюсквамперфект, выражающий предшествование в прошлом, является комбинацией таксисной и темпоральной граммемы. Можно сказать, что это – разновидность «комбинированной» модели таксиса. В сфере предшест-

вования прошлому моменту важным в семантике данной формы является результат действия, который предшествует прошлому моменту, выраженному грамматически или лексически:

Туш-те Арина ла Одой узак кериш-кен эди. Энир-де кожо чай ич-ти

‘День-Loc Арина Conj Одой долго ругаться-Pqpf. Вечер-Loc вместе чай пить-Past’

‘Днем Арина и Одой долго ругались. Вечером вместе пили чай’.

Пример на лексическое выражение прошедшего времени точки отсчета:

Ол жыл-дар-да Л.В.Кокышев эрчимду ле турумкай иште-ген эди

‘Тот год-Pl-Loc Л.В.Кокышев активно Conj плодотворно работать-Pqpf’

‘В те годы Л.В.Кокышев работал активно и плодотворно’.

Имеется в виду, что результат действий полностью находится в плоскости прошедшего (*в те годы*) и не контактирует с моментом речи.

Плюсквамперфект полисемантичен, он может обозначать как относительную, так и абсолютную давность действия. Конечно, выражение относительной давности действия является одним из специфических элементов плана содержания форм *-ган эди*. Вместе с тем, нельзя ограничиться только такой интерпретацией данной формы. Факты исследуемого языка показывают, что временная форма *-ган эди* обозначает не только давнопрошедшее или относительную давность действия, но и передает действие, имевшее место в недавнем прошлом:

Бар-ба-й канай-ып отур-атам? ...Одой – обогон-им. Сен акчаны кайда сал-ган эдин, Евдокия

‘Идти-Neg-Conj как-Conj сидеть-Fut-1Sg. Одой муж-3 Poss. Ты деньги-Асс куда класть-Pqpf’

‘Как не идти?...Одой мой муж. Ты деньги куда положила, Евдокия?’

Степень абсолютной и относительной давности определяется чаще всего контекстуально и с помощью обстоятельственных показателей. Исследуемая форма времени обозначает действие, проис-

ходившее в недавнем прошлом, не только в алтайском языке, но и во многих других тюркских языках. Таким образом, давнопрошедшесть – это не обязательное, а возможное значение формы на *-ган эди* в алтайском языке. И эта сема является одним из основных в семантической сущности данной формы. Под абсолютной давностью плюсквамперфекта не обязательно понимается большой интервал, может иметься в виду наличие, так сказать, непроходимой границы между тем и другим:

Кем бил-ер салым-ды...

‘Кто знать-Fut судьба-Akk...’

‘Кто знает судьбу...’

А Кер-Бее кандый ачу киште-ген эди...

‘А Кер-Бее как горько ржать-Pqpf...’

‘А Кер-Бее (кобыла) с такой горечью ржала...’

Здесь семантика формы на *-ган эди* устроена таким образом, что внимание акцентируется на полной завершенности отрезка времени, в который проходило описываемое действие (текст представляет собой по сюжету воспоминание о войне в мирное время). Следовательно, *-ган эди* обозначает законченное действие, результат которого находится в плоскости прошедшего.

2.2. К зоне **плюсквамперфекта** в алтайском языке относится еще аналитическая форма, которая конструируется при помощи аффикса деепричастия *-ым*, вспомогательных глаголов *тур-* и *эди*. Формально это плюсквамперфект на *-ган эди* от формы хабитуальной совершаемости на *-ым тур-*, которая, в свою очередь, представляет собой сочетание последовательного деепричастия на *-ым* с вспомогательным глаголом *тур-*. По семантике форма представляет действие, предшествующее прошлому грамматическому моменту, в его длительности (продолжительности) и многократности:

Мен ол кату-нын јер-ин-де отур-ар-ым-да ол Боксу деп кижги ме-ге мындый бир куучын айд-ым тур-ган эди

‘Я этот жесткий-Gen место сидеть-Fut-1 Sg этот Боксу человек я-Dat такой один рассказ говорить-Conv стоять-Pqpf’

‘Когда я сидел за решеткой, этот человек, Боксу, рассказывал все время (постоянно) мне этот рассказ’.

Итак, речь идет о длительном или повторяющемся действии, само протекание которого отнесено к завершившемуся прошлому.

В контексте форма передает действие, произошедшее в сравнительно далеком прошлом на глазах говорящего.

В некоторых тюркских языках (кумыкский, татарский) функционирует аналогичная форма *-а турган эди*, которая имеет значение обычного действия, являющегося в прошлом свойством, качеством, постоянным признаком действующего лица: *Ул русчаны яхши беле торган иде* 'Он хорошо знал русский язык' [Тумашева 1986: 52]. В алтайском языке данная форма не функционирует, видимо, в связи с незадействованностью параллельного деепричастия в системе прошедшего времени.

Материал алтайского языка свидетельствует о том, что в форме *-ып турган эди* больше представлена интенсивность многократного действия в прошлом. Кратность в этой форме носит немаркированный характер, т.е. она может выражать или не выражать многократность (ср. *кара-п тур-ган эди-м* – 'я смотрел', где кратность не выражена, и *айд-ып тур-ган эди-м* – 'я (все время) говорил', где кратность выражена).

Лингвисты, исходящие из структурных особенностей этих форм, видят в них в первую очередь выразителей видового значения завершенности. Однако, как показывают языковые факты, сложные формы выражают по отношению к простым либо предшествование, либо завершенность, либо оба значения вместе, амальгамно, но в любом случае в решении статуса формы немаловажная роль принадлежит акционалу глагольной семантемы [Закамулина 2000: 92]. Мы придерживаемся точки зрения тех авторов, которые видят в этих формах выразителей темпорального значения.

2.3. Давно-прошедшее сложное время образуется от причастия прошедшего времени на *-ган* и спрягаемой формы перфекта вспомогательного глагола *бол* 'быть', например: *барган болгон* 'уже (тогда, прежде) ходил'. Данная сложная форма прошедшего времени по своей семантике почти синонимична форме *-ган эди*; имеющийся материал позволяет пока что предполагать, что основная семантика этой формы – антиперфектная (обозначает действие, завершившееся в прошлом, результат которого неактуален к моменту речи):

Бугун тужиле жанмыр жаа-ган, кукурт тын кузуре-ген бол-гон

‘Сегодня день дождь лить- Perf гром сильно греметь-Perf
быть- Perf’

‘Сегодня целый день шел дождь, сильно гремел гром’.

Татарским аналогом этой формы является *-ган бул-*, не описанная Д.Г.Тумашевой в системе индикатива, но включенная в описательные или перифрастические формы темпорального значения, образованные от основ временных форм смыслового глагола и словоизменительных форм вспомогательного глагола [Тумашева 1986: 63].

2.4. Давнопрошедшее заглазное образуется из причастия прошедшего времени на *-ган* и формы на *-тыр* вспомогательного глагола *бол* ‘быть’: *бичи-ген бол-тыр* – ‘оказывается, когда-то писал’. Давнопрошедшее заглазное имеет то же самое значение, что и вышеописанное сложное время – антиперфект, но осложненное модальным эвиденциальным оттенком заглазости (относит действие в более отдаленное прошлое чем в форме *-ыл -тыр*). Как и форма *-ыл -тыр*, данная форма по своей специфике чаще всего встречается в разговорной речи, в произведениях художественной литературы, героическом эпосе, в которых повествование ведется от имени автора. Говорящий употребляет форму, чтобы показать, что он сам не наблюдал за происходившими событиями, а узнал о них по их результату:

Бала-барка баз-ар јер-ге

‘Дети ходить-Fut земля-Dat’

Мандык торко јай-ган бол-тыр

‘Узорчатый шелк расстилать-Perf Evid’

‘На земле, где дети должны играть’

Узорчатые шелка расстилали, оказывается’.

Таким образом, времена индикатива находятся во взаимодействии с другими категориями глагола – такими, как наклонение и аспектuality. Основные значения времен нередко находятся под влиянием лексических показателей темпоральности и контекста. Большинство форм, осложненных модальными и аспектualityными оттенками значений, не заслоняют их основных временных значений, а лишь сопутствуют им. Описанные формы, выражая одно и то же прошедшее время, отличаются друг от друга различными оттенками модального, фазового и таксисного характера. Формы про-

шедшего времени рассматриваются как передающие действия в прошлом, как в отдаленном, так и близком к моменту речи. Средствами разграничения степени отдаленности являются контекст и временные лексические локализаторы, в семантике которых содержится ориентация на прошедшее. Общим для всех выявленных синтетических и аналитических форм является то, что в их значении отражен прошлый момент.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Грамматика хакасского языка. М., 1975.
Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990.
Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М-Л., 1948.
Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. Л., 1940.
Закамулина М.Н. Темпоральность во французском и татарском языках: слово, высказывание, текст. Казань, 2000.
Кормушин И.В. Система времен глагола в алтайском языке. М., 1984.
 Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
Орузбаева Б.О. Формы прошедшего времени на -ды в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
Серебреников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков М., 1986.
Тумашева Д.Г. Татарский глагол. Казань, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Abl – исходный падеж	Loc – местный падеж
Acc – аккузатив, винительный падеж	Neg – отрицание
Caus – каузатив	Part – причастие
Comm – комитатив	Pass – пассив
Conj – союз	Past – прошедшее время
Conv – деепричастие	Perf – перфект
Dat – дательный падеж	Pl – множественное число
Distr – дистрибутив (распределенное действие)	Poss – поссессив, показатель принадлежности
Evid – показатель эвиденциальности	Post – послелог
Fut – будущее время	Pqpf – плюсквамперфект
Gen – родительный падеж	Praes – настоящее время
Inhoat – инхоатив	Pron – местоимение
Instr – творительный падеж	Ptcl – частица
	Sg – единственное число

Сравнительно-исторические и типологические исследования

Е.В.Авдеев

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА, ИХ СВОЙСТВА И АНАЛОГИ¹

Вопросительные местоимения представляют собой класс слов, который поддается непосредственному обнаружению при работе с описательной или практической грамматикой любого языка и, таким образом, дает почву для очевидных обобщений. В данной работе мы остановимся на некоторых из них.

Для начала нам необходимо будет выделить два существенных свойства вопросительных местоимений, которые кажутся нам потенциально основополагающими в свете наметившегося исследования. Мы имеем в виду, во-первых, омонимию вопросительных и неопределенных местоимений и, во-вторых, способность вопросительных местоимений к выражению грамматических категорий, которая с переменным постоянством проявляет себя в языках мира.

Тот факт, что вопросительное местоимение – это неопределенное местоимение, помещенное в особое окружение, оформляющее частный вопрос, является для некоторых языков, вроде бы, несомненным.

1. Китайский язык [Haspelmath 1997: 171]:

(a) *Ta bǎ shénme shu diu le?*
3SG ACC что (-то/?) книга выбрасывать PF
'Какую книгу он выбросил?'

(b) *Ta bǎ shénme shu diu le*
3SG ACC что (-то/?) книга выбрасывать PF
'Он выбросил какую-то книгу' (данное предложение отличается от (a) отсутствием вопросительной интонации).

2. Лахота [Haspelmath 1997: 171]:

¹ Данное исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 05-04-04240а.

- (a) *Wičháša ki táku naχʔi he?*
 человек DEF что (-то/?) слышать.PF Q
 ‘Что услышал человек?’
- (b) *Wičháša ki táku naχʔi*
 человек DEF что (-то/?) слышать.PF
 ‘Человек что-то услышал’.

В действительности, с точки зрения первоначальной функции местоимения что (-то/?), дела обстоят как раз противоположным образом. Более того, явление, обманчиво кажущееся омонимией вопросительного и неопределенного, на деле объясняется полисемией того элемента, за которым мы вынуждены признать эволюционное первенство и который, собственно, и составляет предмет нашего интереса. Неизбежность такой интерпретации убедительно доказывается в Haspelmath 1997. Неопределенные местоимения, будучи схожими с вопросительными, являются производными от последних – морфологическими (ср. русск. кто-то, некто < кто?) или семантическими («Indefinite pronouns are sometimes not overtly derived from interrogative pronouns, but are identical to them» [Haspelmath 1997: 171], ср. примеры 1–2). Возможны случаи, когда между утвердительным предложением с неопределенным местоимением и частным вопросом вообще не удастся провести границы по какому-то формальному признаку. Подобное поведение в австралийских языках отмечает Р.Диксон: «Bilingual informants will often translate a sentence with, say, the ergative of ɲaan-, as ‘someone hit me – who did it?’, the translation indicating that this is simultaneously an indefinite specification, and a request for further information» [Dixon 1980: 372].

На этом вопрос о связи неопределенных и вопросительных местоимений можно считать исчерпанным в том смысле, что дальнейшие уточнения (за исключением одного, о котором речь впереди) лежат, преимущественно, вне сферы наших интересов.

Мы сейчас кратко рассмотрим, как ведут себя вопросительные местоимения в плане различения грамматических категорий. Нас пока не будет занимать вопрос о совпадении в парадигматическом функционировании пары заменяемое существительное/вопросительное местоимение. Мы обозначим лишь принципиальную «открытость» вопросительных местоимений к выражению различных категорий. Тут следует сделать существенную оговорку в том от-

ношении, что грамматические категории понимаются нами здесь в весьма широком смысле, объединяя случаи, которые для большей беспристрастности следовало бы разделить на «лексико-грамматические» и «словоизменительные». Это разделение мы будем иметь в виду, но не станем пока на него опираться. Так, под выражением категории одушевленность/неодушевленность мы понимаем встречающуюся в подавляющем большинстве языков пару кто?/что?. В случае типа литовского *kas?* ‘кто?что?’ мы говорим, что данное вопросительное местоимение эту категорию не различает. Как бы то ни было, данная категория является для вопросительных местоимений, по большому счету, исключительно лексической. Она также не находится в прямой зависимости от факта и способа выражения (не)одушевленности в конкретном языке, хотя это не мешает ей изоморфно повторять поведение существительных. Это видно, например, из данных кавказских языков: «В языках, где категория грамматических классов отпала и осталась неизвестной морфологии, грамматические классы продолжают осознаваться как лексико-семантическая категория: вопрос “кто?” во всех иберийско-кавказских языках может относиться лишь к человеку (применительно к животным ставится вопрос “что?”)» [Чикобава 1960: 5]. Вот пример последовательного изоморфизма между вопросительными местоимениями и существительными:

3. Чамалинский язык [Майтинская 1969: 221]:

ев кто? (I кл. = муж.) *ел* что? (IV кл.)
ей кто? (II кл. = жен.) *ей* что? (V кл.)
ед что? (III кл.)

Что касается непосредственно «словоизменительных» грамматических категорий, то сюда мы относим, например, категорию числа, выделяемую у вопросительных местоимений в ряде языков.

4. Мансийский язык [Майтинская 1969: 224]:

	SG	DU	PL
кто?	<i>хотъют</i>	<i>хотъют-ыг</i>	<i>хотъют-ыт</i>
что?	<i>маныр</i>	<i>манар-ыг</i>	<i>манар-ыт</i>

Далее мы не будем здесь подробно исследовать вопрос о грамматических категориях. Заметим лишь, что репертуар грамматических значений вопросительных местоимений еще требует значительных уточнений. Так, в языке каддо (каддоанская семья) способ-

ность вопросительных местоимений к выражению грамматических категорий проявляется в неожиданном противопоставлении форм прошедшего и не прошедшего времени [Chafe 1976: 77–78].

	PAST	NON-PAST
кто?	<i>wiʔit</i>	<i>wit</i>
что?	<i>Dikít</i>	<i>dikat</i>
где?	<i>kwíʔit</i>	<i>kwit</i>
когда?	<i>siʔit</i>	<i>sít</i>

Таким образом, мы выделили два свойства вопросительных местоимений, которые представляют для нас на данном этапе существенный интерес: формальную и функциональную близость с неопределенными местоимениями и способность к выражению грамматических категорий. При более детальном рассмотрении возникает ощущение, что эти два вроде бы не связанных между собой аспекта их природы обнаруживают любопытную точку пересечения. Некоторые языки заставляют по-новому взглянуть на «неопределенную» составляющую вопросительного местоимения, которая, как нам уже стало казаться, прочно слита с его семантикой и которая выражена в обобщающем утверждении: “the common element in the meaning of indefinite and interrogative pronouns is ignorance” [Haspelmath 1997: 171].

5. Нивхский язык [Крейнович 1979а: 306]:

- (a) *Tʼaʉd-ɳy* *juʉ-ðʔ*
кто?-Q.INDF.PCL прийти-PF
‘Кто пришел?’ (слышно, что кто-то вошел в сени зимника, но неизвестно, кто вошел).
- (b) *Tʼaʉd-ara* *juʉ-ðʔ*
кто?-Q.DEF.PCL прийти-PF
‘Кто пришел?’ (слышно, что кто-то вошел, но при этом известно, что вошел кто-то из числа определенных людей, прихода которых ждут).

Здесь вопросительное местоимение ‘кто?’ выражает категорию *определенности/неопределенности* посредством присоединения вопросительной частицы с соответствующим значением. Местоимение ‘что?’ при этом не нуждается в подобном морфологическом оформлении, так как различает определенность и неопределенность на лексическом уровне:

6. *нунт? нуд? что?*DEF
*рунт? руд? что?*INDF [там же: 306].

В кетском языке эта же категория выражается супплетивными формами [Крейнович 1979b: 337]:

7. *анэ́т? кто?*DEF
*асэ́ра? кто?*INDF

Подобное поведение вопросительных местоимений, на первый взгляд, противоречит интуитивным представлениям о семантике вопроса (получается, что говорящий разделяет со слушающим часть информации о неизвестном параметре ситуации). Однако наличие таких форм в ряде неродственных языков заставляет задуматься о «неопределенности» вопросительных местоимений, рассмотренной нами ранее, как о неспособности вопросительных местоимений большинства языков к выражению данной бинарной категории. Это кажется нам еще более очевидным с учетом того факта, что спектр частно-вопросительных значений, которые могут выражать определенность, не исчерпывается местоимениями ‘кто?’, ‘что?’.

В языке уте (юто-ацтекская семья) аналогичным образом ведут себя вопросительные слова, называемые в Givón 1984 WH-словами, так как в этом языке на базе исходных элементов, соответствующих местоимениям ‘кто?’, ‘что?’, образуются все остальные вопросительные слова-заместители [Givón 1984: 226]. Автор называет категорию, выражаемую этими элементами, *референтность/нереферентность*. Мы отдаем себе отчет о несовпадении понятий референтность и определенность в широком общелингвистическом смысле, но нам кажется, что их противопоставлением при рассмотрении вопросительных местоимений можно пренебречь, так как, во-первых, авторы разных грамматик трактуют это в принципе недвусмысленное явление то как референтность, то как определенность, и, во-вторых, рассуждения о предпочтении одного из этих понятий при анализе конкретных примеров может выглядеть излишней спекуляцией.

	SUBJECT		OBJECT	
	REF	NONREF	REF	NONREF
ANIM-SG	'áá	'íni	'áay	'iní
ANIM-PL	'áa-my	'iní-u	'áa-my	'iní-u
INAN	'aǵá-ry	'ipy	'aǵá-ry	'ipy

8. (a) 'aá wíyuka-xâ?
 WH.SG.REF работать.ANT
 'Кто работал?' (спрашивается о конкретной группе людей).
- (b) 'ini wíyuka-xâ?
 WH.SG.NREF работать.ANT
 'Кто работал?' (неизвестно, кто это мог быть).

Любопытно, что вопрос со значением 'какой?' образуется от референциальной формы WH-слова [там же: 227]:

9. (a) 'agáru-tu-mu-ará má ta 'wá-ci?
 WH-NOM-ANIM-быть DEM.SBJ человек-SBJ
 'Тот человек – какой?'
- (b) 'agáru-tu-ará 'ica tynú-pu?
 WH-NOM-быть DEM.SBJ земля-SBJ
 'Эта земля – какая?'

Т.Гивон отмечает: "Since these are obviously non-referential ("type") questions, the use of the referential (inanimate) WH-pronoun as base is not synchronically explicable" [Givón 1984: 228]. Возможно, объяснением этому явлению все же может послужить тот факт, что, делая запрос о качестве кого-либо или чего-либо, мы интересуемся именно принадлежностью к некоторому типу (каковых, вероятно, существует ограниченное и всем известное количество), а не подробной (и, таким образом, неограниченной) спецификацией.

Итак, категория *определенности/неопределенности* может, как мы только что видели, проявляться не только у местоимений 'кто?', 'что?', но и у других. Вот еще одно подтверждение этому:

10. Тонга [Churchward 1953: 167]:
- (a) Ko e hā hono 'aongá?
 PCL ART что?почему? DEF быть.полезным
 'Зачем это нужно?'
- (b) Ko e hā hano 'aongá?
 PCL ART что?почему? INDF быть.полезным
 'Зачем это нужно?'

Первый из этих вопросов может быть задан о предмете, функциональность которого не вызывает сомнения у говорящего, хотя она ему и не известна. Про предмет, о котором спрашивается во втором вопросе, не очевидно, что его вообще можно использовать каким-либо образом.

Примечательно в этом отношении вопросительное слово *'uma 'ā?*, которое можно считать выразителем частного риторического вопроса, хотя его функция не приводится в Churchward 1953 именно в такой формулировке. Смысл его заключается в контрасте, который несет на себе, например, русск. *зачем?* по отношению к *почему?* в ситуации, когда возможны оба эти слова. Оно имплицитно указывает на отсутствие (по мнению того, кто задает вопрос) необходимости выполнения действия или даже на его полную нежелательность. В таком вопросе подразумевается, что, несмотря на запрос о причине, и говорящий, и адресат разделяют в некоторой степени представление о нецелесообразности действия, то есть об отсутствии причины:

11. *Ko e fafanga kinautolu ko e 'uma 'ā?*
 PCL ART кормить 3PL PCL ART зачем?

‘Зачем их кормить?’ (‘Зачем ты их кормишь?’) [там же: 223].

Следует отметить, что все же нельзя предельно четко очертить семантику «определенного вопросительного местоимения» и свести его для всех случаев к выбору из числа элементов, известных говорящему и адресату. Критерии предпочтения одной из двух форм могут оказаться более сложными, либо просто слегка иными. Так, нижеследующие примеры не вполне вписываются в представления об определенности:

12. (a) *Ko hai hotau kaume 'a 'e fakaafe 'i*
 PCL кто? 1PL.POSS.OBJ.DEF друг FUT приглашать
mai?
 1PL.ALL

‘Кого из наших друзей мы пригласим к себе?’ (‘Скажи, на ком ты уже остановил свой выбор’).

13. (b) *Ko hai hatau kaume 'a 'e fakaafe 'i*
 PCL кто? 1PL.POSS.OBJ.INDF друг FUT приглашать
mai?
 1PL.ALL

‘Кого из наших друзей мы пригласим к себе?’ (‘Предложи кого-нибудь’) [там же: 167].

В свете данных о принципиальной возможности различения вопросительными словами категории *определенности/неопределенности* мы видим, что те из них, которые выражают неопределенность, действительно сближаются с неопределенными местоимениями практически до полного совпадения их значений:

14. (a) *Ko e hā 'a e me'a te u 'omi?*
PCL ART что? OBJ ART вещь FUT ISG приносить
 'Что мне принести?'
- (b) *Ko e hā ha e me'a te u omi?*
PCL ART что? INDF ART вещь FUT ISG приносить
 'Что мне принести?'

В первом из этих вопросов при ответе нужно сделать выбор из определенного числа предметов, известных и говорящему, и адресату вопроса, в то время, как во втором нет указания на какое-либо ограничение списка возможных ответов. Этот второй вопрос, таким образом, не является в достаточной степени частным вопросом. Его можно представить в виде общего вопроса со значением 'Мне принести что-нибудь?', где вместо вопросительного употреблено уже неопределенное местоимение. Точно также и вопрос из примера 10(b) можно перевести как 'Это зачем-то нужно?', тем более, что при положительном ответе на него адресат скорее всего не станет дожидаться дальнейшего частного вопроса 'Зачем?', а сразу назовет функцию, которую выполняет данный предмет.

Стремление к учету всего типологического многообразия форм выражения частного вопроса неизбежно приводит нас к отказу от термина «местоимение» как слишком узкого для охвата и адекватного описания тех возможностей, которые представлены в языках мира. Мы имеем в виду преимущественно случаи использования так называемых «вопросительных глаголов» с лексическим значением 'что делать?' (и др.) и случаи реализации частно-вопросительных значений через употребление аффиксальных показателей (которое иногда можно трактовать как связанное употребление вопросительных местоимений). Для первых случаев мы расширяем понятие «вопросительное местоимение» до более подходящего – «вопросительное слово», а для вторых случаев используем термин «аналог вопросительного слова». Нам, однако, представляется, что подобным образом мы уже учли все возможные случаи несобственно-местоименного выражения частного вопроса. Мы считаем маловероятной дальнейшую необходимость (в свете новых типологических данных) более широкой трактовки используемых нами понятий. Более того, существуют основания предполагать, что вышеозначенные явления имеют между собой достаточно общих черт, чтобы некоторые вопросительные гла-

голы могли быть интерпретированы как частный случай связанного употребления вопросительного местоимения. Мы не будем здесь в подробностях разбирать все эти возможности, а предложим общее представление об их функционировании.

Способность связанных морфем выступать в роли вопросительного элемента, на первый взгляд, противоречит как значительной части эмпирических данных, так и интуитивным представлениям. Некоторые авторы видят логические предпосылки к невозможности такого способа выражения частного вопроса: «No Australian language has interrogative-indefinite bound forms. Non-reduced pronouns are used for special emphasis, and there is generally emphasis on interrogative words ... The semantic function of an interrogative in a sentence would make its encoding as a bound clitic quite inappropriate» [Dixon 1980: 372].

В иракском варианте арабского языка (ИА) частный вопрос со значением 'что?' в зависимости от ситуации может, однако, быть выражен как полной формой вопросительного местоимения, так и производными от нее связанными морфемами:

15. *Šinu haada?*
что? DEM
'Что это?'
16. *Š-šaar?*
что?-происходить
'Что случилось?'
17. *Haada ktaab-eeš?*
DEM книга-что?
'Что это за книга?' [Erwin 1963: 292–294].

Другие вопросительные местоимения в ИА, например, *šloon?* 'как?' или *ween?* 'где?' могут присоединять к себе предикативные показатели лица/числа, что обычно характерно для вопросительных глаголов:

18. *Šloon-ak?*
как?-2SG
'Как ты?'
19. *Ween-hum?*
где?-3PL
'Где они?' [там же: 305].

В кетском языке вопросительное местоимение *акус* 'что?' может быть инкорпорировано в глагол. Оно формально ведет себя, таким образом, как то существительное, которое заменяется при вопросе данным местоимением (инкорпорирование существительного отражается, однако, на его коммуникативном статусе, в то время как инкорпорированное вопросительное местоимение никак не меняет коммуникативной организации вопроса). В данном случае глагол, в который оно инкорпорировано, становится неотличим от типичного вопросительного глагола:

20. (a) *Кир'æ ериңил' акус' ди-б-бæт?*

DEM железо что? 1SG.SBJ-CL3.OBJ-делать.NPF

(b) *Кир'æ ериңил' д-аку-с'-и-вит?*

DEM железо 1SG.SBJ-что?-NPF-LV-делать.1SG

'Из этого железа что я сделаю?' [Крейнович 1968: 145–146].

В языке гренландских эскимосов частный вопрос может выражаться WH-элементами, аналогичными тем, что рассматривались в табл. 2. Образующие ими словоформы, содержащие глагольный корень 'быть', вполне могут быть квалифицированы как вопросительные глаголы. «A great many frequent, day-to-day questions have a standard, almost lexicalized, one-word form» [Sadock 1984: 205]:

21. *Sumiippa?*

su-mi-it-pa-∅

WH-LOC-быть-Q-3SG

'Где это?' [Sadock 1984: 205].

В вышеприведенных примерах связанное употребление вопросительных местоимений выступает либо как альтернатива их независимого функционирования (кетский язык), либо как результат перераспределения функций между исходной полной формой и ее редуцированным вариантом (ИА). В абхазском языке ситуация иная. Здесь аффиксальная форма ряда вопросительных элементов представляется безальтернативной. Вопросительный элемент *ba* присоединяется к относительным глагольным инфиксам *-an-* (время действия), *-ax'* (направление), *-s-* (способ действия) и другим.

22. *y-anba-q'a-z?*

REL-когда?-быть-NFIN

'Когда это было?'

23. *d-aba-ca-x'o-w?*
3SG.M-куда?-идти.PF-NFIN
'Куда он ушел?'
24. *də-ʃpa-ca-rə y?*
3SG.M-как?-идти.FUT Q
'Как же он пойдет?' [Hewitt 1989: 13–14].

В данном случае приходится, по всей видимости, констатировать отсутствие вопросительного местоимения как такового. Мы видим, что термин «аналог вопросительного слова» применительно к такой ситуации полностью оправдывает свое существование.

Мы считаем, что выделенные нами свойства вопросительных местоимений могут быть приняты за отправную точку дальнейшего исследования принципов их функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Chafe W.L.* The Caddoan, Iroquoian, and Siouan Languages. Mouton, 1976.
- Churchward M.C.* Tongan Grammar. Oxford University Press, 1953.
- Dixon R.M.W.* The Languages of Australia. Cambridge, 1980.
- Erwin W.M.* A Short Reference Grammar of Iraqi Arabic. Georgetown University Press, 1963.
- Givón T.* Interrogativity in Ute // Interrogativity: a colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages. Amsterdam, 1984.
- Hagege C.* www.summerschoolaltconference.it/ALT/Abstracts/Hagege.htm
- Haspelmath M.* Indefinite Pronouns. Oxford, 1997.
- Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: A Conceptual Framework. Chicago, 1991.
- Hewitt B.G.* Abkhaz. London; New York, 1989.
- Sadock J.M.* Interrogativity in West Greenlandic // Interrogativity: a colloquium on the grammar, typology and pragmatics of questions in seven diverse languages. Amsterdam, 1984.
- Ullian R.* Some General Characteristics of Interrogative Systems // Universals of Human Language. Vol. 4 (Syntax). Stanford, 1978.
- Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск, 1968.
- Крейнович Е.А.* Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Крейнович Е.А.* Кетский язык // Языки Азии и Африки. Том 3. М., 1979а.
- Крейнович Е.А.* Нивхский язык // Языки Азии и Африки. Том 3. М., 1979б.
- Майтинская К.Е.* Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
- Чикобава А.С.* Основные типы спряжения глаголов и их исторические взаимоотношения в иберийско-кавказских языках. XXV международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, 1960.

СОВРЕМЕННАЯ СКАНДИНАВСКАЯ ПРОСОДИКА И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАГЕРМАНСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ

0. В данной работе затронута проблема германской акцентуации и ее истории. Поводом для этого послужило то, что масштабные исследования славянской акцентологической школы давно вышли за пределы материала славянских языков. Возрос интерес славистов к акцентуации других индоевропейских языков, в частности, германских. Это способствует как сравнительно-историческим, так и типологическим исследованиям в рассматриваемой области, что мы попытались отразить в своей работе.

1.1. Как известно, большинство германских языков относятся к моноакцентным языкам. В исконных словах ударение ставится на корень, заимствования зачастую сохраняют место ударения языка-источника. Исключение составляет исландский, в котором заимствования могут иметь только начальное ударение (см. Мельников 1997). Также отмечаются колебания между начальным и неначальным ударением в заимствованиях в немецком (см. Schmidt 1981). Несколько иная картина представлена в континентальных скандинавских языках. В шведском и норвежском языках отмечается наличие двух акцентов – акцент I (акут) и акцент II (гравис), а также циркумфлекс – акцент, наблюдающийся в диалектах и употребляющийся, в основном, в апокопированных словах. Циркумфлекс может иметь контур акцента I или акцента II в зависимости от акцента исходного архетипа. Акцент I может стоять на любом – даже на последнем – слоге, поэтому считается, что в односложных словах употребляется акцент I, хотя в данном контексте оппозиция акцентов нейтрализована. Акцент II обычно падает на первый слог, но в заимствованных словах определенной морфологической структуры он может стоять и на непервом (не последнем!) слоге, что может быть объяснено действием аналогии со стороны исконных слов. Традиционно считается, что акцент I присущ словам, бывшим односложными в древнескандинавскую эпоху, акцент II, наоборот, – у исконно двух- и многосложным. Более подробные описания данной системы ударения содержатся в работах Кацнельсон 1966, Gårding 1978, Liberman 1982, Кузьменко 1991.

1.2. Изучению акцентного противопоставления акцент I / акцент II посвящено исследование шведского фонетиста Улле Энгстранда (см. Engstrand 1995). В данной работе представлено фонетическое исследование обоих акцентов и их поведения во фразе. Слова с акцентом I содержат один пик основной частоты (F0), располагающийся в ударном слоге. Слова с акцентом II содержат два пика – в ударном и безударном (последнем) слогах. При этом отмечается, что пик в словах с акцентом I и второй пик в словах с акцентом II определяются фразовой акцентуацией и исчезают в безударной позиции во фразе. Первый пик в словах с акцентом II стабилен и не зависит от фразового ударения. Таким образом, слог, несущий акцент I, фонетически соотносим не с «ударным», а с последним слогом слова с акцентом II.

Существует много фактов, свидетельствующих о связи акцента II с акцентом I на первом слоге:

а) колебания в заимствованиях, ср. швед. *tele'fon/`tel:efon* 'телефон', *a'vis/`av:is* 'газета' (см. Клычков 1966: 297, Кацнельсон 1966: 41);

б) метатония акцент I > акцент II: ранне-ншвед. *al'drig* 'никогда', *fi'ende* 'враг', *hedning* 'язычник', *sa'lat* 'салат', *lappe'ri* 'пустяк' > ншвед. *`aldrig*, *`fiende*, *`hedning*, *`sallat*, *`lappri* (см. Noreen 1907: 296–298);

в) колебания в сложных словах, ср. *gud'fruktig/`gudfruktig* 'набожный';

г) глагольные синтагмы, ср. норв. диал. *gikk 'inn* 'вошел', *tar 'med* 'берет с собой' – норв.литер. *`gikk inn*, *`tar med* (см. СГГЯ: 188, Gårding 1978: 23), швед. *Lars 'Emil/`Lars Emil* (имя собст.), *bra 'nog/`bra nog* 'довольно хорошо' (см. Noreen 1907: 252).

В данной связи интересны показания информантов-носителей норвежского языка, которые в словах с акцентом I ставили ударение на первый слог, слова с акцентом II вызывали у них затруднение (см. Liberman 1982: 9). В целом исследователи сходятся на том, что в словах с акцентом II последний слог динамически выделен сильнее по сравнению с акцентом I.

1.3. В диалектах, сохраняющих моросчитание (см. примечание 1), привязка акцента к определенному слогу в исконно двусложных словах типа CVCV вызывает еще большие затруднения. В этих словах наблюдается особая акцентная структура – так

называемый «равновесомый» акцент (швед. *jämnaviktaccent*, англ. *level stress*). В словах CVCV оба слога характеризуются равным распределением интенсивности и тона. Данный тип представляет собой реликтовое явление (об исчезновении равновесомого акцента см. Novda 1954). Иногда он может сменяться конечным ударением (окситонезой), реже – начальным ударением (баритонезой). В норвежском говоре Вого (Vågå), наиболее архаичном из всех скандинавских континентальных диалектов, краткосложники имеют равновесомый акцент в изолированном положении и в срединной позиции во фразе (*ˈbæta* ‘кусать’), в начале фразы и при эмфазе слово, удлинняя первый слог, получает акцент II (*ˈbæ.ta*), перед паузой – акцент I на последнем слоге (*bæˈta*) (см. Christiansen 1954: 195). В ряде диалектов равновесомый акцент сменяется акцентом II с удлинением второго или обоих слогов, ср. туддал. *ˈskröve* < днорв. *skrifá* ‘писать’, *ˈbete* < *biti* ‘кусок’, весттелем. *ˈvi.ka* < днорв. *vika* ‘неделя’, *ˈve.ra* < *vera* ‘быть’, *ˈga.ma.le* < *gamlir* ‘старые’ при *gamall* ‘старый’ (примечание 2; см. Christiansen 1954: 196). Однако в отдельных случаях равновесомый акцент сохраняется даже при удлинении первого слога (см. Кузьменко 1991: 22).

1.4. Ударение можно трактовать, как характеристику, приписываемую одному из слогов слова, либо как характеристику, приписываемую целому слову. Акценты в шведском и норвежском описывались и как слоговые, и как словесные (см. обзор дискуссии в Кацнельсон 1966: 14–19, Кузьменко 1991: 37–39). Однако нетрудно заметить, что ударение выполняет как слововыделительную, так и слоговыделительную функции. Исключение из данного правила представляют так называемые энклиномены. Под понятием “энклиномен” понимаются схожие, но различные по своему содержанию сущности – просодически невыделенная словоформа (которая в позиции во фразе примыкает к тактовой группе ближайшей ортотонической формы, классический пример – энклиномены в праславянском, см. Дыбо 1981: 52) или словоформа без просодически выделенного слога [Циммерлинг 1999: 175–176]. Рассмотрим характер кульминативной функции каждого акцента. Акцент I выполняет обе функции. Наоборот, акцент II, несущий слововыделительную функцию, не позволяет нам однозначно определить привилегированный слог ввиду того, что последний (безударный) слог получает некоторое динамическое усиление.

Данная особенность характеризует акцент II во всех скандинавских диалектах, имеющих акценты (см. Liberman 1982: 193). Это подтверждается и чередованием акцента II с акцентом I на непервом слоге. Главной привилегией “ударного” (т.е. первого) слога в словах с акцентом II является долгота, что не позволяет нам отнести данный акцент к показателям энклиномичности. Однако в исконно двусложных словах, где долгота не установилась, налицо все признаки энклиномичности второго типа (см. Циммерлинг 1999: 175–176). Вопрос о соотношении обоих типов энклиноменов представляется достаточно сложным, однако их близость несомненна. Из приведенного выше описания акцентуации двухсложных краткосложников в говоре Вого следует, что наличие равновесного акцента в словах данного типа связано с фразовой безударностью, ср. также нотацию шведского диалектолога Л. Левандера *sumu 'karl* ‘тот же мужчина’, где слово с равновесным акцентом (*sumu*) не имеет значка фразового ударения (см. Кацнельсон 1966: 49). Заслуживает внимания и тот факт, что равновесный акцент зачастую реализуется как ровный низкий тон – такая же тональная характеристика была и у праславянских энклиноменов, состоявших из “низкотональных” морфем (см. Дыбо 1978: 57). Энклиномический характер равновесного акцента еще не изучен полностью, пока же мы можем констатировать, что энклиномичность является градуальной характеристикой, полюсами которой являются фразовая энклиномичность и слоговыделительный акцент ортотонических форм.

1.5. Акцентная система датского языка в целом очень сильно напоминает акцентуацию в шведском и норвежском. Аналогом акцента I в датском выступает толчок (дат. *stød*), противопоставленный своему отсутствию (см. СГГЯ: 193–200, Кацнельсон 1966: 116–137, Liberman 1982: 50–79, Кузьменко 1991: 73–79). Связь толчка с былым количеством слогов побудила ряд исследователей трактовать корреляцию толчка как просодию исконно односложных слов, превратившуюся в показатель слогаделения [Кузьменко 1991: 76, 205–207] или морфемного сандхи [Циммерлинг 1999: 177; Zimmerling 1999]. Данные концепции основаны на тезисе о том, что толчок, также как и акценты в шведском и норвежском, релевантен в двусложных словах, где его присутствие всегда соответствует былому количеству слогов. Однако попытки Ю.К.Кузьменко и

А.В.Циммерлинга найти общее синхронное правило дистрибуции толчка не учитывают главное отличие датской акцентуации от североскандинавской, которое заключается в том, что оппозиция толчок / отсутствие толчка не нейтрализуется в односложных словах, ср. *hun* 'собака' / *hun* 'она'. Основную массу односложных слов без толчка образуют бывшие краткосложные слова, ср. дат. *ven* 'друг' < ддат. *vinr*, *led* 'двор' < *hlið*. Как мы полагаем, подобная особенность датской акцентуации обусловлена тем, что корреляция контакта наступила еще до полного исчезновения краткосложности. Отсутствие толчка в неудлинившихся краткосложниках связано с тем, что минимальной единицей, способной нести ударение, являлся биморный базис: толчок, неразрывно связанный с ударением, не мог проявляться на базисе одноморном (см. примечание 3). Заметим, что присоединение суффиксированного артикля к словам этого класса вызывает в современном датском «пробуждение» толчка: *ven'en*, *led'et*. Этот факт может служить аргументом в пользу концепций Ю.К.Кузьменко и А.В.Циммерлинга, однако он не противоречит и диахронической трактовке, согласно которой толчок требовал базис, имеющий как минимум две моры. Исчезновение моросчитания превратило это правило из фонологического в морфонологическое, которое связано не столько с морфологическими или фонологическими реалиями, сколько с этимологическими характеристиками корневых морфем и правилами порождения акцентуации на поверхностном уровне.

Несмотря на то, что датский сохранил следы акцентной инертности старых краткосложников, не следует считать акцентуационную систему датского литературного языка архаичной. Помимо того, что датский относится к языкам с корреляцией контакта, просодия в датском в целом отражает не столько результат естественного развития языка, сколько продукт деятельности создателей литературной нормы. В монографии [Skautrup 1947] описывается ситуация фонологической амбивалентности долготы, явившейся результатом смешения в литературном языке XVI–XVII вв. различных диалектных норм, а также влияния книжного произношения, порождавшего гиперкорректные формы [с. 332–333]. Там же приводится сравнение литературной нормы, отраженной словарями Мота и Понтопидана, между которыми обнаруживаются существенные расхождения в акцентуации одних

и тех же слов. Эта тема обсуждается в статьях Циммерлинг 1997 и Циммерлинг 1999, где изучается амбивалентность долготы в датском в 17 веке. Стабилизация датской нормы, относящаяся к началу 18 века, явилась результатом деятельности грамматистов и распространения книгопечатания (см. Skautrup 1947: 320–321). Однако уже с 19 века датский литературный язык обнаруживает тенденцию к сокращению долгих гласных (примечание 4; см. Кузьменко 1991: 228, Brink-Lund 1975: 221). Наиболее подвержены сокращению базисы на $V + r, g, v, \delta$ (именно эти согласные больше всего стремятся к вокализации). Сокращение слога приводит к перемещению толчка на согласную, либо к его исчезновению, ср. *ha'v* 'море' > *hau*, но *li'v* 'жизнь' > *liu*'. При этом, заметим, датские лингвисты не отмечают никакого просодического различия между словами, обнаруживающими сокращение, и словами, сохраняющими долготу. Это говорит о том, что сокращение регулируется многочисленными сегментными факторами, частотностью слова и морфологическими аналогиями, иными словами, не является видоизменением какой-то языковой сущности, но порождается общей динамикой развития языка.

1.6. Недавно появилась гипотеза, в которой отстаивается другая точка зрения, а именно – связь новодатского сокращения долгот с индоевропейской акцентуацией. Ее автор – славист С.Л. Николаев – разбил датские односложные слова на два класса в зависимости от долготы/краткости корневой гласной: к первому классу были отнесены долговокалические слова, ко второму – «слова с сокращенным долгим гласным (и *stød*'ом на ауслатном сонанте) и с неудлиненными краткими гласными (первоначально без *stød*'а на ауслатном сонанте)» [Николаев 1993: 83]. При этом в первый класс ошибочно были включены слова *hjort* [*hjoRt*] 'олень', *sølv* [*sølv*] 'серебро' и *værk* [*værk*] 'дело, работа' [там же, с. 86–87], не имеющие ни толчка, ни долгого гласного. Автор на основании внешнего сравнения попытался доказать, что в первый класс входят слова, восходящие к индоевропейскому «высокотональному» классу, второй класс в датском отражает «низкотональный» класс. Однако, на наш взгляд, представленный С.Л.Николаевым материал недостаточен для подобных выводов. Больше всего сомнений вызывает второй просодический датский класс, где краткость зачастую обусловлена позднейшими процессами. Из него следует исключить примеры:

6. *sej* [sai'] 'вязкий, упругий', 7.–8. *høj* [høi'] 'высокий' и 'холм': на данных базисах еще в древнедатский период произошла вокализация *g*, приведшая впоследствии к дифтонгизации гласного, на дифтонгах же толчок может стоять только после глайда (см. Стеблин-Каменский 1953: 137, 140, Brøndum-Nielsen 1968: 210);

19. *tam* [tam'] 'ручной', 27. *dom* [dom'] 'приговор': в датском *m* удлинялось перед всеми гласными, кроме *i*, ср. *lim* > *li'm* 'клей', но *koma* > *komme* 'приходить' (см. Brøndum-Nielsen 1968: 375–379).

13. *byrd* [byr't] < ддат. *byrð* 'род, происхождение' и 20. *hjört* [jør't] < ддат. *hjord* 'олень' не являются непосредственными рефлексами соответствующих прагерманских архетипов: *ð* отпало в 15–16 вв., произношение на его месте [t] является книжным (см. Skautrup 1947: 184).

30. [tøń] и 31. [vań] – следует признать неоправданным использование примеров из южнонорвежского диалекта о. Рёме, в которых долгота/краткость корня определяется качественной структурой его древнедатского архетипа: Рёме *la-ń* < ддат. *land*, Рёме *tøń* < ддат. *tunnr*, о просодическом различии рефлексов *ld*, *nd* и *ll*, *nn* (< *ll*, *lp*; *nn*, *np*, *tn*) (см. Кацнельсон 1966: 149).

2. *led* [leð] 'путь', 3. *hud* [huð] 'кожа', 10. *hav* [hau] 'море', 13. *byrd* [byr't] 'происхождение', 21. *stød* [støð] 'толчок' – у этих слов из датского второго просодического класса была долгота на рубеже 19–20 вв.: *le'ð*, *hu'ð*, *ha'v*, *by'rt*, *stø'ð* (см. Wied 1898, Dahlerup 1919–1954).

Особо следует коснуться примера 1: *sted* [steð] 'направление, путь'. Как известно, непосредственным рефлексом древнедатского *staðr* является малоупотребительное слово *stad* [sta'ð]. Огласовка в *sted* обычно трактуется как результат аналогического влияния перегласованной формы мн.ч. от *staðr*, также отмечается возможность влияния западногерманских языков (см. Falk-Torp 1960: 1154), ср. дангл. *stede* 'место, устойчивость', дфриз. *stede* 'место', дсакс. *stad/stede* 'место', снем. *stat* 'место, город' / *stede* 'место, случай', свнем. *stat* 'место, город' / *stete* 'место' – ни в одном скандинавском языке, кроме датского, подобных дуплетов нет. Таким образом, мы вправе исключить пример 2: *sted* из рассмотрения из-за сомнений в его древнедатском происхождении и заменить его на исконно датское *stad*, которое сохраняет исконную просодию благодаря своей малоупотребительности.

В итоге во втором классе остается 11 примеров и 6 контр-примеров, которые следует отнести к первому классу. Если к этому прибавить 5 исключений на «низкотональные словоформы», то получается, что индоевропейский «низкотональный» класс поровну (11 на 11) распределяется по обоим просодическим классам в датском. Это заставляет нас скептически отнестись к теории С.Л.Николаева, однако следует признать, что с учетом последних достижений в сравнительно-исторической акцентологии разработка данного направления может способствовать уточнению акцентной природы таких процессов, как закон Вернера, закон Хольцманна, сокращение гласных перед сонантами по закону Дыбо и др. Попытки же связать с индоевропейской просодикой акцентуацию германских языков в более поздние эпохи выглядят малоубедительными.

2.1. Истории скандинавской акцентуации посвящено множество статей и монографий, см. обзор в Кацнельсон 1966, Liberman 1982. В монографии Кацнельсон 1966 представлен первый опыт реконструкции прагерманского ударения на базе акцентуационных систем северо- и западногерманских языков, а также ее индоевропейских истоков. С.Д.Кацнельсон, вслед за некоторыми диалектологами, отказался считать циркумфлекс в скандинавских говорах продуктом редукции на том основании, что данный акцент встречается и в исконно односложных, и в неапокопированных словах [там же, с. 103]. На этом основании автор отказался от трактовки правила былого количества слогов, определяющего акцентуацию в современных шведском и норвежском, как исконного. Кроме того, С.Д.Кацнельсон принял точку зрения шведского диалектолога Бенгта Хессельмана об обязательности факультативной апокопы для всех скандинавских языков в определенный период их истории, согласно которой одни диалекты выходили из состояния апокопы с апокопированными, другие – с неапокопированными формами [там же, с. 112–113]. По С.Д.Кацнельсону, именно факультативная апокопа и вызванные ею просодические изменения явились причиной появления правила зависимости акцентов с прежним количеством слогов, сами же акценты существовали и раньше. С.Д.Кацнельсоном реконструировалось 4 акцента, противопоставленных по признаку резкости/плавности и одно/двувершинности и проявляющих сильную зависимость от качества базиса, а также от

слоговой структуры слова. По С.Д.Кацнельсону, одновершинный акцент соответствует греко-индийской окситонезе, двувершинный – баритонезе [там же, с. 310, см. также с. 308]. Теория С.Д.Кацнельсона имела большое значение для отечественной германистики и компаративистики, стимулируя дальнейшие исследования скандинавской акцентуации. В работах Герценберг 1979 и Герценберг 1981 была сделана попытка соединить результаты реконструкций прагерманской (С.Д.Кацнельсон) и балто-славянской (В.А.Дыбо) акцентуационных систем. Однако основное препятствие для подобной реконструкции заключалось в том, что, по словам В.А.Дыбо, С.Д.Кацнельсон не смог составить списков праформ с реконструированной акцентуацией, из-за чего не было возможным проведение сравнения с данными балтийских и славянских языков и доказательство индоевропейского происхождения германских акцентов; теория Л.Г.Герценберга осталась чисто умозрительной. Несмотря на это, монография С.Д.Кацнельсона до сих пор сохраняет значение для германской акцентологии если не своими выводами, то подбором материала и проблемами, поставленными перед исследователями.

2.2. Упрек В.А.Дыбо приложим и к реконструкции последователя С.Д.Кацнельсона – А.С.Либермана, чья концепция изложена в Liberman 1982. Вслед за своим предшественником А.С.Либерман считал, что все скандинавские языки прошли через стадию факультативной апокопы, сами же акценты существовали и до нее. Для праскандинавского автор восстанавливает оппозицию толчок / отсутствие толчка, которая в ряде современных диалектов представлена оппозицией акцент I / акцент II, связь последних с былым количеством слогов является следствием факультативной апокопы. Концепция А.С.Либермана во многом схожа с теорией С.Д.Кацнельсона, однако в вопросе о моросчитании оба исследователя пришли к диаметрально противоположным выводам: если С.Д.Кацнельсон полностью отрицал существование моросчитания в современных германских диалектах, то А.С.Либерман пришел к противоположному выводу, зачислив в разряд моросчитающих датский. Однако то, что в датском не действовал закон метрического распушения ($CV:C = CVC: = CVCV$), препятствует отнесению датского к моросчитающим языкам, несмотря на то, что он благодаря корреляции толчка сохранил этимологическое противопо-

ставление просодии исконных долгих и кратких слогов в односложных словах. Как бы то ни было, автором не было представлено убедительных доказательств в пользу того, что толчок существовал в древнедатском и праскандинавском (А.С.Либерман не продолжил реконструкцию до прагерманского и протогерманского уровней, ограничившись скандинавским материалом).

2.3. В монографии Кузьменко 1991 изложена противоположная точка зрения. Две предыдущие реконструкции отвергаются автором на основании следующих соображений:

а) Неверно представление о том, что факультативная апокопа может смениться отсутствием апокопы: во всех исследованных диалектах факультативная апокопа сменяется обязательной, при этом апокопа является изменением грамматического порядка [Кузьменко 1991: 203–204, 210] (добавим, что веских доказательств существования факультативной апокопы во всех скандинавских диалектах так и не было представлено).

б) Циркумфлекс – вне зависимости от его дистрибуции – встречается только в апокопирующих говорах, в остальных акценты либо отсутствуют, либо в целом отражают бывшее количество слогов [там же, с. 146].

На этом основании автор присоединяется к точке зрения норвежского лингвиста Магне Офтедаля о появлении акцентных различий на большей территории Скандинавии в результате образования суффицированного артикля, прежде относившегося к тактовой группе следующего за ним прилагательного. Таким образом, фразовая акцентуация была интраполирована на словесный уровень, ср. дисл. *karl* || *inn gamli* ‘мужик тот старый’ > *karlinn gamli* ‘старый мужик (опр.)’. Еще одно важное преимущество концепции Ю.К.Кузьменко по сравнению со многими другими теориями заключается в учете архаичности/инновационности той или иной просодической системы и присущего ей типа сегментной просодики. Данный подход высветил существенный недостаток реконструкций С.Д.Кацнельсона, А.С.Либермана и С.Л.Николаева, которые в поисках реликтов прагерманской акцентуации обращались к данным датских, ютских и рейнско-франкских диалектов, представляющих совершенно новый просодический тип и относящихся к центру германского ареала, являющемуся ареной оживленных языковых контактов, что делает сомнительными поиски в языках данной зоны следов древних акцентов.

2.4. Моросчитающие говоры, просодика которых наиболее близка к древнему языковому состоянию, указывают на одну немаловажную черту прагерманского ударения, а именно – отсутствие резкого динамического выделения ударного слога, которое больше свойственно языкам со слоговым равновесием и корреляцией контакта.

Выше мы показали, что в исконно двусложных словах в шведском и норвежском слоговыделительная функция ударения выражена менее четко, чем в словах с акцентом I, восходящим к акцентуации односложных слов, где слово- и слоговыделительный акценты были сфокусированы на единственном слоге слова (см. примечание 5). На наш взгляд, это является причиной того, что акцент I всегда ассоциируется с резкостью в отличие от «плавного» акцента II (см. примечание 6). Это подтверждает, что резкое динамическое ударение в германских языках вопреки традиционной точке зрения носит инновационный характер и вызвано такими факторами, как долгота корня и/или редуцированность закорневой части слова. Таким образом, мы можем рассматривать плавность как основную характеристику словесного ударения в моросчитающих древнегерманских языках, что предполагает музыкальное, а не динамическое выделение ударного слогоносителя. Однако реконструкция конкретного облика прагерманского ударения затруднена тем, что в наиболее архаичных говорах либо наличествует редукция, либо существует равновесный акцент, который отсутствовал в древнюю эпоху, о чем свидетельствует редукция прасканд. им.п.**winir*, вин.п.**wini* > дисл. *vinr*, *vin* 'друг'. Ни в той, ни в другой группе не сохранились безударные долготы, что делает реконструкцию прагерманского ударения скорее делом умозаключений, основанных на типологических универсалиях, чем продуктом внутренней реконструкции с использованием собственно германского материала.

2.5. Отдельно следует коснуться отсутствия акцентов в исландском и фарерском языках, где появление суффиксированного артикля не привело к изменениям словесной просодии (см. примечание 7). Отчасти это может быть связано с тем, что удельный вес словоформ и синтагм, противопоставленных только своим акцентом, невысок из-за развитой флективной морфологии и свободного порядка слов. В шведском и норвежском можно выделить 4 основные группы, в которых противопоставляются акценты:

а) сильное склонение – слабое склонение, ср. швед. '*and-en* 'селезень (опр.)' – '*ande-n* 'дух (опр.)';

б) существительное – причастие, ср. швед. *'drag-et* 'черта (опр.)' – *'draget* ср. р. прич. II от *dra(ga)* 'тянуть';

в) глагол с предлогом – глагол с поствербом, ср. швед. *'ta på* 'коснуться' – *'ta på* 'положить';

г) сложное слово – генитивное определение, ср. швед. *en 'stor 'mansdräkt* 'большой мужской костюм' – *en 'stormans 'dräkt* 'костюм феодала'.

В исландском и фарерском аналогичные группы различаются своим морфологическим составом или порядком слов:

а) сильное склонение – слабое склонение, ср. исл. им.п. *sópur-inn* 'метла' – *sopi-nn* 'глоток', вин.п. *sóp-inn* – *sopa-nn*, им.п. *list-in* [*lɪstɪn*] (ж.р.) 'искусство' – *listi-nn* [*lɪstɪn*] (м.р.) 'планка', но вин.п. *list-ina* – *lista-nn*;

б) глагол с предлогом – глагол с поствербом, ср. исл. *koma af e-u* 'происходить из ч.-л.' – *koma e-u 'af* 'выполнить ч.-л.' (для шведского и норвежского более характерно контактное расположение глагола и постверба, см. Никуличева 1996: 21);

Примеров на группу (г) нет, поскольку генитивное определение в исландском стоит в постпозиции к определяемому слову, в фарерском генитив фактически отсутствует, вместо него употребляются предложные обороты, также стоящие в постпозиции (см. Берков 1996: 154, 227). Таким образом, остается группа (б), которая является слишком малочисленной, чтобы обеспечивать фонологическое противопоставление слов с разными акцентами. В отличие от островных исландского и фарерского, в континентальных скандинавских языках количество минимальных пар на противопоставление двух акцентов весьма внушительно: 300 пар в шведском [Elert 1972] и 2400 пар в норвежском [Jensen-Kloster 1958]. Это свидетельствует о том, что существование акцентных различий в Скандинавии не является просто реликтом, оставшимся от древней эпохи, но поддерживается такими факторами, как скудность флективной морфологии и жесткий порядок слов, что позволяет выполнять акцентам локальные смысловозначительные функции.

2.6. Как мы видим, связь грамматики и просодики в германских языках демонстрируется категориальным принципом постановки ударения, которое зависит от морфологической структуры слова и/или от грамматического разряда, к которому принадлежит слово (последний фактор релевантен для полиакцентных шведского и норвежского, а также для примыкающего к ним датского). Кате-

гориальный характер германского ударения прослеживается еще с прагерманского периода, когда сформировалось правило просодического приоритета корневой морфемы. Праславянский язык показывает противоположный принцип акцентной организации: каждой морфеме приписана определенная просодическая характеристика, не зависящая от семантики или синтактики морфемы (т. наз. парадигматический принцип) (см. Дыбо 1978: 56–57). Существующая в славянских языках тенденция к категориализации акцента и стабильность категориального принципа ударения в германских языках позволяет нам предположить, что категориальный принцип является универсальным и отражает морфологическую природу ударения. Более редкой является тенденция к переходу от категориального к парадигматическому принципу – этот процесс происходит вместе со становлением силлабоморфизма (Южная Дания, рейнско-франкские диалекты). В этих диалектах полная апокопа приводит к совпадению различных морфологических классов (напр., сильное и слабое склонение у имен), в результате чего появляются этимологические тональные различия, никак не определенные семантикой. В итоге мы можем констатировать, что в славянских и германских языках представлен весьма широкий спектр типологически возможных акцентуационных систем. Это делает сопоставление материала обеих групп важным для выяснения общих закономерностей эволюции тех или иных типов ударения и дальнейших разысканий в области истории индоевропейской акцентуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Перечислим основные просодические типы, выделенные в Кузьменко 1991:

Моросчитание – существуют долгие и краткие ударные слоги, слоговое деление не связано с количественной структурой слога, слова типа CVCV имеют открытый слог (см. с. 13-15, 30). Все древнегерманские языки были моросчитающими, однако сейчас моросчитание сохраняется лишь в наиболее архаичных диалектах Швеции и Норвегии, а также в швейцарских диалектах немецкого языка. Изохрония – все ударные слоги долгие. В словах типа CV:CV первый слог всегда открытый, в словах типа CVC:V слогораздел зависит от типа примыкания гласного к согласному и, согласно наиболее распространенной точке зрения, проходит посреди геминаты, (с. 35–36). Изохрония характерна для всех скандинавских языков, кроме датского, а также для ряда баварских и алеманнских диалектов. Корреляция контакта – различаются открытые и закрытые слоги, последние требуют краткости слогообразующего гласного. Одна из особенностей данного ти-

па – отсутствие геминат (за исключением морфемных швов, ср. англ. *penknife* [pen:aif] ‘перочинный нож’) (см. с. 59–64). Обычно выделяется 2 типа примыкания – плотный и свободный контакт. В датском корреляция контакта осложнена корреляцией толчка, что приводит к 4-членной схеме примыкания. Корреляция контакта отмечается как для датского, так и для всех западногерманских языков. Силлабоморфемность – совпадение слоговых и морфологических границ, апокопа безударных слогов, возникновение тональных различий, несущих грамматическую функцию. В данной связи весьма показательны высказывания датского диалектолога Б.Нильсена, который, описывая слогоделение в одном из ютландских диалектов, пишет, что « в безударных слогах нет слогоначальных согласных » (разрядка Ю.К.Кузьменко – А.М.), ср. *o-n-i*, дат. литер. *orne* [o-ne] ‘боров, кабан’ [там же, с. 119]. Такой тип сегментной просодики напоминает строение силлабемы в языках Юго-Восточной Азии. Ю.К.Кузьменко отмечает, что этот тип только начал оформляться в ютских, южнодатских и рейнско-франкских диалектах.

2. Удлинение двух слогов при утрате моросчитания достаточно редкое явление, однако оно также зафиксировано в древнееврейском: **dabaru* ‘слово’ > *da:’ba:r* (см. Дьяконов 1967: 376).

3. Равновесомый акцент свидетельствует о генерализации правила долготности ударного базиса, являясь, таким образом, побочным продуктом перехода от моросчитания к изохронии. Возможно, в датском и западногерманских языках, где слоговому равновесию не удалось закрепиться, данное правило не смогло генерализоваться. Это подтверждается материалом моросчитающих баварских говоров, где в словах типа CVCV нет равновесомого акцента, а конечный гласный редуцирован, (см. Кузьменко 1991: 28–29, 31). Здесь будет уместным предположение о том, что отсутствие правила двуморности ударного базиса благоприятствовало становлению корреляции контакта, и наоборот. Таким образом, линейный характер схемы моросчитания > изохрония > корреляция контакта должен быть пересмотрен.

4. Возможно, сокращение гласных в датском и общее сокращение геминат в «контактных» языках являются явлениями одного порядка, будучи вызванными стремлением к элиминации базисов, допускающих слогораздел внутри корня. Факт более быстрого сокращения согласных объясняется тем, что консонантная долгота несла менее значительную различительную нагрузку, чем долгота вокалическая.

5. Материал датского языка показывает, что только долготным односложникам был присущ подобный синкретический тип ударения. Степень ударности краткостных односложных словоформ нам не ясна. Следует отметить, что в прагерманском (до эпохи редукции) количество знаменательных односложных слов было ничтожно.

6. В данном случае фонетическая реализация достаточно буквальна: исконно односложная база удерживает ударение, будучи резко противопоставленной безударным слогам; база двусложная носит в себе отголосок просодического единства

7. Многие исследователи отмечали, что в фарерском наблюдается некоторая акцентная фигура, напоминающая акцент II. По нашим слуховым впечатлениям, данный «акцент» появляется перед паузой в утвердительных и вопросительных предложениях; сходство со шведским акцентом II имеет явный характер. Мы присоединяемся к выводу Бьёрна Хагстрёма о факультативном характере данной просодии [Hagström 1967: 46], но считаем, что ее изучение может оказаться важным для истории словесной и фразовой просодии скандинавских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В.П.* Современные германские языки. СПб., 1996.
- Герценберг Л.Г.* Реконструкция индоевропейских слоговых интонаций // Исследования в области сравнительной акцентологии индоевропейских языков. Л., 1979.
- Герценберг Л.Г.* Вопросы реконструкции индоевропейской просодии. Л., 1981.
- Дыбо В.А.* Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем // Конференция «Проблемы реконструкции» 23–25 октября 1978. Тезисы докладов. М., 1978.
- Дыбо В.А.* Славянская акцентология. М., 1981.
- Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Кацнельсон С.Д.* Сравнительная акцентология германских языков. Л., 1966.
- Клычков Г.С.* К типологии фонологических систем (исландский консонантизм и скандинавские тоны) // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
- Кузьменко Ю.К.* Фонологическая эволюция германских языков. Л., 1991.
- Мельников А.С.* Особенности становления изохронии в исландском // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997.
- Николаев С.Л.* Отражение германского ударения в датском // *Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. М., 1993.
- Никуличева Д.Б.* Характерологические расхождения между датским, шведским и норвежским языками в синтагматике группы глагола // Скандинавские языки. Вып. 3. М., 1996.
- СГГЯ – Сравнительная грамматика германских языков. Т. 2. М., 1962.
- Стеблин-Каменский М.И.* Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.
- Циммерлинг А.В.* Просодические противопоставления в истории датского языка // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997. *Циммерлинг А.В.* Между синхронией и диахронией // Проблемы фонетики. Вып. 3. М., 1999.

- Brink L., Lund J.* Dansk rigsmål. Lydudviklingen siden 1840 med særlig henblik på socialekten i København. Bd. 1, 2. København, 1975.
- Brøndum-Nielsen J.* Gammeldansk grammatik. 1. Inledning. Tekstkildernes lydbetegnelse. Vokalisme. København, 1950.
- Brøndum-Nielsen J.* Gammeldansk grammatik. 2. Konsonantisme. København, 1968.
- Christiansen H.* Norske dialekter, H. 3. Oslo, 1948.
- Dahlerup V.* Ordbog over det Danske sprog. København, 1919-1954.
- Elert C.C.* Tonality in Swedish: rules and a list of minimal pairs // *Studies for Einar Haugen.* The Hague-Paris, 1972.
- Engstrand O.* Phonetic Interpretation of the Word Accent Contrast in Swedish // *Phonetica.* V. 52 N 3.
- Falk H.S., Torp A.* Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. Oslo-Bergen-Heidelberg, 1960.
- Gårding E.* The Scandinavian word accents. Lund, 1978.
- Hagström B.* Ändelsevokalerna i färöiskan. En fonetisk-fonologisk studie // *Stockholm studies in Scandinavian Philology. New Series 6.* (Doctor-savhandling) Stockholm, 1967.
- Hovda P.* Ymist kring jamvektlovi // *Maal og minne.* Oslo, 1954.
- Jensen M.Kloster.* Bokmålets tonelagspar ("Vippere") // *Universitet i Bergen. Årbok 1958.* N.2. Bergen, 1959.
- Liberman A.S.* Germanic Accentology. I. The Scandinavian Languages. Minneapolis, 1982.
- Noreen A.* Vårt språk. Bd. 2. Lund, 1907.
- Schmidt H.* 'Salat oder Sa'lat? Gegensätzliche Betonungstendenzen in der deutschen Literatursprache // *Sprachpflege,* 1981, 30. Jg., N. 10. Leipzig, 1981
- Skautrup P.* Det Danske sprogs historie. Bd. 2. København, 1947.
- Wied K.* Dänische Konversations-Grammatik. Heidelberg, 1898.
- Zimmerling A.V.* Prosodiske forhold i Nørrejylland // *Folkmålsstudier.* N39. Åbo, 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

весттелем. – диалект Весттелемала, Норвегия	дшвед. – древнешведский
дангл. – древнеанглийский	исл. – исландский
дат. – датский	норв. – норвежский
двнем. – древневерхне немецкий	ншвед. – новошведский
ддат. – древнедатский	прасканд. – праскандинавский
дисл. – древнеисландский	свнем. – средневерхне немецкий
днорв. – древненорвежский	сннем. – средненижне немецкий
дсакс. – древнесаксонский	туддал. – диалект Туддала, Норвегия
дфриз. – древнефризский	швед. – шведский

Принципы анализа текста. Теория речевых актов

И.Ю. Мосолова

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОМПЛИМЕНТА В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Для того чтобы определить, по отношению к каким речевым актам во французском языке используется слово *compliment*, мы обращаемся к анализу определений этого слова в лексикографических изданиях. Такой анализ должен был бы определить в первую очередь, какие структуры знания стоят во французском языке за указанным словом. С этой целью в настоящей статье мы проводим последовательное сопоставление тех дефиниций комплимента, которые даются в лучших словарях современного французского языка. Таких словарей мы проанализировали 18. Среди них такие известные лексикографические издания как Dictionnaire de l'Académie française (DAF), Dictionnaire de la langue française de Paule Emile Littré (PEL) и пр. (см. список условных сокращений в конце статьи).

Исследуя эти словари, мы учитывали, что DAF – один из самых авторитетных французских словарей, представляющий исчерпывающее лексикографическое описание языка. В основу данного словаря положена общеупотребительная нормативная лексика, отражающая современное состояние словарного состава французского языка. Настоящий словарь является плодом научных изысканий членов Французской Академии.

Описание словарных статей, приводимых PEL, во многом повторяет академический словарь. В свою очередь, отправным моментом при определении лексических единиц GRLF послужили идеи, нашедшие свое отражение в вышеназванном словаре. Таким образом, перечисленные словари, хотя и повторяют частично друг друга, все же не являются тождественными (особенно это заметно в иллюстративной части словарей).

Не менее значимыми являются NDPQ, TLF, GDLF, а также серия словарей Larousse, продолжающие в своих основных чертах

традиции академической лексикографии. Перечисленные словари представляют филологическое толкование слова. В словарных статьях различные оттенки значений и особенности употребления слова иллюстрируются примерами из художественной литературы. Наряду с толкованиями рассматриваемые лексикографические издания приводят и другие характеристики слов: его произношение, данные о происхождении (этимологии) слова и о его сочетаемости. Словари GLLF, NPR, помимо сведений об основном корпусе значений слова *compliment*, приводят при его трактовке ряд синонимов, отражающих более полную картину семантики слова. Другие лексикографические издания – PR1 и GRLF – наряду с синонимами, вслед за различными толкованиями, помещают в словарную статью и его антонимы. Видимо, составители вышеназванных словарей полагают, что значение слова глубже раскрывается при выявлении его значений посредством антонимов.

Настоящие словари представляют интерес для специалистов-филологов, преподавателей французского языка, переводчиков, а также для всех тех, кто изучает французский язык, кого интересует французская культура. В однотоминых словарях, конечно, приводятся более краткие варианты словарных дефиниций. Однако это не препятствует представлению в них главных значений, закрепленных за той или иной лексической единицей. Такого вида словари рассчитаны на более широкий круг читателей, на старшеклассников, студентов и всех тех, кто изучает французский язык в качестве родного или иностранного.

Особенной представляется трактовка словарных статей, предлагаемых в DFCL. Указанное лексикографическое издание включает устаревшую «книжную» лексику, то есть слова, которые не исчезли из современного языка, но значение которых изменилось с течением времени. Словарь служит справочным пособием и позволяет читателю полностью проникнуть в атмосферу классических произведений XVII века.

Рассмотрев общую характеристику словарей, перейдем непосредственно к описанию в них исследуемой нами лексемы, то есть слова *compliment*.

Описание комплимента во многих словарях начинается с указания на то, что это слово было заимствовано из испанского языка в 1604 году, где выражение *cumplir con alguien* первоначально озна-

чало 'быть вежливым по отношению к кому-либо' [GRLF 1986: 762]. Другие словари указывают на связь слова с итальянским *complimento*, где это слово означало 'поступок, проявление почтения' [(DAF 1992: 442] и было связано с латинским глаголом *complere* 'выполнять, исполнять' [TLF 1977: 1184].

Проанализировав 18 авторитетных французских словарей, мы можем констатировать, что различные лексикографические издания фиксируют разные структуры знания, поскольку значение слова подается здесь с различной степенью детализации. В связи с этим можно отметить разное количество интерпретаций комплимента (от 3 до 7).

В качестве первых значений обычно указывается, что комплимент – это "хвалебные слова, адресованные кому-либо, чтобы поздравить за какие-либо заслуги или достижения" [GLLF 1986: 837].

В проанализированных нами словарях для трактовки комплимента наиболее употребительным являлся оборот *дружеские, сердечные, любезные слова (paroles d'amitié, d'affection)*, в котором за словами *paroles de...* следует некое уточнение. Из этого вытекает, что многие словари перечисляют не столько отдельные собственные значения слова, сколько его использование и сочетаемость в различных конструкциях. Дефиниция с оборотом *paroles de...* повторяется в 14 из 18 словарей. Сравним также эти дефиниции с теми, в которых истолкование слова начинается с именной группы *petit discours* (небольшой отрезок речи). Таким образом трактуется комплимент в 15 словарей из 18.

В качестве второго значения слова указывается его участие в разных формулах вежливости и ритуально-этикетных высказываниях. Однако нельзя забывать о том, что трактовки комплимента, даваемые в лексикографических изданиях, неоспоримо свидетельствуют о том, что хотя речевой акт комплимента (то есть комплиментарные высказывания, выражения и формула с этим словом и т.п.) имеет прямое и непосредственное отношение к объективации концептов вежливости, учтивости, одобрения, похвалы и т.д., само слово *compliments* отнюдь не означает вежливость, учтивость и пр.; нельзя фразу типа *Вежливость не составляла его сильной стороны* или *Его старомодная учтивость поражала меня* и т.д. **перевести** с помощью указанного слова (как и фразы типа *Мне было дорого его одобрение* и пр.)

Раскрывая более подробно формулу вежливости, закрепленную оборотом *Mes compliments*, лексикографы обращают внимание на то, что подобная конструкция может употребляться не только для выражения комплимента как такового, но и для выражения соболезнования, утешения, чтобы успокоить собеседника, придать ему чувство уверенности, жизненной силы, необходимости и значимости в глазах других, заверить в своей любви. Такая дефиниция зафиксирована пятью словарями.

Довольно часто слово *compliment* используется также для передачи приветствия отсутствующему лицу. Так, предложение *Vous ferez mes compliments à vos parents quand vous les verrez* следует понимать как *Передайте привет вашим родителям, когда их увидите*. Однако следует сказать, что такое использование не всегда фиксируется лексикографами: подобную трактовку исследуемой нами лексемы мы находим в восьми словарях. В этих словарях приветствия, наряду с соболезнованиями, считаются определенной ритуально-этикетной формулой. Употребление слова *compliment* трактуется здесь как соответствующее принятой манере поведения, правилам вежливого обхождения с людьми и т.д.

Поскольку указанные значения входят в разряд классических определений комплимента, из этого следует, что многие словари описывают не столько отдельные значения слова, сколько использование этой лексемы в составе этикетных формул. Примечательной особенностью представления слова *compliment* во французском языке является указание на его вхождение в небольшие отрезки речи («*petit discours*»), выражающие похвальные или сердечные слова, которые адресуют кому-либо по случаю Нового года, дня рождения, торжественных и благоприятных обстоятельств в его жизни. На основании этого мы можем сделать вывод о том, что французский комплимент, как и комплимент английский, в отличие от русского, употребляется в гораздо большем количестве реальных ситуаций. Французский комплимент в этом отношении отчасти совпадает с английским в возможности передачи приветствия (*My compliments!*), но английские комплиментарные высказывания отличаются от французских невозможностью выразить таким образом соболезнования.

Еще одно значение, которое закреплено за дефиницией слова, – это ‘напрасные, пустые слова’ (то есть как бы скрывающие мысль и

истинное намерение говорящего). Характерной чертой таких комплиментов является их двусмысленность. Именно на основе такого значения в понятии комплимента появляются впоследствии вторичные значения (ничего не значащие комплименты). Эта особенность комплимента как в содержательном, так и в формальном планах, представляет интерес в аспекте систематизации его разновидностей и выявления характерных способов их выражения.

Лексикографы не случайно трактуют поэтому некоторые комплименты как «неприятные слова, даже оскорбительные» [GRLF 1986: 762]. В данном определении авторы словаря тонко подмечают связь комплимента с отступлением от истины. Заметим далее, что во французском языке при определении семантики комплимента в четырех словарях содержится также прямое указание на концепт лести, а, значит, и неискренности произнесенных слов. И все же из анализа словарей вытекает, что во французской культуре комплимент связан, прежде всего, с высказываниями похвалы и одобрения.

Почти во всех многотомных лексикографических изданиях указывается, что комплимент реализуется также в иронических высказываниях, характерными чертами которых является их двусмысленность. На наш взгляд, к ироническим замечаниям часто прибегают в ситуации насмешки и упрёка, в случае совершения ошибки или оплошности. Видимо, только благодаря использованию иронических выражений коммуниканты избегают прямого конфликта в межличностном общении.

Приведенные определения являются самыми распространенными, фиксирующими достаточно подробно разные значения исследуемого нами понятия. Однако, несмотря на это, следует подчеркнуть, что некоторые словари варьируют саму исходную дефиницию слова. Так, например, особая трактовка слова *compliment* приводится в PEL. В нем лексикографы подходят к рассмотрению данной лексической единицы с позиций социально-статусных ролей говорящих, дефинируя комплимент как «торжественную речь, обращенную к личности, наделенной властью» [PEL 1994: 1050]. Следовательно, согласно такому пониманию, комплимент применим в ситуации, когда адресант ниже адресата по своей социальной иерархии.

Примечательно указание еще на одно дополнительное значение у исследуемого нами понятия: 'краткая речь, произнесенная в конце

ужина или собрания' [DAF 1992: 442]. Очевидно, данная интерпретация дает основание понимать комплимент и как речевой акт благодарности.

Любопытно отметить, что только GDLF включает в семантическую структуру использование комплимента в качестве речевого акта одобрения, подтверждающего хорошее мнение об адресате.

Анализируя небольшие словари, где, по мнению авторов, отражены лишь самые главные значения изучаемого нами слова, мы обнаружили, что в них учитываются, прежде всего, речевые акты похвалы (реже лести), поздравления, этикетные формы вежливости. Не менее важна характеристика комплимента как небольшого отрезка речи, адресованного кому-то по случаю праздника или какой-либо годовщины [PLI 1989: 240].

В целом же при определении слова *compliment* мы встречаем в разных лексикографических изданиях указания на 10 различных его характеристик, среди которых встречается похвала, одобрение, вежливость, любезность, соболезнование, приветствие, лесть, поздравление, ирония, благодарность.

В результате анализа французских лексикографических изданий мы приходим к выводу о том, что слово *compliment* участвует в **разных** речевых актах (начиная, действительно, от актов похвалы и лести до приветствия и соболезнования). Само произнесение комплимента отражает особую манеру этикетного поведения и характеризуется довольно большим количеством различных ситуаций с разным их реальным содержанием. Сюда относятся как акты похвалы и лести, так и другие церемониальные акты. Таким образом, ясно, что сами комплиментарные высказывания входят, по сути дела, в разные речевые акты и связываются с разными иллокутивными силами высказывания. По этой причине само понятие комплиментарного акта может приобретать более широкое или узкое значение.

Остановимся еще раз на общих итогах наблюдений за словарными данными, представленными нами в виде специальной таблицы 1. Имеющиеся в словарях дефиниции здесь сведены к 28 случаям. В левой части таблицы приведены значения формул/обороты/клише, строящихся с помощью слова *compliment*, и их русский перевод/аналог. В правой части указано количество словарей, фиксирующих то или иное толкование комплимента как речевого акта с той или иной иллокутивной силой.

Таблица 1

Formule de politesse – ‘формула вежливости’	8
Parole de politesse – ‘слова вежливости’	5
Politesse – ‘вежливость’	1
Échange de politesse – ‘обмен любезностями’	1
Expression de politesse figée – ‘устойчивое выражение вежливости’	1
	16
Parole de civilité – ‘слова вежливости’	7
Formule de civilité – ‘формулы вежливости’	2
Civilités – ‘выражения вежливости’	1
Terme de civilité – ‘выражение вежливости’	1
	11
Cérémonies – ‘церемонии’	5
Paroles cérémonieuses – ‘церемониальные слова’	1
À l’occasion d’une cérémonie officielle – ‘по случаю какой-либо официальной церемонии’	1
	7
Façons – ‘церемонии’	2
Manières – ‘манеры’	2
	37
Féliciter – ‘поздравить’	9
Félicitation – ‘поздравление’	5
À l’occasion d’une fête – ‘по случаю праздника’	4
Pour sa fête (ou au premier jour de l’an) – ‘по случаю праздника или Нового года’	2
Paroles de félicitations – ‘слова поздравления’	1
À l’occasion d’un anniversaire – ‘по случаю годовщины или дня рождения’	1
Petit discours qu’on adresse à une personne dans une circonstance solennelle ou heureuse de sa vie – ‘краткая речь, адресованная лицу, при торжественных или радостных обстоятельствах его жизни’	3
	25
Parole louangeuse – ‘хвалебные слова’	8
Parole élogieuse – ‘похвальные слова’	4
Éloges – ‘похвала’	4
Petit discours élogieux – ‘краткая похвальная речь’	1
Louanges – ‘похвала’	1
Louer – ‘хвалить’	1
On veut louer – ‘хотят похвалить’	1
	20
Ironie (reproche) – ‘ирония (упрек)’	10
Sans compliment – ‘без комплиментов’	7
Point de compliment – ‘без комплиментов’	2
	9

Compliment de condoléances – ‘комплимент-соболезнование’	4
Condoléances – ‘соболезнования’	1
Paroles de condoléances – ‘слова соболезнования’	1
	6
Se rappeler au souvenir de qn – ‘напомнить о себе кому-то’	4
Salutation – ‘приветствие’	1
	5
Parole flatteuse – ‘льстивые слова’	3
Flatterie – ‘лесть’	1
	4
Salut des artistes – ‘приветствие артистам’	2
Allocution à la fin d’un repas ou dans une réunion – ‘краткая речь, произнесенная в конце ужина или какого-либо собрания’	1
	3
Paroles affectueuses – ‘сердечные, ласковые слова’	2
Petit discours affectueux – ‘краткая сердечная речь’	1
Paroles d’affection – ‘нежные слова’	1
	4
Paroles obligeantes – ‘любезные слова’	3
Exprimer la bonne opinion – ‘выразить хорошее мнение’	1
Approuver – ‘одобрить’	1
Donner son approbation – ‘выразить свое одобрение’	1
	3
On veut complimenter – ‘хотят сделать комплимент’	3
Paroles vaines – ‘пустые слова’	2
Paroles desobligeantes – ‘нелюбезные, неприятные слова’	2
Vaines promesses – ‘напрасные обещания’	1
Paroles d’amitié – ‘дружеские слова’	1
Parole aimable – ‘любезные, приятные слова’	1
Parole agréable – ‘приятные слова’	1
L’estime – ‘уважение’	1
Faire plaisir – ‘доставить удовольствие’	1
Faire honneur – ‘оказать честь’	1
Discours solennel adressé à une personne revêtue d’une autorité – ‘торжественная речь, адресованная лицу наделенной властью’	1
Compliment de roi (qui ne plaît qu’ à celui qui le fait) – ‘комплимент, который нравится только тому, кто его делает’	1

Выборка по 18 словарям французского языка позволила выявить следующую частотность значений, присущую слову *compliment*, которую мы отразили в этой таблице.

Однако, при всем том, что словари предлагают почти три десятка случаев разной его интерпретации, на самом деле их анализ, сводит, конечно, такой разброс в представлении семантики слова к гораздо меньшему числу случаев.

Как показывают данные, приведенные в таблице, в 34 случаях при характеристике комплимента центральным является фактически категория вежливости; здесь в основе речевого акта лежат ритуально-этикетные формулы. В качестве средств выражения вежливости, содержащих ритуально-этикетные формулы, лексикографы используют, как свидетельствует таблица, сочетания: *parole de politesse* (5), *formule de politesse* (8), *échange de politesse* (1), *expression de politesse figée* (1), *politesse* (1); *civilité* (1), *parole de civilité* (7), *formule de civilité* (2), *terme de civilité* (1).

Другим способом подачи этого же значения (вежливости) являются указание на принятые культурные нормы: *cérémonie* (5), *paroles cérémonieuses* (1), *à l'occasion d'une cérémonie officielle* (1), в основе которых лежит та же ритуально-этикетная формула. Объяснение подобного рода интерпретаций комплимента, как представляется, связано со спецификой культуры общения: строгое следование правилам поведения, принятым в светском обществе, и соблюдение субординации во взаимоотношениях.

Указание на категорию вежливости отмечено и в таких ключевых понятиях, как *façons*, *manières*, что, правда, свойственно скорее произведениям классической литературы XVII века, где комплимент связан с особым стилем речи и выражает, прежде всего, куртуазное, рыцарское отношение мужчин к женскому полу.

Важно отметить, что наличие в словарных статьях таких вербальных средств выражения, как *paroles de...*, *formule de...*, *terme de...*, *expression de...*, *petit discours...* и т.п., непосредственно свидетельствует о том, что сам комплимент означает, прежде всего, высказывание (*énonciation*) определенного мнения (чаще всего – положительного, одобрительного и т.п.) о ком-либо, и именно в этом заключается смысл комплиментарного акта. А связанность такого акта с произнесением слов или «маленьких отрезков речи» равносильна признанию комплимента как речевого акта, выражающего мнение/оценку одного человека другим и служащего выражению этой оценки.

Вторым по частотности значением, закрепленным за французским словом *compliment*, является указание на другой речевой акт

(речевую ситуацию) – поздравление (*félicitation*). Данное явление имеет место в 22 случаях, что тоже сближает эти речевые акты с этикетными.

Далее из словарей следует, что комплимент употребляется часто в ситуации похвалы (20 случаев), когда у адресата отмечаются положительные качества, способности, а также его заслуги, достижения.

Высокой частотностью отличается также комплимент с интенциональной направленностью иронии (упрека), которая возникает в результате выражения адресантом иронического отношения к адресату. В этом значении комплимент, сохранив свою конвенциональную форму, приобретает значение скрытого упрека или тонкой насмешки над собеседником. Подобные высказывания зафиксированы в десяти случаях.

В девяти случаях отмечается использование комплимента в составе наречного (обстоятельственного) оборота *sans compliment, point de compliment*. Очевидно, такое клише следует понимать как указание со стороны слушающего на просьбу не говорить комплименты, то есть запрет адресата на осуществление комплиментарного акта.

Далее по частотности следует выражение комплимента в ситуации соболезнования (*compliment de condoléances*). Подобное понимание комплимента встретилось в шести толкованиях. Соболезнование представляет собой определенный социальный ритуал, суть которого состоит в том, что говорящий посредством речевых актов сочувствия, утешения передает понимание глубокого горя, невосполнимой утраты собеседника, а также готовность скорбеть вместе с ним. Ритуал соболезнования заключается в произнесении определенных слов в определенных обстоятельствах и в отношении определенного адресата, то есть адресанту необходимо знать где, когда, кому и что нужно сказать, чтобы сказанное было воспринято как готовность вместе с ним разделить несчастье. Однако, хотя в словарях не отмечается, что эта трактовка в настоящее время устарела, современные носители языка воспринимают ее как утратившую свое значение и даже странную.

В пяти лексико-семантических вариантах комплимент выступает как акт передачи приветствия, поклонов (*salutation*) третьему (отсутствующему) лицу.

Всего в четырех словарях мы встречаем указание на лесть (*flatterie*). Данный факт еще раз свидетельствует о том, что все же

французскому комплименту свойственна не только положительная коннотация.

Еще одним лексико-семантическим вариантом выражения вежливости, хотя в гораздо меньшем количестве, является употребление комплимента в регламентированных нормой ситуациях: 1) приветствия артистам цирка после исполнения ими номера (*salut des artistes de cirque après leurs exercices*); 2) краткой речи, произнесенной в конце ужина или какого-либо собрания (*allocution à la fin d'un repas ou dans une réunion*). Очевидно, подобные значения комплимента имплицитно усложненный речевой акт благодарности и одобрения.

В словарях PLI, GLLF, DU, NDPQ, DAF при описании семантики исследуемого слова лексикографы рассматривают комплимент как *paroles, petit discours* ('слова, небольшой отрезок речи') в сочетании с качественными прилагательными положительной оценки *affectueuses* ('сердечные, ласковые') – 4 значения, *obligeantes* ('любезные') – 3 значения и, реже, абстрактным существительным *affection* – 1 значение.

В двух лексикографических изданиях мы замечаем связь комплимента с речевым актом одобрения, положительной оценки. Подтверждением этого служат следующие глагольные сочетания: *exprimer la bonne opinion, donner son approbation* и глагол *approuver*.

Фокусирование внимания составителей словарей на речевой акт комплимента нами выявлено в трех толкованиях, где ведущим является непосредственно сам акт, обозначаемый глаголом *complimenter*.

В двух случаях авторы словарей используют при трактовке французского комплимента характеристики значения, содержащие отрицательную коннотацию: *paroles désobligeantes* ('нелюбезные, неприятные слова'), *paroles vaines* ('пустые слова') или *vaines promesses* ('напрасные обещания') – 1 случай.

Различные толковые словари варьируют в деталях своих описаний семантики комплимента, приводя для подтверждения выделенных значений самые разнообразные эпитеты: *paroles d'amitié* ('дружеские слова') – 1 случай, *parole aimable* ('любезные, приятные слова') – 1, *parole agréable* ('приятные слова') – 1, *estime* ('уважение') – 1, *faire plaisir* ('доставить удовольствие') – 1, *faire honneur* ('оказать честь') – 1, *discours solennel adressé à une personne*

revêtue d'une autorité ('торжественная речь, адресованная лицу наделенной властью') – 1, *compliment qui ne plaît qu' à celui qui le fait* ('комплимент, который нравится только тому, кто его делает') – 1.

Итак, широкая гамма трактовок, даваемых французскому комплименту, объясняется, на наш взгляд, тем, что исследуемый речевой акт в общей классификации речевых актов относится к группе экспрессивов: чем больше эмоций, тем больше набор речевых актов и, соответственно, разнообразнее средства их выражения.

Если таблица 1 отражает способы лексикографического представления и описания слова *compliment*, то на другом уровне абстракции можно свести эти данные в таблицу 2, которая показывает, что исследуемое нами слово участвует в построении разных речевых актов с различными иллокутивными силами.

Таблица 2

Концепты похвалы и одобрения
Parole louangeuse
On veut louer
Louanges
Parole élogieuse
Éloges
Petit discours élogieux
Exprimer la bonne opinion
Approuver
Donner son approbation
On veut complimenter
Концепт вежливости
Politesse
Parole de politesse
Formule de politesse
Échanges de politesse
Expression de politesse figée
Civilités
Parole de civilité
Formule de civilité
Terme de civilité
Paroles affectueuses
Petit discours affectueux
Paroles d'affection
Paroles obligeantes
Paroles d'amitié

Parole aimable
Parole agréable
L'estime
Faire plaisir
Faire honneur
Концепт лестн
Flatterie
Parole flatteuse
Концепт поздравления
Féliciter
Félicitation
À l'occasion d'une fête
Pour sa fête (ou au premier jour de l'an)
Paroles de félicitations
À l'occasion d'un anniversaire
Petit discours qu'on adresse à une personne dans une circonstance solennelle ou heureuse de sa vie
Концепт приветствия
Se rappeler au souvenir de qn
Salutation
Концепт благодарности
Salut des artistes
Allocution à la fin d'un repas ou dans une réunion
Концепт соболезнования
Condoléances
Paroles de condoléances
Compliment de condoléances

Таблица 2 демонстрирует семь основных концептов, лежащих в дефинициях слова *compliment*: похвалы и одобрения, вежливости (любезности и учтивости), лестн, поздравления, приветствия, благодарности и соболезнования.

Главным (прототипическим) значением комплимента оказываются концепты похвалы и одобрения, связанные с оценочным отношением говорящего к результатам деятельности, поступкам, поведению, характеру и внешности и, соответственно, содержащие положительную оценку всего этого: действий, привычек, поведения, а также свойств, качеств отдельных предметов и вещей. Значения концептов похвалы и одобрения подтверждаются участием таких дефиниций, как *parole louangeuse (élogieuse)*, *louanges*, *éloges*, *approuver*, *donner son approbation* и т.д., которые иллюстрируют различные оттенки похвалы и одобрения.

Вторая группа значений, закрепленных за этим словом, представлена концептами вежливости (любезности и учтивости): *politesse, civilités, parole de politesse (de civilité), formule de politesse (de civilité), échanges de politesse, paroles affectueuses, paroles obligeantes, faire honneur* и т.д., что свидетельствует о значении уважительного отношения к адресанту и одновременно выступает как средство самопрезентации адресанта. В принципе, иногда очень трудно отличить вежливость, учтивость и любезность от похвалы и одобрения, что позволяет изучать комплименты одного речевого порядка.

Часто при определении слова *compliment* составители словарей наделяют его атрибутами *paroles d'affection, d'amitié, parole aimable, agréable*, указывающими на разные оттенки значений сердечных, любезных, дружеских или приятных слов, что также сближает их с концептами похвалы и одобрения. Рассмотрение этих атрибутов еще раз фактически подтверждает нам то, что главная цель комплимента на самом деле состоит в том, чтобы сделать приятное адресату, доставить ему удовольствие (*faire plaisir*), радость и вызвать тем самым расположение к самому себе, чтобы в конце концов воздействовать на него и добиться определенной реакции у того, кому он адресован.

При рассмотрении концептов похвалы, одобрения и вежливости необходимо отметить и тот факт, что хотя вежливость и учтивость не тождественны полностью похвале или одобрению, они достаточно близки друг к другу, чтобы относить их к одному и тому же акту, поэтому следует признавать их в качестве отдельных его разновидностей.

Возможной целью комплимента оказывается также концепт лести, то есть чрезмерное и неискреннее восхваление, отклонение от истины. В этом случае происходит некоторое отступление от прототипического значения комплимента, заключающегося в похвале. На это указывает обращение составителей словарей к таким толкованиям, как *flatterie, parole flatteuse*. Однако интересно заметить, что эти слова могут пониматься не только как лесть, льстивые слова, но и содержать в своей семантике различные оттенки похвалы, восхваления, одобрения. В этом случае атрибутивное словосочетание *parole flatteuse* получает значение 'лестные, приятные, одобрительные слова', что сближает их по семантике с первой группой – *louanges, éloges, parole louangeuse (élogieuse)*.

В отдельную группу мы выделяем комплименты с интенциональной направленностью поздравления, а также указания на разные обстоятельства (сирконстанты) произнесения комплимента: à l'occasion d'une fête и пр. Эти обстоятельства (сирконстанты) позволяют выделить в данной группе комплиментов две разновидности поздравлений:

1) поздравления, относящиеся непосредственно к адресату, либо связанные с личными его праздниками, например, по поводу дня рождения (*pour sa fête, à l'occasion d'un anniversaire*), либо другими радостными событиями, происходящими в его жизни (*petit discours qu'on adresse à une personne dans une circonstance solennelle ou heureuse de sa vie*);

2) опосредованные поздравления, то есть поздравления с официальными праздниками, например, с Новым годом (*au premier jour de l'an*).

Семантическая группа приветствия указывается лексикографами как *salutation, se rappeler au souvenir de qn*. Очевидно, что целеполагание такого комплиментарного высказывания состоит в передаче приветствия, напоминания о себе.

В отдельную группу мы выделяем комплименты, определяемые как приветствия артистам цирка после исполнения ими номера (*salut des artistes de cirque après leur exercice*) или как краткая речь, произнесенная в конце ужина или какого-либо собрания (*allocution à la fin d'un repas ou dans une réunion*). Хотя лексикографы не трактуют их как благодарность, на наш взгляд, интенция подобных комплиментов состоит именно в благодарности.

В особую группу у нас выделено также участие слова в выражениях соболезнований (*condoléances, parole de condoléances, compliment de condoléances*). Употребление подобных оборотов регламентируется, прежде всего, ритуалами, традициями, народными обычаями, закрепленными в определенном языковом обществе.

Поскольку многочисленные значения, почерпнутые из различных лексикографических источников, могут быть сведены к вышеперечисленным концептам, то, анализируя их, мы приходим к выводу о том, что все значения, закрепленные за словом *compliment* можно разделить на 2 группы: в первой группе слово объясняется при помощи устоявшихся сочетаний, то есть готовых единиц с четко детерминированными оборотами: *parole de..., formule de..., ex-*

pression de..., terme de..., à l'occasion de..., petit discours, входящих в состав воспроизводимой (клишированной) лексики и соответствующих модели французского культурного поведения, которая определилась данным обществом; во втором случае слово истолковывается посредством свободных конструкций (например, при выражении значения благодарности: *allocution à la fin d'un repas ou dans une réunion*).

Важно отметить, что уже самим лексикографическим изданиям при определении слова характерно противопоставление соответствующих им устойчивых или же свободных словосочетаний.

Наряду с рассматриваемыми выше концептами словари предсказывают некоторые нестандартные значения употребления слова *compliment*, которые имеют к нему лишь косвенное отношение. Это относится, прежде всего, к ироническим или негативным значениям комплимента. Эти значения представлены нами в таблице 3.

Таблица 3

Ирония
Ironie (reproche)
Нормы этикета
Cérémonies
Paroles cérémonieuses
À l'occasion d'une cérémonie officielle
Façons
Manières
Аспекты речевого этикета
Paroles désobligeantes
Paroles vaines
Vaines promesses
Discours solennel adressé à une personne revêtue d'une autorité
Compliment de roi
Варианты речевого этикета со знаком «-»
Sans compliment
Point de compliment

Приведенные нами таблицы свидетельствуют о том, что комплиментарные акты могут выражать довольно широкий диапазон значений, поэтому узкое определение комплиментов не исключает возможности выделить и описать разные их разновидности и типы.

Из указанных в таблицах 1 и 2 значений мы считаем принадлежащими речевому акту комплимента значения похвалы, одобрения,

вежливости, лести, поздравления, приветствия, благодарности, включая, таким образом, из рассмотрения значение соболезнования.

Проведенный анализ лексикографических источников дает возможность непосредственно выделить те речевые акты, которыми мы будем заниматься в дальнейшем (похвала, лесть, вежливость).

СЛОВАРИ

(принятые сокращения)

- DAF – Dictionnaire de l'Académie française. Neuvième édition. Tome 1 (A-Enz). Paris, 1992.
- DFC – Dictionnaire du français contemporain par Jean Dubois, René Lagane, Georges Niobey, Didier Casalis, Jacqueline Casalis, Henri Meschonnic. Manuel et travaux pratiques pour l'enseignement de la langue française. Paris, 1971.
- DFC1 – Dictionnaire du français classique par Jean Dubois, Réne Lagane, Alain Lerond. Larousse, 1989.
- DFM – Dictionnaire du français moderne par Maurice Remy. Hatier, 1969.
- DU – Dictionnaire Universel sous la responsabilité de Mireille Maurin. Hachette, 1993.
- GDEL – Grand dictionnaire encyclopédique Larousse. 10 volumes en couleurs. Tome 3. Librairie Larousse, 1982.
- GDLF – LOGOS Grand dictionnaire de la langue française par Jean Girodet. Bordas, 1976.
- GL – Grand Larousse en 5 volumes. Tome 2 (Chondrifé – fougère). Librairie Larousse. Paris Cedex, 06. 1987.
- GLLF – Grand Larousse de la langue française en sept volumes (sous la direction de Louis Guilbert, René Lagane, Georges Niobey). Tome 2 (Cir-Ery). Librairie Larousse, 1986.
- GRLF – Le Grand Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française de Paule Robert. Deuxième édition entièrement revue et enrichie par Alain Rey. Tome 2 (Bip-Cout). Dictionnaires Le Robert. Paris, 1986.
- L – Larousse. Trois volumes en couleurs. Tome 1. Librairie Larousse. Paris, 1965.
- NDPQ – Nouveau dictionnaire pratique Quillet. 8 volumes. Tome 1 (A-Des). Librairie aristide quillet. Paris, 1974.
- NPR – Le nouveau petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition du petit Robert de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Dictionnaires Le Robert. Paris, 2000.
- PEL – Paul-Emile Littré. Dictionnaire de la langue française. Tome 1. Edité par Encyclopaedia Britannica Inc., Chicago. Imprimerie RR Donnelley and Sons Company, Chicago Juillet 1994.

- PLI – Petit Larousse illustré. Librairie Larousse 1989 (8).
PR1 – Le petit Robert 1 par Paul Robert. Dictionnaire alphabétique et analogue de la langue française. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Le Robert, Paris–XI-e. 1992.
RPT – Le Robert pour tous. Dictionnaires Le Robert. – Paris, 1994.
TLF – Trésor de la langue française (dictionnaire de la langue française du XIX et du XX siècle 1789-1960 publié sous la direction de Paul IMBS de l'Institut. Tome 5. Editions du Centre National de la Recherche Scientifique. Paris 7-e. 1977 (6).

П.А. Репина

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕДОГОВОРЕННОСТЬ В ДИАЛОГАХ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО¹

Неопределенность – характерная черта русского языка, проявляющаяся в наличии большого количества неопределенных местоимений, концептов «неопределенной» семантики, распространенности грамматических структур, выражающих неопределенность значения – таких, как неопределенно-личные и безличные предложения и т.п. В принципе характерные для русского языка, эти черты особенно явно проявляются в переломные периоды истории народа. Время, в которое жил и творил Достоевский, было периодом после крестьянской реформы, когда происходило становления нового общества. В такие периоды на первый план в языке выходят неопределенные концепты, слова, связанные с проблемами веры, безверия, слова, выражающие полагание, убеждения, хаос, беспорядок. Все эти явления нашли отражение в идиостиле Ф.М.Достоевского, наряду с тягой к обобщению (частое употребление *все* и *всё*) и некоторыми другими.

Для устной речи вообще, а, следовательно, и для имитируемой устной речи в художественном диалоге, характерна некоторая недосказанность, проявляющаяся в опущении слов, пропусках, компенсируемых знанием ситуации речи, общим фоном знаний собеседников, интонацией, жестами и мимикой. Достоевский использу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-0400213а.

ет все эти приемы и еще более усиливает их привнесением неопределенности в смысл реплик своих героев. Неопределенность необходимо отличать от недоговоренности. Первая, как неоднократно отмечает Н.Д.Арутюнова, характеризуется «размытостью» референции, когда автор не прямо указывает на предмет, а лишь намекает на потенциально возможный денотат, при этом иногда даже в деталях описывая его качества и свойства. Неопределенностью такого рода обладают слова широкого семантического поля – такие, как *вещь, дело, штука, загадка, глупости* и др., а также неопределенные местоимения. В зависимости от контекста эти слова приобретают различные значения. Например: ... *в последней фразе Смердякова заключался какой-то обидный смысл. Он хотел было уже вернуться, но это только мелькнуло, и проговорив: «Глупости!» – он поскорее пошел из больницы <...> Ему поскорее хотелось как бы что-то забыть* (подчеркнуто мной – П.Р.) [Достоевский, Т. 15, с. 47]. В данном случае мы можем говорить именно о неопределенности, а не о недоговоренности, потому что о том, какой именно обидный смысл заключался в последней фразе Смердякова, что Иван назвал «глупостями» и что он «как бы» пытался забыть – обо всем этом уже было сказано в предыдущем повествовании; приведенный отрывок лишь обобщение, но обобщение намеренно неопределенное, сделанное, как надо полагать, для того, чтобы читатель сам имел возможность для собственных выводов, а не просто слепо следовал авторской точке зрения на описываемые события.

Недоговоренность в отличие от неопределенности касается степени «выраженности» мысли. Достоевский отмечал, что всякую мысль лучше не доводить до конца, т.к. полная «высказанность» искажает суть идеи. Близкую к этому, но все же несколько иную по форме мысль высказывает один из героев Достоевского – Долгорукий в романе «Подросток»: *...кажется, ни на одном европейском языке не пишется так трудно, как на русском. Я перечел теперь то, что сейчас написал, и вижу, что я гораздо умнее написанного. Как это выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается? Я это не раз замечал за собой и в моих словесных отношениях с людьми за весь этот последний роковой год и много мучился этим* [Достоевский, Т. 12, с. 5]; схожая идея звучит из уст князя Мышкина, когда он говорит, что, несмотря на то, что исповедь Ипполита содержит много *смешных сторон*,

мысль, вас подвигшая, имела непременно благородное основание, что бы там ни казалось [Достоевский, Т. 9, с. 205].

Таким образом, приверженцем приема недоговоренности является не только сам писатель, но и его герои, хотя надо отметить, что в приведенных примерах герои не намеренно пользуются этим приемом, это выходит само собой, и результат удивляет их и окружающих. Разница заключается в том, что если для писателя это действительно художественный прием, один из способов выражения мысли, используемый намеренно, то для его героев, неискушенных «литераторов», это скорее неумение выразиться, скорее не способ достижения цели, а ее «недостижение». Естественно, что неопределенность и недоговоренность в тексте практически не существуют друг без друга, переплетаются и, кроме того (как уже было видно из первого примера), зачастую употребляются со словами, обозначающими внезапность, неожиданность. Неопределенность, однако, несколько уходит на второй план в текстах более позднего периода творчества Достоевского (в письмах к Грановскому, написанных после «Пушкинской речи»), где текст становится более эксплицитным, где, как сам автор подчеркивает, он «хочет высказаться весь».

В научной литературе уже не раз обсуждался вопрос об особенностях речи героев Достоевского. Некоторые авторы настаивают на том, что персонажи Достоевского говорят на одном и том же языке, практически лишенном каких бы то ни было характеристик, и являются выразителями авторской позиции. Другие возражают первым и приводят массу примеров обратного. Е.И. Иванчикова отмечает даже, что «начиная с 20-х годов XX в. вопрос о языке персонажей Достоевского становится в какой-то степени предметом специального внимания филологов» [Иванчикова 1996: 90–97]. В данной статье мы не ставим задачи исследования индивидуальных особенностей речи отдельных его героев, а хотим показать, что семантика неопределенности присутствует на разных уровнях художественного пространства и характерна как для диалогической речи персонажей, так и для монологической авторской речи Рассказчика (которую при широком рассмотрении вопроса можно считать лишь условно монологической, так как вопреки определению монолога она имеет адресата – читателя). При этом отметим, что авторская речь в романе – это речь именно Рассказчика, существующего, как

и остальные персонажи, в рамках художественного мира отдельно-го художественного произведения. Таким образом, авторская речь Достоевского в письмах не равна авторской речи в романе, т.к. там повествование ведется от лица рассказчика (как, например, в «Братьях Карамазовых»).

В качестве материала исследования мы используем некоторые фрагменты из романов Достоевского. Из романа «Бесы» избираются диалоги Ставрогина и Тихона, Ставрогина и Кириллова, Ставрогина и Шатова, где широко используется прием недоговоренности, когда партнеры общаются с помощью намеков, и читатель вовлекается в эту таинственную игру недовыраженных смыслов. Исключительный интерес для анализа представляют диалоги Ивана с чертом и со Смердяковым в «Братьях Карамазовых», где автору посредством формы речи удалось передать раздвоение, диалогичность на первый взгляд кажущегося монологическим потока сознания человека.

В романе «Бесы» в диалоге Кириллова и Ставрогина используется множество номинативных конструкций, бытийных предложений, которые, как отмечает Н.Д. Арутюнова, очень характерны для русской речи вообще [Арутюнова 1976]. На национальную специфику обобщенно-личных и неопределенно-личных предложений указывал А.М. Пешковский, характеризуя эти формы как выразители «двух особых форм мышления говорящего по-русски» [Пешковский 1956: 375]. Приведем примеры.

Выражение просьбы: *Часов в девять утра вы у него* вместо, к примеру, *зайдите к нему часов в девять утра; Оружие, конечно, пистолеты* вместо *приготовьте оружие...*; конструкция вопроса акцентирует внимание на состоянии: *Вы еще в тех же мыслях?* вместо: *Вы еще думаете об этом?* В последнем примере, кроме прочего, интересно отметить, что Ставрогин умалчивает о том, что является предметом его вопроса (*в тех же мыслях* = решение о самоубийстве). Слова автора еще раз указывают на «непрямоту» вопроса: *спросил Ставрогин после минутного молчания и с некоторой осторожностью* [Достоевский, Т. 10, с. 187]. Интонация, с которой был задан вопрос, говорит больше чем семантика слов вопроса: Кириллов *тот час же по голосу* угадал, что имел в виду Ставрогин, и, также предпочитая не пользоваться прямыми определениями, отвечает: *В тех же* [там же].

Затронута сокровенная тема, и разговор приобретает еще более неопределенный, абстрактный характер: *Это не от меня, как знаете, когда скажут, – пробормотал он <Кириллов> [там же]. Не от меня – пропущен глагол *зависит*; неопределенно личное *когда скажут* указывают на субъект, известный обоим собеседникам и читателю, это – кружок Петра Верховенского, но оттого, что герои не хотят прямо называть его своим именем (или не знают, как определить его), он обрастает тенью загадочности и таинственности. И даже отвлекаясь от главной темы разговора, Кириллов многие слова не договаривает, пропускает: *Старухина свекровь приехала; нет сноха... все равно. Три дня. Лежит больная с ребенком; по ночам кричит очень, живот. Мать спит, а старуха приносит; я мячом. Мяч из Гамбурга. Я в Гамбурге купил, чтобы бросать и ловить: укрепляет спину. Девочка* [там же]. Мысли Кириллова глубоки, скрыты и трудно выразимы, поэтому речь его сильно привязана к контексту, ее практически нельзя понять в изолированном виде. Бессвязный характер мыслей героя подчеркнут «неправильным» синтаксисом: отсутствие внутренних и межфразовых связей, пропуски предиката (*я мячом* = я развлекаю девочку игрой с мячом), непоследовательность в повествовании (последнее предложение *Девочка* относится к началу фразы, но синтаксически это никак не показано, о правильном отношении можно догадаться лишь по семантике).*

Очень часто герои Достоевского цитируют Апокалипсис, Священное писание, обсуждают свое понимание этих текстов. Вообще вопрос веры/безверия – один из ключевых в творчестве писателя. Эта тема волнует не только главных выразителей религиозной мысли – таких, как Тихон, Алеша, князь Мышкин, но и очевидных безбожников – Федора Павловича, Ставрогина, а также и тех, кто только ищет истину в Боге и Бога в себе: Дмитрия Карамазова, Шатова. Впрочем, к «ищущим» можно причислить и Настасью Филипповну, и Подростка, и Ставрогина, и даже Алешу. Религиозный фанатизм пугает Достоевского, может быть, более полного атеизма, его позиция – это путь исканий, а не твердого, ни на чем не основанного убеждения. Именно процесс искания и особенно обретения интересует писателя, период, когда человек стоит на распутье, когда он только учится находить свое собственное понимание добра и зла.

В диалогах героев Достоевского много противоречивых мыслей, понять которые можно только в контексте всего произведения и

даже не только всего текста романа, но в совокупности рассмотрения других текстов и произведений искусства (например, картин, увиденных писателем и оставивших глубокое впечатление в его душе), на которые ссылается автор и которые упоминает он и его герои. Подробно о связи текстов Достоевского и использовании в них прямых и косвенных цитат из Священного писания пишет современная итальянская исследователь-русист Симонетта Сальвестрони [Сальвестрони 2001].

Порой подтекст реплики, сказанной одним из собеседников, может быть непонятен его партнеру, для которого, таким образом, эта часть информации остается закрытой. Однако и в этом случае ничто не включается автором бессмысленно в канву повествования, и скрытый от других персонажей смысл открывается для читателя, воздействует на него. Здесь мы наглядно видим другой коммуникативный уровень: автор – читатель. Приведем подобный пример: в разговоре Кириллова со Ставрогиным, когда первый говорит что жизнь – это счастье и все, что в ней происходит, тоже счастье, Ставрогин задает вопрос Кириллову: – *А кто с голоду умрет, а кто обидит и обесчестит девочку – это хорошо?* [Достоевский, Т. 10, с. 189]. Кириллов отвечает на этот вопрос, не улавливая его скрытого подтекста, так как он не может знать, что Ставрогин, в данном случае, спрашивает о себе, ведь в его жизни был момент совращения им маленькой Матрешки. Тот же подтекст есть в диалоге Шатова со Ставрогиным, только выражается он уже совсем в другой форме: если перед Кирилловым Ставрогин первым готов осудить себя, то перед почти прямо заданным вопросом Шатова Ставрогин врет, и эта ложь ему противна: <...> *А правда ли, что вы, – злобно ухмыльнулся он <Шатов>, – правда ли, что вы принадлежали в Петербурге к скотскому сладострастному секретному обществу? Правда ли, что маркиз де Сад мог бы у вас поучиться? Правда ли, что заманивали и совращали детей?* <...> – *Я <...> детей не обижал, – произнес Ставрогин, но только после слишком долгого молчания. Он побледнел, и глаза его вспыхнули* [Достоевский, Т. 10, с. 201]. Интересно и то, что и для читателя эта информация пока не открыта, но, как уже подчеркивалось, в тексте нет ничего лишнего, все подчинено продуманной авторской установке, и внимательный читатель, замечая эти слова, в конце романа находит объяснение этому скрытому вопросу о казни Ставрогина над самим собой и поиске оправдания перед самим собой – глава «У Тихона» дает ответ.

Внимание к деталям – одна из главных черт художественного стиля Достоевского. Из-за обилия чрезвычайно мелких деталей трудно при первом знакомстве с текстом понять общий замысел автора, но уже при повторном чтении все незначительные и кажущиеся до этого ненужными подробности встают на свои места и создают полную живую картину действия. Обилие деталей в текстах Достоевского отмечают многие исследователи. Примечательно при этом, что детальное описание предмета парадоксальным образом сочетается с неопределенностью описывающих его эпитетов и сравнений, например, описывая разговор Ивана со Смердяковым, Достоевский пишет: *... презрительно усмехнулся Смердяков и вдруг опять, оборотя лицо к Ивану, уставился на него с каким-то иступленно-ненавистным взглядом, тем самым взглядом, каким глядел на него в то свидание, месяц назад* (подчеркнуто мной – П.Р.) [Достоевский, Т. 15, с. 58]. Не желая давать конкретное определение взгляду Смердякова, Достоевский, тем не менее, хочет заставить читателя более ярко представить затаенный смысл, скрытый в этом взгляде, и для этого прибегает к сравнению, указывает на тайну взгляда, предлагая читателю разгадать ее самому.

Вообще говоря, для Достоевского характерно описание неопределенного понятия через сравнение его со сходным, которое, однако, также получает неопределенную характеристику. Так, чтобы читатель мог представить характер тоски, испытываемой Иваном после произошедшего убийства его отца, автор сравнивает ее с раздражением, которое испытывает человек, когда ему мешает посторонняя, незначительная вещь, пользуясь при этом неопределенными местоимениями и конструкциями: *где-то какое-то существо или предмет; какая-нибудь вещь; стояло и торчало; существо или предмет; торчит что-нибудь иногда перед глазом; наконец-то догадаешься отстранить негодный предмет*. Определенность ситуации наступает внезапно: *... и вдруг, <...>, взглянув на ворота, <Иван> разом догадался о том, что его так мучило и тревожило* (подчеркнуто мной – П.Р.) [Достоевский, Т. 15, с. 242]. Абзац заканчивается без объяснения, что же именно понял Иван, начинается новый абзац, который, на первый взгляд, просто описывает обстановку происходящего: на лавочке у дома сидит лакей Смердяков, Иван подходит к дому. И только теперь, дав читателю возможность самому понять догадку Ивана (а ведь можно было просто поставить

знак двоеточия вместо смены абзацев), автор уже открыто говорит, что *Иван Федорович с первого взгляда на него понял, что и в душе его сидел лакей Смердяков и что именно этого-то человека и не может вынести его душа. Все вдруг озарилось и стало ясно* (подчеркнуто мной – П.Р.) [Достоевский, Т. 15, с. 242].

Как отмечает М.М.Бахтин [Бахтин 1972] в работе «Диалог у Достоевского», свое высшее развитие мастерство писателя в построении художественного диалога получает в романе «Братья Карамазовы» в диалогах Ивана с чертом. Противоречий и противоположных намеков много и в диалогах Ивана со Смердяковым, где, как пишет Бахтин, голос Ивана разделяется на два, каждый из которых поочередно говорит со Смердяковым, но лишь в диалоге с чертом эта раздвоенность приобретает наиболее очевидный и законченный характер. Здесь два противоположных «голоса» Ивана ведут диалог между собой, это диалог внутри одной личности.

Интересный парадокс, связанный с мифом о том, что обилие знаков неопределенности удлинняет текст, отмечает Н.Д.Арутюнова в статье «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира»: говоря о любви Достоевского к употреблению неопределенных местоимений, автор подчеркивает, что «потерянный смысл, скрытый за неопределенными местоимениями, не может быть выражен четко и однозначно: он максимально отдален от предметной реальности. Он лежит на окраине семантического поля. Его экспликация могла бы повлечь обращение к тропам, перифразам, описанию, то есть существенно растянула бы текст. Таким образом, удлинняя текст, неопределенные местоимения *какой-то* и *как-то* в то же время сокращают его потенциальный вариант» [Арутюнова 1996: 65]. То же можно сказать и о других способах выражения неопределенности и недоговоренности: всякого рода опущениях слов, незаконченности фраз, двойных смыслах – экспликация этих мест текста потребовала бы гораздо более длинного текста, нежели оригинальный. Как далее пишет Н.Д.Арутюнова, «внутренняя незаполненность (неконкретизированность) – характерная черта текста Достоевского. Он апеллирует к слушающему, приглашает его к независимому расследованию» [Арутюнова 1996: 65]. Такая «незаполненность» текста предполагает большую глубину содержания, читатель становится почти соавтором, принимает активную роль в достраивании смыслов.

Недоговоренность присутствует в разговоре Тихона со Ставрогиним («Бесы»). Когда речь заходит о Шатове, Тихон произносит слова: *...Я, впрочем, знаю господина Шатова, но давно уже не видал его* [Достоевский, Т. 11, с. 8], на что Ставрогин отвечает молчанием. Для читателя это молчание значимо, так как уже известно, что Шатов убит, а Ставрогин знает это, известно, что Ставрогин предвидел это убийство, не хотел его, предупреждал Шатова об опасности, но все же не сделал все возможное для предотвращения этого преступления. В начале диалога Ставрогина с Тихоном несколько раз повторяется неопределенное замечание о том, что Тихон славился прозорливостью, даром предвидения. Читателю остается только строить предположения, о чем догадывается Тихон в этот момент. В таком же положении оставляет автор и своего героя: Ставрогин не вполне верит в дар предвидения Тихона, но все же сомневается и как будто хочет его испытать. *Ему [Ставрогину] с чего-то показалось, что Тихон уже знает, зачем он пришел, уже предупрежден (хотя в целом мире никто не мог знать этой причины)...* и далее: *Я решительно не знаю, зачем я пришел сюда? – брезгливо произнес он [Ставрогин], смотря прямо в глаза Тихону, будто ожидая от него ответа* [Достоевский, Т. 11, с. 8]; в черновом варианте эта глава выглядит более эксплицитно: *Я думал, что вы мне что-нибудь в самом деле скажете, для того и пришел, – проговорил он вполголоса, как бы сдерживаясь из всех сил.... – А вы наверно знали, что я с чем-то пришел? – Угадал по лицу, – прошептал Тихон* [Достоевский, Т. 11, с. 8].

Особенностью речи многих персонажей Достоевского является периодическое использование табу. В каждом его романе обязательно присутствует тема или персонаж, имя которого герои избегают произносить: в «Преступлении и наказании» Раскольников называет убийство *происшествием*, в «Идиоте» Аглая, Лизавета Прокофьевна и некоторые другие говорят о Настасье Филипповне как об *этой женщине*, подросток иногда называет Версилова *этот человек*, Иван Карамазов не произносит слово *черт*, говорит о нем лишь с помощью указательных местоимений. Примечательно, что в каждом из случаев табуированный персонаж или запретная тема являются ключевыми в сюжетной линии, и даже табуированное имя черта в этом ряду – не исключение, ведь суть этой фигуры – Иван, но лишь с обратной, теневой, плохой своей стороны. Конечно, Иван

не может называть черта своим именем, когда говорит о нем (*Это он сказал*), так как боится, что его сочтут сумасшедшим. В каждом из этих случаев – тайный смысл, иногда презрение или, наоборот, преувеличенное почтение, но всегда присутствует страх произнести настоящее имя. То, что такие замены не являются простыми анафорическими/катафорическими заменами, подтверждает и тот факт, что при обычной анафорической или катафорической замене элемент с отсылающим значением всегда линейно следует за/предшествует (соответственно) полнозначному слову, тогда как в нашем случае табу используется в независимых позициях: – *Этот забежал ко мне четыре раза...* (из речи Шатова; *этот* = Петр Верховенский) (подчеркнуто мной – П.Р.) [Достоевский, Т. 10, с. 191]. При этом отметим, что как бы в подтверждение независимости позиции автора и его «надтекстовости» в авторской речи табу не встречается.

Используя прием недоговоренности, Достоевский хочет, чтобы в нем читатель угадал то, что он хочет сказать, причем игра заключается в том, что намек на скрытые смыслы осуществляется через противоположные утверждения. Высказывая «маскирующую» мысль, автор подводит к истинной. Явное негодование автора проskalьзывает в ироничных строках, посвященных описанию Тоцкого, его образа жизни, мыслей:

О сожительстве с шестнадцатилетней Настасьей: ... *он как-то особенно полюбил эту глухую, степную деревеньку <...> прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно* [Достоевский, Т. 9, с.].

О старании Тоцкого понять чувства и мысли поруганной Настасьи Филипповны: ... *очевидно, <...> подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, – что-то вроде какого-то романтического негодования бог знает на кого и за что, какого-то ненасытимого чувства презрения, совершенно выскочившего из мерки, одним словом, что-то в высшей степени смешное и недозволенное в порядочном обществе и с чем встречаться для всякого порядочного человека составляет чистейшее божие наказание* [там же].

О помышлениях Тоцкого убить Настасью Филипповну: *Разумеется, с богатством и со связями Тоцкого можно было тотчас же сделать какое-нибудь маленькое и совершенно невинное злодейство, чтоб избавиться от неприятности* [там же].

Называя убийство хоть и *злодейством*, но *невинным*, совращение девочки *изящным* и т.п., автор говорит от имени героя, это элементы не собственной его речи, причем из уст автора они исходят с нескрываемым оттенком презрения и негодования.

На первый взгляд многие высказывания и поступки героев Достоевского выглядят противоречивыми. Таков, например, характер Аглаи, которая, не желая открыто выражать свои чувства, а если и делает это, поддавшись порыву, то своей прямоотой приводит всех в замешательство, да и сама жалеет об этом. Однако это противоречие кажущееся. Как мы уже отмечали, видимые на первый взгляд противоречия или неясность в высказываниях объясняются по мере развития сюжета, каждая деталь «встает на свое место» и играет маленькую или большую, но всегда важную роль в повествовании, в достраивании целостной картины происходящего.

Недоговоренность присутствует в речи автора и в речи персонажей, они взаимодействуют, сливаются. Так, перед описанием покушения Рогожина на жизнь князя приводится череда обрывающихся, лихорадочных мыслей князя, читателю дается понять, что Мышкина в тот момент мучило страшное предчувствие, но в чем оно состояло, чего он так боялся и о чем не хотел и запрещал себе думать, не объяснено ни в речи автора, ни в речи самого князя, который до конца романа так ни разу и не назовет это происшествие (покушение на его жизнь) своим именем: *Или, в самом деле, было что-то такое в Рогожине, то есть в целом сегодняшнем образе этого человека, во всей совокупности его слов, движений, поступков, взглядов, что могло оправдать ужасные предчувствия князя и возмущающие нашептывания его демона? Нечто такое, что видится само собой, но что трудно анализировать и рассказать, невозможно оправдать достаточными причинами, но что, однако же, производит, несмотря на всю эту трудность и невозможность, совершенно цельное и неотразимое впечатление, невольное переходящее в полнейшее убеждение?..* [Достоевский, Т. 9, с.].

Необходимо заметить, что восприятие неопределенности текста читателем не однозначно. С одной стороны, такой текст гораздо труднее для обработки, так как чем больше имплицитной информации скрыто «между строк», тем большую работу приходится выполнять читателю для вычленения этой информации. С другой стороны, вложение собственного труда в достраивание текста при его

восприятию означает большую ценность данного текста для его получателя. Другими словами, читатель становится в некоторой степени соавтором текста, а слишком легкий для восприятия текст менее интересен читателю.

Диалоги в текстах романов затянуты, снабжены подробными авторскими комментариями, переходят в повествование. На тему, обсуждаемую в диалогах персонажей, определенным образом влияет ситуация, в которой происходит тот или иной диалог. Можно условно разделить эти ситуации на активные / вовлеченные и пассивные / отвлеченные. Активная ситуация входит в диалог, так, например, реплика Мышкина на лестнице в гостинице *Парфён, не верю!* [Достоевский, Т. 9, с. 189] является следствием активной ситуации, которая и влияет на произносимую ее участником реплику; а рассказ Мышкина о его жизни в Швейцарии, детях, казни – пример пассивной, отвлеченной ситуации, когда идет отстраненное повествование, действие описываемое при этом непосредственно не наблюдается. Однако такая отвлеченная ситуация может включать в себя элементы активной, вовлеченной. Так, в той же обстановке князь, заканчивая свой рассказ, вглядывается в своих собеседниц, «читает по лицам» и дает каждой характеристику.

В романах Достоевского встречается не только так называемый «натуральный» диалог, происходящий между персонажами, но и «внутренний» диалог, содержащийся в речи автора или повествователя. Пример такого монолога с элементами диалога можно найти в исповеди Ставрогина, монологах Мышкина, Лебедева, генерала Иволгина, речи Подростка, авторском повествовании. Так, Ставрогин сам себе задает вопрос: *Это ли называется угрызением совести или раскаянием? Не знаю и не мог бы сказать до сих пор. Мне, может быть, не омерзительно даже доселе воспоминание о самом поступке. Может быть, это воспоминание включает в себя даже и теперь нечто для страстей моих приятное* [Достоевский, Т. 11, с. 22]. Происходит так называемая «диалогизация» внутренней речи, когда монологическое повествование прерывается вставными репликами типа: *Не так ли?, Не правда?*. Наглядное применение этого приема – гл. 9 романа «Братья Карамазовы», где Иван разговаривает сам с собой, выбирая в собеседники черта. Здесь Достоевскому удается не только показать, что естественные проявления человеческой личности порой не зависят от его ума и воли, но и при-

вести диалог между противоположными проявлениями этой личности. Диалог выбран в качестве формы повествования для того, чтобы подчеркнуть противоречивость мыслей Ивана, его внутренний конфликт, борьбу, которая происходит внутри него.

Вообще говоря, затронутая в статье тема – одна из глобальных в исследовании творчества Достоевского. Прием недоговоренности и неопределенности в диалоге Достоевского имеет важное значение с точки зрения донесения авторского замысла до читателя. Прежде всего их использование связано с тематикой произведений: затрагиваемые темы глубоко психологичны, зачастую их предмет скрыт в подсознании, они трудноопределимы. Достоевский заставляет читателя вырабатывать свое отношение к героям и событиям в процессе чтения. Не желая навязывать свое мнение, дозвель над читателем, автор старается не упустить ни одной детали в описании ситуации, при этом как можно менее заметно давая оценку этой ситуации. Изучение недоговоренности, недовысказанности может дать ответ на вопрос о причинах актуальности произведений Достоевского на протяжении стольких лет после его написания. Ведь его современность – это не только актуальная тематика, но и возможность для читателя сотворчества в процессе чтения. У каждого читателя «свой» Достоевский, более того, образ его может меняться с повторным прочтением. Восприятие его романа или рассказа – живой, активный процесс, каждый раз раскрашивающий новыми тонами красок уже известную картину, заставляющий обдумывать старую проблему по-новому.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
Иванчикова Е.А. Как говорят герои Достоевского // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
Сальвестрони С. Библийские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итал. СПб., 2001.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л., 1972–1990.

ЗАГОЛОВОК В МАКРОСТРУКТУРЕ ИНТЕРВЬЮ (на материале журнала “Spiegel”)

Согласно известной когнитивной модели обработки дискурса Т.А. ван Дейка, разные типы текстов имеют свою собственную «суперструктуру», или жанровую схему [Ван Дейк 2000:130–312]. Схематические суперструктуры организуют семантические макроструктуры и задают общую форму дискурсу, представляя, таким образом, единство формы и содержания. В свою очередь, семантические макроструктуры характеризуют тематическое содержание текста, его глобальную связность. Они выражаются непосредственно в самом дискурсе, т. е. в заголовках, в предложениях и словах, выражающих тему, или в резюме. Применительно к жанру интервью это означает, что единицы семантического уровня текста определенным образом организованы по схеме заголовков – подзаголовков – основная вопросно-ответная часть – концовка в виде заключительной реплики. Дополнительными компонентами макроструктуры могут быть такие структуры, как выделенные реплики и комментарии к фотоснимкам или графическим изображениям, несущие смысловую нагрузку и помогающие построить тематическую структуру при интерпретации. Жанровая схема является общей для разных видов интервью, в то время как макроструктура обнаруживает ряд отличительных особенностей, например, в таких разновидностях, как проблемные и портретные интервью. Такими особенностями являются характер заголовка, соотношенность заголовка-цитаты с определенными слотами фрейма¹, фокус (объект беседы – проблема или портрет), типы изложения (композиционно-речевые формы). В данной статье мы коснемся только особенностей заголовков интервью.

Согласно ван Дейку, для извлечения темы и подтем-топиков из текста в конкретном дискурсе существуют специальные средства. К таким средствам относятся, прежде всего, заголовки. Ван Дейк вы-

¹ Под фреймом мы понимаем когнитивную структуру в сознании человека, содержащую существенную и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с каким-либо концептом, идеей предмета или явления.

деляет заголовок в качестве одной из «опорных точек» макроструктуры, выражающих наиболее важную информацию. Заголовки и «вводки» (leads) новостей, в частности, представляют краткое содержание текста сообщения. При этом автор употребляет термин «макропропозиция» для обозначения пропозиции, «выведенной из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса», то есть, из предложений, взятых в семантическом аспекте [Ван Дейк 2000: 42]. Заголовок является макропропозицией высшего уровня, водка – вершиной тематической макроструктуры, а затем следуют макропропозиции на более низком уровне содержания сообщения, маркированные тематическими словами и предложениями. В интервью заголовки также могут прямо или косвенно указывать на тему, однако их сложная структура не позволяет рассматривать их однозначно в качестве макропропозиции. Скорее, можно считать их частичными текстами (Teiltexthe), разнородными по языковому и стилистическому оформлению, в которых стратегически важной представляется не передача краткого изложения содержания как такового, а комбинация разных частей содержания в зависимости от прагматической установки автора текста.

Типичным для заголовка интервью является цитирование реплик респондента. Цитата может выбираться из кульминационной, итоговой части интервью, характеризую суть проблемы или возможности решения с точки зрения одного из собеседников в проблемном интервью:

UMWELT

**«Lawine aus
Elektroschrott»**

Umweltexperte Rüdiger Kühr, 33, Mitherausgeber der soeben erschienenen Studie «Computers and the Environment», über die Ökobelastung durch Computertechnik

(DER SPIEGEL 12 / 2004)

SPIEGEL-GESPRÄCH

**«Wir müssen noch lange
bleiben»**

Der amerikanische Nahost-Experte Kenneth Pollack über Bushs Dilemma im Irak, das Versagen der Geheimdienste und die Gefahr eines Bürgerkriegs im Zweistromland

(DER SPIEGEL 10 / 2004)

Если главный вопрос интервью задается в начале, чему должны способствовать обстановка и общие условия коммуникации, то quintэссенция мнения респондента может заключаться в одной из первых ответных реплик. Речь идет об ответах на так называемые

«открытые» вопросы (offene W-Fragen) типа *Wer?*, *Was?*, *Wo?*, *Wie?*, *Wann?*, *Warum?* [Friedrichs, Schwinges 2001: 58]. Однако такие «коммуникативные удачи», когда корреспондент сразу получает однозначный ответ на открытый вопрос, в журналистской практике бывают не так часто, поэтому заголовок редко коррелирует с начальными репликами макроструктуры интервью:

Interview zu Schröders Außenpolitik

«Ein schwerer Mispsgriff»

Der renommierte Historiker Karl Dietrich Bracher wirft dem Bundeskanzler vor, die Irak-Frage für innenpolitische Zwecke zu instrumentalisieren. Durch das Brüskieren der Amerikaner habe er sich jede Chance zur Einflussnahme verbaut. Die Franzosen würden viel klüger handeln und dabei die Deutschen für ihre Zwecke einspannen.

SPIEGEL ONLINE: *Wie beurteilen Sie das Verhalten des Kanzlers in der Irak-Frage?*

Karl Dietrich Bracher: *Das war ein schwerer Missgriff, um nicht einen schlimmeren Begriff zu verwenden...*

(SPIEGEL ONLINE – 28. Januar 2003)

В портретном интервью может цитироваться просто яркое характерное высказывание или некоторый автобиографический момент:

Interview mit Franka Potente

«Frauen sind Brüter»

Die Schauspielerin Franka Potente, 29, sprach mit SPIEGELONLINE über ihre Doppelrolle in dem Klon-Drama „Blueprint“, ihre Kindheit in Dülmen und ihr Leben zwischen Deutschland und Hollywood.

(SPIEGEL ONLINE – 02. Januar 2004)

Schriftsteller Janosch

«Wir wurden alle verprügelt»

Der Kinderbuchautor Janosch hat eine harte Kindheit hinter sich. Als Jugendlicher ärgerte er sich über seine Kunstprofessoren. Und heute, sagt der 72-Jährige im Interview, liegt er jeden Tag in der Hängematte.

(KulturSPIEGEL 3 / 2004)

В интервью журнала «Spiegel» заголовки чаще всего имеют трехчастную структуру – предзаголовок, заголовок и подзаголовок, реже – двухчастную (заголовок и подзаголовок). Первый компонент – предзаголовок (получил в немецкой журналистике следующее терминологическое отражение – Hauptzeile, Schlagzeile, headline, Rubrik im engeren Sinn) обычно указывает на предметную

рубрику и общую тематику или представляет собеседника. Например: Interview mit Franka Potente, Berlinale, Filmindustrie, Spiegel-Gespräch, Spiegel-Streitgespräch, Interview mit Vize der türkischen Gemeinde, Schumacher-Interview, Außenminister, Interview zur Wahlbeteiligung, Stars, Pop, Tiere, USA, Seuchen, Reformen, Autoren, Berufsaussichten. Далее следует заголовок – «шапка» интервью (Dachzeile, Kopfzeile, Kopftitel, Titelzeile, Vorzeile, Vorschlagzeile, Stichzeile, Spitzmarke) и выделенный подзаголовок (Unterzeile). Все три компонента трехчастной структуры по-своему графически оформлены [Schneider 2001: 266].

Если в проблемном интервью заголовок-цитата очерчивает определенный угол зрения, то в портретном интервью заголовок-цитата является частью речевой характеристики респондента. Для портретного интервью выбирается не просто наиболее интересная, неожиданная, характерная цитата, но высказывание в рамках некоторого ассоциативного поля, в котором собеседник ассоциирует или отождествляет себя с некоторым кругом или типом людей, или с определенными предметами или явлениями действительности:

Messeschwerpunkt

«Griechen lieben Gedichte»

Der griechische Autor Petros Markaris über das diesjährige Schwerpunktland der Buchmesse, den Glanz der Athener Nächte und die Macht der Frauen im griechischen Alltagsleben

(DER SPIEGEL 41 / 2001)

Action-Regisseur John Woo

«Ich bin ein Romantiker»

Mit seinem neuen Film „Paycheck“ bestätigt John Woo seinen Ruf als Erneuerer des Actionkinos. SPIEGEL ONLINE sprach mit dem chinesischen Hollywood-Regisseur über Religion, Stilfragen und Musical-Pläne.

(SPIEGEL ONLINE – 31. Januar 2004)

Подзаголовок подготавливает читателя к восприятию самого текста, конкретизирует, о чем пойдет речь в интервью, кратким пояснением или интригующей постановкой проблемы. Часто именно в подзаголовке журналист представляет собеседника или сообщает предысторию вопроса. Смысловая нагрузка может по-разному распределяться между тремя компонентами заголовка. В зависимости

от того, какому из трех компонентов заголовка отводится основная информационная функция, два других компонента несут формальную содержательную нагрузку в жанровой схеме интервью. К информации может добавляться элемент рекламы, например, реклама фильма, или презентация новой книги. При двухчастной структуре заголовка (шапка и подзаголовок) отсутствие дополнительного указания на рубрику перед заголовком компенсируется обязательным указанием ключевого слова в подзаголовке. Таким образом, смысловая структура заголовка не нарушается, подзаголовок ориентирует читателя на содержание интервью, а заголовок-цитата предвосхищает оценку проблемной ситуации и задает направление для интерпретации. Например:

«Dicke Luft»

Der bayerische Ministerpräsident
und CSU-Chef Edmund Stoiber
über die geplante Reform des
Betriebsverfassungsgesetzes

«Giftig und nachtragend»

Der Kolumnist Andrej
Tscherkisow über Putins
Verhältnis zur Pressefreiheit¹

(DER SPIEGEL 7 / 2001)

Метафоризация в заголовках, употребление слов в непрямом значении, с оценочной коннотацией, может быть чисто языковым явлением, устойчивым выражением типа *dicke Luft* – разг. ‘опасная, напряженная ситуация’, от которой предостерегает респондент в своей итоговой реплике, или являться языковым выражением метафорического понятия, способного «творить для нас социальные реалии» [Ольховиков 1996: 136–138], например, образ президента страны. Так, в русле тенденциозной западной критики ограничения свободы СМИ в России, для заголовка интервью с комментатором Андреем Черкизовым вырвана цитата из кульминационной реплики респондента *giftig und nachtragend verfolgen* – ‘злбно и злопамятно преследовать’ (*giftig* – букв. ‘ядовитый’). Однозначная характеристика действий президента Путина в отношении телевизионного магната Гусинского соотносится со слотом «политика государства» основного фрейма «свобода СМИ в России». Вынесенная в «шапку» крупным шрифтом, метафора воплощает суждение в форме, «развертывается в широкое образное поле» [Ольховиков 1996: 134], до-

¹ Выделено мной (М. С.).

минирующее в прессе за счет многократного повторения, акцентирования внимания читателя на определенном мнении, которое формирует образ мышления. Стратегия формирования определенного образа мышления ясно прослеживается в организации смысловой структуры заголовка. Хотя темой беседы является свобода слова в России, оценочный образ закрепляется за личностью президента, и его действия фактически оказываются в фокусе интервью².

Для подзаголовков интервью наиболее частотной является модель типа «N über X»: *Washingtons ehemalige Außenministerin Madeleine Albright über den transatlantischen Bruderzwist, Alleingänge der US-Regierung und die Versäumnisse der Europäer*. Иногда подзаголовки могут прямо выражать коммуникативное намерение респондента. С помощью соответствующих глаголов респонденту приписывается тот или иной речевой акт. Респондент «сообщает» о положении на рынке труда, «требует» реформ, «надеется» на мирное разрешение конфликта, «считает» войну неизбежной, «описывает» различия между германскими и американскими университетами, «предостерегает» от религиозной вражды. Частотными в подзаголовках являются следующие глаголы действия: *erläutern, fordern, verraten, erklären, zeigen, vorwerfen, zurückweisen, plädieren, rechtfertigen, warnen, zurückführen (etw. auf etw.), zeigen, schildern*.

Выбор журналистом цитаты для заголовка, полное или частичное цитирование, дословные или несколько измененные высказывания, имеют принципиальное значение для восприятия последующей информации.

Ван Дейк отмечает, что «опорные точки макроструктуры», скорее всего, должны выражать авторский вариант макроструктуры текста, который может и не совпадать с вариантом читателя в силу его личных установок и убеждений. Иными словами, читатель может выделить другую информацию в качестве наиболее важной и считать данный заголовок неадекватным обобщенному содержанию текста, то есть не беспристрастным [Ван Дейк 2000: 45–46].

Таким образом, восприятие текста уже на начальном этапе связано с интерпретацией прагматических установок и коммуникативных стратегий автора. В связи с этим интересным представляется обозначение заголовка самими немецкими журналистами –

² Мы разделяем понятия «тема» и «фокус», «объект» беседы.

Vorschlagzeile – букв, ‘предложенная строка’, которое указывает на предложение авторского варианта подачи информации, его видение значимых смысловых структур и соответствующей установки на интерпретацию текста [Schneider 2001: 266].

Это подтверждается примерами эффективных заголовков, в которых единицы информации редуцируются не просто по принципу компрессии самого основного содержания, но с определенной расстановкой акцентов и даже возможным нарушением смысловых связей. При этом наличие или разрыв смысловых связей определяется установлением соответствий между заголовком и основными слотами фрейма. Например:

Interview zur Vogelgrippe

«Terroristen könnten ganze Volkswirtschaften ruinieren»

Die in Asien grassierende Vogelgrippe könnte nach Ansicht von Experten zu einer weltweiten Epidemie mit vielen Toten werden. Im Gespräch mit SPIEGEL ONLINE warnt der international anerkannte Virologe Christian Griot vor einem neuartigen „Agro-Terrorismus“, der ganze Weltregionen destabilisieren könnte.

(SPIEGEL ONLINE – 29. Januar 2004)

Расхождение смыслов заголовка и содержания интервью подтверждает следующая ответная реплика реципиента, выделенная нами с помощью подчеркивания:

SPIEGEL ONLINE: *Für den Menschen droht keine Gefahr?*

Griot: *So lange er keinen direkten Kontakt zu den infizierten Tieren hat. Doch wie wir wissen, verstarben in Asien bereits die ersten Menschen an der Vogelgrippe. Eine weltweite Epidemie halte ich jedoch für wenig wahrscheinlich.*

Фрейм «эпидемия» представлен следующими слотами:

- заболевание птичьим гриппом в восточной Азии;
- террористическое нападение возможно, но в данном случае исключено;
- эпидемия по всему миру маловероятна;
- отсутствуют вакцины для людей;
- выход из положения – строгий контроль;

Смысловое несоответствие дает основание предположить наличие определенного коммуникативного намерения у журналиста, не совсем согласного с респондентом в оценке ситуации и навязывающего

вающего свою собственную точку зрения. Троекратное «настойчивое» употребление конъюнктива в заголовке маркирует переоценку ситуации и изменение угла зрения – усиление доли вероятности прогнозируемых событий, что в сочетании со следующими языковыми средствами производит сильный перлокутивный эффект «предупреждения»:

– данное речевое действие прямо выражено соответствующим глаголом *warnen* – ‘предупреждать’;

– прилагательное со значением целостности *ganz*;

– действительное причастие *grassierend* в значении ‘свирепствующий’;

– сложное прилагательное *weltweit* со значением мирового масштаба;

– распространенное определение *der international anerkannte Virologe* – ‘всемирно признанный’ или ‘специалист международного уровня’;

– прилагательное *neuartig* – ‘нового вида’ в сочетании с неологизмом *Agro-Terrorismus* – ‘агро-терроризм’ сигнализирует важную информацию и привлекает внимание читателя;

– композит *Weltregionen* – ‘регионы мира’ со значением масштаба.

Цитата в заголовке оказывается вырванной из контекста, так как респондент имеет в виду потенциальную возможность подобных террористических действий, а не тот факт, что связь с терроризмом действительно имеет место. Это подтверждает выделенная нами реплика *Однако террористическое нападение в настоящее время мы с абсолютной уверенностью исключаем*:

Griot: *Mit hoch ansteckenden Tierseuchenviren könnten Terroristen innerhalb kurzer Zeit nicht nur in Asien ganze Volkswirtschaften ruinieren. Länder wie Thailand, Pakistan oder Vietnam wären innerhalb kürzester Zeit nicht mehr in der Lage, ihre Agrarprodukte, in diesem Fall Tiere, zu vermarkten. Gleichzeitig dezimiert jedes hoch ansteckende Virus die Bestände – allein in Thailand wurden über zehn Millionen Tiere wegen der Geflügelpest getötet. Einen Terrorangriff schließen wir derzeit allerdings mit absoluter Sicherheit aus.*

В абсолютном большинстве случаев цитатами представлены заголовки «полемиического диспута» (*Streitgespräch*), причем выбираются наиболее экспрессивные и неожиданные фрагменты высказываний одного из оппонентов, привносящие в полемику «эффект

сенсации», с целью «создания эмоциональной базы для восприятия полемики» [Проворотов 2003: 95]:

SPIEGEL – STREITGESPRÄCH

«Bulldozer gegen Rhododendron»

Der Ökologe Josef Reichholf und der Tropenmediziner Rüdiger Disko über die Gefährlichkeit eingeschleppter Tier- und Pflanzenarten, fremdenfeindliche Naturschützer und gefräßige Kröten in australischen Zuckerrohrfeldern

(DER SPIEGEL 1 / 1999)

Определенная стратегия в выборе цитаты является и особенно-стью портретного интервью, например:

«Wir sind alle Kleinbürger»

Der äthiopische Prinz Asfa-Wossen Asserate über sein Buch „Manieren“, die unstillbare Sehnsucht der Deutschen, geliebt zu werden, und seine aristokratische Erziehung in Addis Abeba

(DER SPIEGEL 44 / 2003 – 27. Oktober 2003)

В заголовок крупным шрифтом выносится тема интервью. В приведенном выше заголовке нельзя не отметить влияние субъективной оценки журналиста при выборе цитаты для заголовка: само слово *Kleinbürger* уже несет известную смысловую нагрузку для немецкого читателя, апеллирует к его менталитету и любимому образу добропорядочного обывателя. Симпатизируя жителям маленьких немецких городов, эфиопский принц по достоинству оценивает их привязанность к определенному стилю жизни в отличие от остальных, в эстетическом плане капризных европейцев. Однако журналист сокращает фактическое высказывание собеседника, выбирая лишь самое основное, а именно, тот факт, что собеседник способен отождествить себя с немецким идеалом. В полном же тексте реплика респондента является ответом на замечание журналиста о принадлежности принца к общественной элите:

SPIEGEL: *Dennoch gehören Sie zweifellos auch in Deutschland zur gesellschaftlichen Elite.*

Asserate: *Ach, wir sind doch längst alle Kleinbürger geworden. Wir sind ein Heer von Millionen von Menschen, die ans Malochen³ denken, sich ab*

³ malochen (salopp): [körperlich] schwer arbeiten – ‘заниматься тяжёлым физическим трудом’.

und zu einen Urlaub gönnen und die im Grunde alle einer Schicht angehören, die weder befiehlt noch dient. Die, die sich tatsächlich von uns globalen Kleinbürgern unterscheiden, sind die wirklich Reichen. Die sitzen nicht mit uns in der Economy Class oder stehen sich am Frankfurter Hauptbahnhof die Beine in den Bauch. Die fliegen, wenn es ihnen beliebt, mit ihrem eigenen Helikopter oder dem Privatjet.

Примечательным в данном интервью является не только двухчастная структура заголовка, но и то, что основная информация о собеседнике помещена в самом конце текста интервью, после заключительной части и имен журналистов, которые взяли у него интервью. И в этом снова можно увидеть одну из макростратегий авторов текста для достижения желаемого эффекта – читатель сначала заинтригован заголовком интервью с эфиопским принцем о немецком национальном характере и только в конце узнает, что внучатый племянник бывшего эфиопского императора давно живет и работает в Германии:

INTERVIEW: SUSANNE BEYER, JOACHIM KRONSBEN

Asfa-Wossen Asserate ist der Großneffe des ehemaligen äthiopischen Kaisers Haile Selassie (1892-1975) und wuchs in Addis Abeba auf. Er studierte in Tübingen und Cambridge Jura und Geschichte, promovierte in Frankfurt am Main mit einer historischen Arbeit über seine Vorfahren und war Pressechef der Düsseldorfer Messe. Asfa-Wossen Asserate, 54, lebt als Unternehmensberater in Frankfurt am Main.

Заголовок, как единица сообщения, обладает признаком предикативности, выражающим актуализированную отнесенность высказывания к действительности. Этот признак присущ любой модели предложения и напрямую связан с двумя важными функциями заголовка – репрезентативной функцией представления информации и фокусирующей функцией направления внимания читателя. Тема, сообщаемая в заголовке, относится, таким образом, к настоящему, прошедшему или будущему или преобразуется в плане модальности в качестве возможного, желаемого, должного, требуемого. В зависимости от коммуникативной задачи, сообщение наделяется предикативными признаками, однако, в разных типах интервью речь идет о различных приемах моделирования предикативности высказываний. Главным средством формирования предикативности является категория наклонения. «Дифференциация признаков сообщаемого (временная определенность/неопределенность) опирается на противопоставление форм изъявительного наклонения форм

мам ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного)» [ЛЭС 2002: 392–393].

Формы императивности, желательности, долженствования, необходимости типичны для заголовков проблемных интервью: «Lesen statt rauchen!», «Auf Reformen setzen, nicht auf Umsturz», «Systematisch und planvoll arbeiten», «Nicht den Kopf einziehen», «Wir müssen unser ganzes System in Frage stellen», «Eine Epidemie ist wenig wahrscheinlich», «Terroristen könnten ganze Volkswirtschaften ruinieren», «Städte brauchen Wandel». Для заголовков портретных интервью типичны дескриптивные формы изъявительного или сослагательного наклонения, причем очень часто они стоят в форме первого лица: «Ein Revolutionär, der aufgibt», «Der Bayer ist ganz schön schizophran», «Frauen sind Brüter», «Ich war nie normal», «Ich wäre gern ein Bösewicht», «Ich bringe Erde und Meer», «Ich will die Macht der Bilder nutzen», «Ich double mich selbst», «Ich ersetze den Stammtisch», «Ich halte mich da raus», «Ich mute den Leuten was zu», «Ich bin überall ein Fremder».

Заголовки интервью как языковые выражения могут выполнять функции предикации, когда цитируется вся реплика или какая-то одна пропозиция, и номинации, однако, номинация в заголовке проблемных и портретных интервью чаще всего разворачивается в пропозицию в одной из последующих реплик респондента. Это показывают следующие заголовки, коррелирующие с соответствующими репликами из интервью:

SPIEGEL-GESPRÄCH

«Ein entsetzlicher Fehler»

Der Historiker Paul Kennedy über die Verstrickung der Weltmacht USA im Irak, ihr Verhältnis zur islamischen Welt und den Einfluss der neokonservativen Ideologen auf George W. Bush

– **Kennedy**: ... *Washington hat im Irak einen entsetzlichen Fehler begangen*⁴.

(DER SPIEGEL 2 / 2004)

REGISSEURE

«Eine Art Verrat»

Der Berliner Film- und Fernsehregisseur Frank Beyer, 68 („Spur der Steine“, „Nikolaikirche“), über seine Autobiografie

⁴ Выделено мной (М. С.).

„Wenn der Wind sich dreht“ (Econ Verlag, München), die er diese Woche auf der Leipziger Buchmesse vorstellt

Beyer: *Ich war damals Mitglied der SED, seit meinem 18. Lebensjahr, und habe mich der Parteidisziplin gefügt, als ich das Defa-Studio verlassen musste.*

SPIEGEL: *Später gehörten Sie zu den wenigen DDR-Regisseuren, die auch im Westen arbeiten durften. Das wird nicht allen Parteibonzen gefallen haben.*

Beyer: *Nein, vielen galt das als eine Art Verrat...*

(DER SPIEGEL 12 / 2001)

В данном примере номинация в заголовке вычленяет главный фрагмент ключевого высказывания и служит называнию значимой реалии – предательства, характеризующего атмосферу и общественный строй времен Социалистической Единой Партии Германии в ГДР. Номинации в подзаголовке в данном примере служат в качестве рекламы респондента, его фильмов и новой книги, а также издательства, в котором книга опубликована. Рекламный элемент типичен для заголовков портретных интервью.

Номинация может быть первичной и вторичной, то есть авторской, когда журналист перефразирует буквальную цитату из высказывания собеседника. Например:

FILM

Die Ästhetik alter Krieger

Regisseur Edward Zwick, 51 („Glory“, „Ausnahmезustand“), über seinen Film „Last Samurai“, der jetzt in die Kinos kommt – Tom Cruise spielt drin einen US-Offizier, der Japan 1876 helfen soll, gegen den Widerstand heimischer Samurais eine moderne Armee aufzubauen.

Zwick: *Natürlich hatten manche Leute Angst, dass wir die japanische Kultur ausbeuten würden für einen kommerziellen Hollywood-Streifen. Aber wir waren überwältigt von der Ästhetik dieser Zeit...*

(DER SPIEGEL 2 / 2004)

Для передачи колорита временного плана журналист, автор текста интервью, выбирает устаревшее слово *Krieger* – ‘воин’, которое в словосочетании *alter Krieger* – ‘старый боец’ – созвучно с фразеологизмом *kalte Krieger* – ‘сторонники холодной войны’. Возможный намек на паронимическую аттракцию как частный случай стилистической вариативности заголовков подчеркивает определенные

ассоциативные связи, заключающие в себе потенциальные возможности для мгновенного привлечения внимания читателя.

Отмеченное В.Г.Костомаровым в качестве конструктивного принципа газетного языка единство тенденций к экспрессии и стандартизации [Костомаров 1971: 166] прослеживается и в заголовках интервью. Стандартными можно считать заголовки коротких интервью двух типов, публикуемых в постоянной рубрике «Szene» печатного издания журнала «Spiegel». Трехчастный заголовок первого типа интервью состоит из стандартной подрубрики «Klüger werden mit:», повторяющейся в каждом интервью, номинации имени респондента крупным шрифтом и подзаголовка поясняющего характера:

Klüger werden mit:

Frank Furedi

Der 55-jährige britische Soziologe
über ängstliche Eltern und überbehütete Kinder

(DER SPIEGEL 22 / 2002)

В данном случае в фокусе заголовка – личность известного специалиста, а тема сформулирована в подзаголовке интервью.

Второй тип представлен интервью-ответом на шаблонный вопрос заголовка «Was haben Sie da gedacht?» и представляет собой развернутую реплику-рассказ респондента о каком-либо необычном происшествии, объемом в один абзац текста. Вариативными компонентами двухчастного заголовка являются имя респондента и подзаголовок:

**Was haben Sie da
gedacht, Señorita Ramos?**

Die Spanierin Mónica Ramos, 28,
über eine Demonstration gegen Gewalt
in der Ehe

(DER SPIEGEL 28 / 2002)

Следует отметить, что не всегда можно однозначно отнести конкретное интервью к проблемному или портретному типу, так же как нечасто встречается чисто информационный или чисто аналитический тип интервью [Тертычный 2000: 80, 107]. Критерием в таком случае будет являться фокус интервью, маркированный в заголовке. Так, интервью получится проблемным, если респондент-

писатель касается важных актуальных проблем в рассказе о своей новой книге:

LITERATUR

«Lesen statt rauchen!»

Die Filmemacherin und Schriftstellerin Doris Dörrie, 48, über die auf Papphüllen gedruckten „Zigarettenromane“, die sie und Kollegen wie Wladimir Kaminer und Joseph von Westphalen für den Münchner Verlag Blumenbar verfasst haben

(DER SPIEGEL 10 / 2004)

Таким образом, можно говорить о различии структурных признаков заголовков, которые позволяют выделить два основных типа интервью с точки зрения их классификации по объекту (фокусу) – проблемное и портретное. Различия могут проявляться на уровне всех трех компонентов заголовка:

1. Предзаголовок-рубрика чаще всего выполняет пояснительную, не информирующую функцию, указывая на предметную область или общую тематику, за исключением оригинальной рубрики журнала «Шпигель» – «Spiegel-Streitgespräch», характеризующей не только проблемный тип интервью, но и его жанровую разновидность – «полемиический диспут» аналитического аргументирующего характера.

2. Крупный заголовок-цитата, как правило, является наиболее экспрессивным компонентом как в трехчастной, так и в двухчастной структуре. В выборе цитаты для крупного заголовка и ее оформлении главная роль принадлежит журналисту, направляющему внимание читателя через фокус интервью на какой-либо аспект той или иной проблемы или на детали портрета личности собеседника. Макропропозиция заголовка может иметь дополнительные значения, которые возникают при перефразировании цитаты; они формулируют позицию, задают тон и выступают основой для интерпретации.

3. Подзаголовок является сопровождающим пояснением к заголовку и выражает краткое содержание текста, представляя одновременно тему и объект беседы. Речевые действия респондента, сформулированные в подзаголовке, могут прямо указывать на тип интервью.

4. Распределение информации в компонентах заголовка имеет большое значение для восприятия последующей информации в интервью.

ЛИТЕРАТУРА⁵

- Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание, Коммуникация. Благовещенск, 2000.
- Голанова Е.И.* Публичный диалог вчера и сегодня (коммуникативно-речевая эволюция жанра интервью) // Русский язык сегодня, М., 2000.
- Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М., Волгоград, 2003.
- Кибрик А.А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Научный доклад на основе дисс. докт. филол. наук. М., 2003.
- Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
- Ольховиков Д.Б.* «Поэтика газетной публицистики» (на материале русских газет 1986–1995 гг.) // Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 428. М., 1996.
- Проворотов В.И.* Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка): Учебное пособие. М., 2003.
- Тертычный А.А.* Жанры периодической печати: Учебное пособие. М., 2000.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. М., 2002.
- Friedrichs J., Schwinges U.* Das journalistische Interview. Wiesbaden, 2001.
- Schneider W.* Deutsch für Profis. Wege zu gutem Stil. München, 2001.

⁵ Использовались также материалы из печатного издания и интернет-версии журнала «Spiegel».

В.И.Карпов

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ И СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Словосложение как прием образования новых лексических единиц свойственно всем индоевропейским языкам, однако в германских языках оно получило исключительно широкое распространение и до сих пор остается одним из ведущих способов номинации, привлекая пристальное внимание германистов, о чем свидетельствуют работы последних лет [см. Шавкун 2001, Becker 1992, Demske 1998, Fuhrhop 1998, Kotin 1997, Rickheit 1993, Teuber 1996, Wellmann 1991, Wurzel 1998]. Определительные сложные слова, в качестве первого компонента которых выступала основа существительного, отличались уже в древнегерманскую эпоху наиболее высокой продуктивностью по сравнению с копулятивными (*dvandva*) и экзосцентрическими (*bahuvrihi*) образованиями [Carr 1936: 268–274]. Среди причин расцвета словосложения наиболее вероятными можно считать: а) закрепление ударения на первом слоге производного слова, приведшее к трансформации унаследованной от праиндоевропейского состояния парадигмы именного словообразования (свертывание суффиксации, разрушение системы основообразующих элементов), которая компенсировалась усилением словосложения; б) развитие синтаксических отношений: закрепление определенного порядка слов в группе существительного, возникновение некоторых словосочетаний, близких сложным словам (например, сочетаний с родительным атрибутивным в препозиции); в) изменение техники и стиля аллитерационного стиха, проявившееся в замене прилагательных образными сложными словами; г) возросшую потребность в новых лексических единицах в связи с переводом религиозной литературы, научной и философской прозы (более подробно см. СГГЯ 1963: 110–111). В то же время, сложные слова способствовали заполнению ниши, образовавшейся вследствие недостаточного развития слоя относительных прилагательных в древних

индоевропейских языках, как это было, например, в санскрите [Старикова 1993: 25].

Наибольший интерес исследователей вызывает вопрос о том, сохраняют ли компоненты сложных слов связь с однокорневыми лексемами в свободном употреблении, каков характер этой связи и какую роль при этом играет соединительный элемент. Данная проблема не получила однозначного решения, хотя был изучен обширный материал древних и современных германских языков. Сложности возникают уже на раннем этапе исследования при попытке раскрыть природу соединительного гласного и выяснить, является ли он тем звеном, которое соединяет в тексте элементы сложного слова и словосочетания. Один из путей решения данной проблемы – установить возможные корреляции между соединительным гласным композита и падежной флексией существительного, соотносимого с первым компонентом сложения. Разумеется, речь идет не о полной идентичности связки и флексии, хотя ряд исследователей допускает такой вариант (об этом будет сказано ниже), а об их омонимии в рамках одного корпуса текстов.

Прагерманские полносложные соединения могли оформляться при помощи соединительных гласных -o-, -a-, -i-, -u- или не содержали никакого соединительного гласного. При наличии в первом компоненте сложения древнегерманских именных основ на -a-, -ja-, -wa-, -o-, -jo-, -an- и -on- средством оформления сложения являлись соединительные гласные -o- или -a-; при использовании в первом компоненте древнегерманских основ на -i- или на -u- гласный композит совпадал с основообразующим суффиксом, т. е. был соответственно -i- или -u-. Редукция соединительного гласного наблюдалась только в положении перед гласным, перед сонантом -u- и перед -h- или же в третьем слоге, если первый компонент сложения являлся основой многосложного слова. Постоянно отсутствовал соединительный гласный только в том случае, когда в первом компоненте сложения была заключена древнегерманская именная основа на -iz (ие. -es). Древнегерманские гласные -o-, -a-, -i-, -u-, находившиеся на границе соединения двух корней-основ в составе сложного слова, являлись, по-видимому, разновидностями соединительного элемента. Отсутствие соединительного гласного было позиционно обусловлено и наблюдалось сравнительно редко. Его утрата относится к истории отдельных германских языков, причем во всех язы-

ках прослеживается общая тенденция к более ранней редукции соединительного гласного после долгого слога и к более поздней – после краткого. Так, в древнеисландском языке старые окончания основ без исключения исчезли. Гласные, наблюдающиеся здесь на стыке двух основ, являются либо падежными окончаниями, либо представляют старое вокализованное $j > i$ в композитах с первым компонентом *ja-* или *jo-* долгосложной основы (ср. *erfi-nyti* ‘наследник’, *villi-dyr* ‘дикий зверь’). В древнеисландском языке, если судить по некоторым фонеморфологическим изменениям в первых компонентах, апокопа гласных имела место первоначально после долгосложных основ; в древнеанглийском языке наличие, отсутствие или появление соединительных гласных связывается с такими факторами, как развитие промежуточного глайда, влияние других языков (особенно древнеисландского), воздействие формы им. п. ед. ч., наличие разных схем ударения в разных типах сложения. По-видимому, в древнеанглийском языке фонетические факторы имели огромное значение, и гласный мог появляться на стыке l/g , t/d , d/g , k/g , а сдвиги ударения способствовали синкопе гласного. Сохранились гласные $-i$ краткосложных основ на $-i$ и $-ja$ и $-u$ основ на $-u$ и $-wo$.

Представленные в готском языке модели словосложения противопоставлены общегерманским параллелям из-за наличия у большинства композитов конечной гласной основы первого компонента:

asilu-qairnus ‘жернов’ – да.¹ *esol-cwern*
auga-dauro ‘окно’ – да. *ēaj-dura*
aurti-gards ‘сад, огород’ – да. *ort-jeard*
daura-wards ‘привратник’ – двн. *tor-warto*, (но ср. да. *duru-weard*)
drauhti-witoþ ‘воинский закон’ – дс. *druht-folc* ‘войско’
fortu-baurd ‘скамейка для ног’ – ди. *fot-borð*
heiwa-frauja ‘хозяин дома’ – да. *hīw-ræden*
nahta-mats ‘ужин’ – свн. *naht-maz*
undaurni-mats ‘завтрак’ – да. *undern-mete*
weina-gards ‘виноградник’ – ди. *vīn-garðr*, дс. *wīn-gardo*, двн. *wīn-garto*, да. *wīn-jeard*
weina-basi ‘лоза’ – ди. *vīn-ber*, да. *wīn-berie*, дс., двн. *wīn-beri*

¹ См. список сокращений в конце статьи.

weina-triu 'ветка (виноградная)' – ди. *vīn-trē*, да. *wīn-trēow*
wiga-deino 'чертополох' – шв. *väg-tistel*, нвн. *weg-distel*
witoda-fasteis 'толкователь законов' – дфр. *witut-dragere*.

В подавляющем большинстве случаев сложные имена оформлены при помощи соединительного гласного. В этой функции выступают гласные -a-, -ja-, -i-, -u-; основы на -a-, -ja-, -wa-, -ō- чаще всего имеют соединительную гласную -a-, -i-основы – -i-, -u-основы – -u- (см. таблицу 1).

Таблица 1

Соотнесенность соединительного элемента
с типом основы первого компонента композита

ТИП ОСНОВЫ	соединительный элемент				
	-a-	-ja-	-i-	-u-	–
-a	37	–	–	–	6
-ja	2	1	1	–	–
-wa	1	–	–	–	–
-i	2	–	10	–	1
-u	–	–	–	10	–
-o	2	–	–	–	–
-n	1	1	–	–	1
корневые	3	–	–	–	1
всего	48	2	11	10	9

Сложения без соединительного гласного представлены немногочисленными примерами. Основы, выступающие в качестве первых компонентов, также могут относиться к разным типам склонения, но тип а-основ преобладает. По способу соединения основ и здесь не наблюдается полных совпадений с соответствующими древнегерманскими лексемами:

brup-faps 'жених' – да. *bryd-guma*, дфр. *breid-goma*, двн. *brudi-gumo*
gud-hus 'Божий дом (церковь)' – ди. *goda-hus* (ср. свн. *gotez hus*)
gup-blostreis 'богопочитатель'

man-leika 'образ человека' – ди. *mann-līkan*, да. *man-līca*, двн. *mana-lihho*

spai-skuldr 'слиюна' – дс. *spē-kaldra*, двн. *speih-haltra*

biudan-gardi 'царство'

bruts-fill 'проказа' – да. *brust-fell*

but-haurn 'труба'

wein-drugkja 'винопийца, пьяница' – ди. *vīn-drukken*.

Любопытный материал для сравнения предоставляют исследователям древневерхненемецкие письменные памятники. В текстах VIII–X веков употребление соединительного гласного не является редкостью. Апокопа гласного была характерна для а-, о-, і-, ап-, г-, s- долгосложных основ в соответствии с тенденцией ранней редукции гласного после долгого слога. Функцию соединительного элемента выполняли гласные –а, –о-, –і-, –у-, –е-, которые появлялись согласно древнегерманской традиции после краткосложных основ, причем не исключена зависимость связки от гласного основы первого компонента композита, как это могло иметь место и в готском языке. Наибольшей частотностью обладал здесь также гласный – а-, у основ на –і- и на –у- сохранялся их основообразующий гласный. В то же время, как показал анализ О.Грегера, соединительный гласный мог появляться и после долгого слога [Gröger 1911: 37–42]. Характерно это было, во-первых, для древнего слоя лексики (например, двн. *auga-tora* ‘окно’, ср. гот. *auga-dauro*); во-вторых, для композитов с основой заимствованного слова в качестве первого компонента сложения (например, двн. *wiŋnarepa* ‘виноградная лоза’, ср. готские образования с *weina-*); в-третьих, для слов, где соединительный гласный употреблен по аналогии.

В разное время германисты задавались вопросом, представлены ли первые компоненты сложений исключительно чистыми основами или композиты возникали в древний период как сдвиги, то есть являются по своему происхождению неполносложными соединениями с основой в одной из падежных форм [Wilmans 1896]. В соответствии с гипотезой о наличии в древних германских языках именных сложений, образованных по типу генитивных соединений, среди сложных имен выделяется особая группа композитов, соединительный гласный которых мог восходить к флексии родительного падежа ед. числа основ на –о/-јо или –і женского рода и основ на –а/-ја и –і множественного числа. В древневерхненемецком языке соединительный гласный в ряде случаев совпадает с гласным флексии основ данного типа склонения, причем он присутствует и после долгого слога, что и послужило основным критерием для выделения подобных сложений в отдельную группу [Gröger 1911: 37–42]. В то же время для выделения сложных имен с гласной флексией в первом компоненте чисто звуковых критериев оказалось недостаточно, потому что в языке того времени часто можно наблюдать

аналогическое выравнивание гласных в композите. В группе соединений, в которых предполагалось наличие генитивной флексии, соединительными гласными служат фонемы -a-, -o-, -i-, -u-, т. е. те же фонемы, которые выступают в функции соединительных элементов в обычных полносложных соединениях. Особого структурного типа сложных слов, который отличался бы от типа полносложных соединений и мог бы им противопоставляться, здесь не устанавливается [Кускова 1971: 23–26]. Предполагая существование в германских языках сложений с падежной флексией в первом компоненте, исследователи подчеркивали, что в составе сложных имен, засвидетельствованных в памятниках древневерхненемецкой письменности, соединительный гласный образований этой группы не может восходить только к генитивной флексии, т. к. к началу древневерхненемецкой эпохи этот гласный стал уже средством словосложения. Генитивные образования с гласной флексией выделялись лишь с точки зрения происхождения гласных в некоторых словах [Wilms 1896]. Однако соединительный гласный мог появиться в слове в результате выравнивания по аналогии или быть по происхождению глайдом. Не имея возможности выделить генитивные образования с гласной флексией в силу особенностей структуры слова и характера основы первого компонента, О.Греггер пытался опираться на значение слова, выделяя группы соединений с незакономерным в фонетическом отношении соединительным гласным, в которых первый компонент мог восприниматься как родительный падеж. Однако и здесь не выявилось надежного критерия, поскольку соотносимость с родительным падежом часто наблюдается и у полносложных соединений [Gröger 1911].

При всей своей спорности данную гипотезу нельзя назвать несостоятельной. Она заставляет задуматься не только о природе соединительного гласного в древнегерманских именных сложениях, но и о той функциональной нагрузке, которую он имел в языке. Очевидно, что функция связующего элемента является у соединительного гласного главной, но не единственной [Ramers 1997: 33–46]. Он служит средством выражения границы между основными значимыми единицами сложений [Шанский 1958: 31], т. е. выступает в качестве «пограничного сигнала», который «маркирует морфемную границу и влияет на просодическое благозвучие возникающих в языке композитов» [Führhop 1998: 189]. В пользу призна-

ния соединительного гласного не только связующим, но и делимитативным средством говорит тот факт, что большинство готских сложений образовано при помощи связующих элементов.

Заслуживает внимания также и попытка установить отношения субординации компонентов определительного композита не только на логико-семантическом, но и формальном уровнях, указав на их соотношенность с однокорневыми лексемами в самостоятельном употреблении. Наш анализ структуры готских сложений показал, что один и тот же корень мог встречаться как в составе компонентов сложных слов, так и лексических единиц, относящихся к разным частям речи (см. табл. 2).

Таблица 2

Соотнесенность первых компонентов композитов с лексемами в свободном употреблении

1	2a	2b	1	2a	2b	1	2a	2b
aglait-	+	-	frap-	+	+	naud-	+	+
aihv-	-	-	liug-	+	+	naht-	+	-
aiz-	+	-	gast-	+	-	peik-	-	-
alew-	+	+	gard-	+	-	skaud-	-	-
arb-	+	-	gilst-	-	-	smakk-	+	-
asil-	+	-	grund-	+	-	spai-	-	+
aug-	+	+	gud-	+	+	swult-	-	-
aurt-	+	-	hand-	+	-	synagog-	+	-
bair-	-	-	heiw-	-	-	stau-	+	+
baurg-	+	-	hlepr-	+	+	pruts-	-	-
bropar-	+	-	hraiw-	-	-	put-	-	-
brud-	+	-	hunsl-	+	+	undaurn-	-	-
daur-	+	-	kaisar-	+	-	wad-	+	+
dulg-	+	-	kun-	-	-	waihst-	+	-
eisarn-	+	+	laun-	+	-	waurd-	+	+
faih-	+	-	lub-	-	-	wein-	+	-
figgr-	+	-	lukarn-	+	-	weit-	+	+
fot-	+	-	mann-	+	+	wil-	+	+
frast-	+	-	mat-	+	+	wit(od)-	+	+
piud-	+	+	mot-	+	+	sigis-	+	-
piuþ-	+	+	pras-	-	-			

1 – корень основы первого компонента сложного слова

2a – однокорневое существительное в самостоятельном употреблении

2b – однокорневая лексема, относящаяся к другой части речи

Таким образом, в языке сохраняется живая связь между основами, входящими в состав сложного слова, и однокорневыми лексемами, которые в зависимости от принадлежности к части речи могут выступать в функции того или иного члена предложения в различных синтаксических группах. Частотность появления в одном фрагменте текста как композита, так и лексем, коррелирующих с одним из его компонентов, достаточна высокая. Они могут встречаться:

1) в одном стихе:

- а) *sa ist sa arbinumja, hirijp! Usqiman imma jah unsar wairpiþ arbi*
[Мк 12, 7]
'это наследник, уьем его, и нашим будет наследство'
- б) *witands patei garaihtamma witop nist satip, ak witodalausaim*
[1 Тим. 1, 9]
'зная, что не праведникам закон установлен, но беззаконным'
- в) *unte fotubaurd ist fotive is* [Мф 5, 35]
'ибо подножие есть ног его'
- г) *ibai lukarn qimip dupe ei uf melan satjaidau aipþau undar ligr?
Niu ei ana lukarnastapan satjaidau?* [Мк 4, 21]
'ибо свечу приносят для того ли, чтобы под сосуд поставить или под кровать? Не для того ли, чтобы на подсвечник поставить?'
- д) *unte is ufta eisarnam bi fotuns gabuganaim jah naudibandjom
eisarnaim gabundans was jah galausida af sis þos naudibandjos
jah þo ana fotum eisarna gabrak* [Мк 5,4]
'ибо кандалами железными на ногах скован был и узами железными связан был и освобожден от уз и на ногах кандалы железные ломал';
- 2) в разных стихах одной главы:
- а) *witodafasteis sums ustop fraisands ina* [Лк 10, 25]
'законник некий встал, спрашивая его'
in witoda hva gamelip ist? [Лк 10, 26]
'в законе как написано?'
- б) *hugjandane faihugawaurki wisan gagudein* [1 Тим 6, 5]
'думающие, что прибыль есть от благочестия'
apþan ist gawaurki mikil gagudei mip ganauhin [1 Тим 6, 6]
'но приобретение великое быть благочестивым с удовольствием'

- в) *apban wítum þatei god ist wítob, jabai hvas is wítodeigo brukeip*
[1 Тим. 1,8]
‘но знаем, что добр закон, если его законно применяют’
wítands þatei garaihtamma wítob nist satip, ak wítodalausaim
[1 Тим. 1, 9]
‘зная, что не праведникам закон установлен, но беззаконным’
- г) *managai auk galiug weitwodidedun ana ina* [Мк 14,56]
‘многие также лжесвидетельствовали на него’
jah sumai usstandandans weitwodidedun ana ina [Мк 14,57]
‘и некоторые, встав, свидетельствовали на него’;
- 3) в разных главах одного Евангелия:
- а) *twai dulgis skulans wesun dulgahaitjin sumamma* [Лк 7, 41]
‘два должника были у займодавца некого’
jah athaitands faihuskulane frauins seines [Лк 16, 5]
‘и призвав должников господина своего’
- б) *managai auk galiug weitwodidedun ana ina* [Мк 14,56]
‘многие также лжесвидетельствовали на него’
ni sijais galiugaweitwods [Мк 10,19]
‘не будь лжесвидетелем’;
- 4) в разных Евангелиях или Посланиях:
- а) *sa ist sa arbinumja, hirijþ! Usqiman imma jah unsar wairþip arbi*
[Мк 12, 7]
‘это наследник, уьем его, и нашим будет наследство’
sa ist sa arbinumja, afslahan ina, ei uns wairþai þata arbi
[Лк 20, 14]
‘это наследник, уьем его, чтобы нашим стало наследство’
- б) *unte ik galagja fijands þeinans fotubaurd fotive þeinaize*
[Мк 12, 36; Лк 20, 43]
‘ибо я положу врагов твоих к подножию ног твоих’
- в) *skuldu ist kaisaragild giban kaisara?* [Мк 12, 14]
‘нужно ли подать давать кесарю?’
skuldu ist unsis kaisara gild giban þau niu? [Лк 20, 22]
‘нужно ли нашему кесарю деньги давать или нет’
- г) *jah is was laisjands, jah wesun sitands wítodalaisarjos* [Лк 5, 17]
‘и он был, уча, и были сидящими законоучители’

wiljandans wisan witodalaisarjos [1 Тим. 1, 7]

‘желая быть законоучителем’

- д) *jah bundans was eisarnabandjom jah fotubandjom fastaiþ was jah dishniupands þos bandjos* [Лк 8, 29]

‘и связан был цепями и кандалами скреплен и разорвав узы...’

jah ni naudibandjom eisarneinaim manna mahta ina gabindan
[Мк 5, 3]

‘и никто оковами железными не мог его связать’.

Детально разбирая гипотезу о происхождении некоторых типов сложных существительных в результате сдвига исконно генитивных словосочетаний, Н.С.Кускова допускает возможность соотношения первых компонентов композитов с самостоятельными лексемами, парадигматические оформители которых омонимичны соединительным формантам композитов. Так, благодаря наличию элементов *-en/-in/-un/-n*, выступающих в древневерхненемецких именных сложениях в конце первых компонентов, «широкой омонимии с другими морфемами языка первый компонент сложения легко соотносился с различными флективными формами однокорневых существительных в их самостоятельном употреблении» [Кускова 1971: 120]. В ранних сложениях с первым компонентом на *-es* формант *-is/-es* мог получать различную интерпретацию: в древневерхненемецких памятниках VIII–IX вв. встречаются всего восемь сложений с подобным формантом, в двух из них очевидна соотношенность с флексией родительного падежа, в пяти словах формант выполняет исключительно функцию связки, а в одном слове может быть сопоставлен с деривационным суффиксом наречий [там же, с. 147].

Форманты *-en/-in/-un/-n* и *-is/-es* рассматриваются в одном ряду с соединительными гласными *-a, -i, -o, -u*, и, очевидно, их можно считать элементами, выполняющими в языке более сложную функцию: если соотношенность композита и синтаксической группы в языке сохраняется, то отношение между компонентами сложного слова должно совпадать с отношениями лексем в рамках коррелирующего с ним словосочетания. Так, например, второй компонент сложения, представленный глагольной основой, мог вызывать ассоциации с тем падежом, которым управляет соответствующий глагол в самостоятельном употреблении, если соединительный элемент

был омонимичен падежному окончанию существительного в составе словосочетания с глаголом в качестве ядра. Такое было возможно в санскрите, причем в архаичных типах *tatpuruṣa*, восходящих к эпохе индоевропейской языковой общности: второй элемент был выражен глагольной основой, первый элемент сохранял флексию падежа, например, *devayū* 'почитатель (почитающий) богов', *apsuk-sit* 'житель (проживающий) в водах' [Старикова 1993: 19].

К сожалению, готские тексты не дают нам полноценного материала для проверки этого предположения. Попытка реконструировать возможные модели словосочетаний дает весьма условную картину:

а) второй компонент сложного слова представлен *nomina agentis*:

arbi-numja 'наследник' > *arbi* akk. sg. + *numans* 'наследство берущий'

aiza-smiþa 'кузнец' > *aiza* akk. pl. + *gasmifonds* 'медные изделия изготавливающий'

faihu-skula 'должник' > *faihu* akk. sg. + *skulans* 'скот должный'

gub-blostreis 'богопочитатель' > *gub* akk. sg. + *blotands* 'почитающий бога'

dulga-haitja 'заимодавец' > *dulga* dat.(instr.) sg. + *haitands* 'долгом распоряжающийся'

witoda-fasteis 'толкователь законов' > *witoda* akk. pl. + *fastands* 'законы толкующий'

witoda-laisareis 'законоучитель' > *witoda* dat. sg. + *laisands* 'закону обучающий'

wein-drugkja 'винопийца' > *wein* akk. sg. + *drigkands* 'вино пьющий'

mana-maurþrja 'человекоубийца' > *mannan* akk. sg. + *maurþrjands* 'человека убивающий'

б) второй компонент сложного слова представлен *nomina abstractum*:

hlepra-stakeins 'разбивание палаток' > *hlepra* akk. sg. + *stakjan* 'палатки разбивать'

faihu-ga-waurki 'стяжательство' > *faihu* akk. sg. + *ga-waurkjan* 'скота приобретение'.

В сложных словах, где оба компонента представлены именными основами, тенденция к аналогическому выравниванию выражена

сильнее, чем в рассмотренных выше примерах. Но и здесь можно проследить некоторую закономерность в употреблении соединительного гласного как оформителя подчинительных отношений, если допустить для готского языка возможность употребления дательного падежа для выражения поссессивности.

Для индоевропейских языков родительный падеж является наиболее распространенным средством уточнения различных оттенков выражения отношения принадлежности или происхождения обозначаемого понятия. Однако нередко в древнегерманских языках в этой функции выступал дательный падеж, который оформлял поссессивную соотнесенность лица с компонентами словосочетания [Адмони 1963: 48], например: *du uuart demo balderes volon sin vuoþ birenkit* 'тогда была коню Балдера его нога повреждена' (пример из Чемоданов 1978: 8).

Датив и генитив оказываются здесь в известной степени параллельными, так как они оба выражают то, с чем соотнесен основной состав предложения. Причем, например, в древневерхненемецком языке эта соотнесенность у дательного падежа проявляется через обозначение лица, представленного часто местоимением [Баева 1994: 64]. Притяжательный дательный подчеркивает семантическую связанность компонентов в сочетаниях при неоднозначной роли родительного [Адмони 1973: 68].

В готском языке употребление дательного падежа в функции различного рода уточнителей встречается нередко. Считается, что оно обусловлено спецификой употребления глаголов-связок *wisan* 'быть', *wairþan* 'становиться' [Гухман 1958: 123–125]:

frauþa ist sa sunus mans jah þamma sabbato [Мк 2, 28]

'господин есть сын Человеческий и ему суббота'

jah hvaþro imma siponjos wairþan [Мк 12, 37]

'и как же ему сын есть?'

jus wileiþ þamma siponjos wairþan [Ин 9, 27]

'вы хотите ему учениками стать?'

jah galaistans wurþun imma [Мк 1, 36]

'и последователями стали ему'.

Однако имеющиеся в текстах отклонения не позволяют нам говорить о прямой зависимости употребления дательного падежа исключительно от управления глаголов-связок. В том же контексте наряду с дательным мог стоять и родительный:

jah gadailans is [Еф. 3,6] ‘и суть сопричастники его’
ei gadaila is wairþau [1Кор 9, 23] ‘чтобы сопричастниками его
стать’.

В то же время дательный употребляется в указанной функции не только при глаголах *wisan* и *wairþan*: *hwaiwa usluknodedun þus augona* [Ин 9, 10] ‘как отверзлись тебе глаза?’ Оригинальность готского перевода проявляется также и в том, что в отличие от древневерхненемецкого здесь возможно употребление дательного падежа без обязательного наличия местоимения при имени:

þaiei wesun gadailans Seimona [Лк 5, 10] ‘которые стали сопричастниками Симону’

ip weis Mose siponjos sijum [Ин 9, 28] ‘но мы Моисею ученики’

ni is frijonds kaisara [Ин 19, 12] ‘ты не друг кесарю’

skohslam gadailans wairþan [1Кор 10, 20] ‘бесам сопричастниками стать’.

В древневерхненемецком посессивная соотнесенность дательного падежа проявляется только у одушевленных лиц, в то время как в готском оказывается возможным его употребление и с именами абстрактными:

þizai garaideinai galaistans sind [Гал 6, 16]

‘этому установлению последователи’

ip þu galaista is laiseinai meinai [2Тим 3, 10]

‘если ты последователь учению моему’.

В греческом оригинале во всех приведенных выше примерах готскому дательному соответствует родительный. Впрочем, дательный посессивный был свойственен и древнегреческому языку и употреблялся не только с глаголами *εἶμι* ‘быть’ и *γίνομαι* ‘становиться, случаться’, но и с существительными для выражения отношения владения [Соболевский 2003: 262–263]. В то же время следует учитывать и тот факт, что отглагольные существительные могли сохранять управление глагола, чем в отдельных примерах объясняется употребление дательного падежа. Однако и здесь не наблюдается четкой корреляции: в древнегреческом языке в таких случаях чаще ставился родительный, как и в готском в большинстве примеров.

Трудно однозначно ответить на вопрос о том, свидетельствовало ли употребление дательного посессивного в готских текстах о живой связи между литературно-письменным (точнее, церковно-письменным) языком и теми языковыми сферами, где дательный

посессивный мог еще ставиться. Так, например, на разных этапах развития немецкого языка продолжало ощущаться влияние обиходно-разговорной речи, где именно дательный оказывался во многих случаях предпочтительнее родительного падежа [Адмони 1973: 68; Баева 1994: 64–67; Paul 1956: 326; Behagel 1968: 245]. Однако это вовсе не означает, что данные из истории немецкого языка можно автоматически перенести на готский материал, тем более что собственно древневерхненемецкие тексты не демонстрируют высокую частотность употребления дательного посессивного.

Нас интересует другая сторона данного вопроса: поскольку в готском языке дательный посессивный воспринимался так же органически, как и родительный, мог ли соединительный элемент композита вызывать ассоциации с именным словосочетанием, если падежная флексия последнего была омонимична гласному основы первого компонента сложения? Видимо, это было возможно, как в случае с парой *kaisaragild* – *kaisara* (Dat. Sg.) + *gild*: *skuldu ist kaisaragild giban kaisara*? ‘нужно ли подать [дословно: кесаря деньги] давать кесарю?’ [Мк 12, 14]; *skuldu ist unsiš kaisara gild giban þau niu*? ‘нужно ли нам кесарю деньги давать или нет?’ [Лк 20, 22]. В этих примерах омофон -а выступает в качестве соединительного элемента и флексии дательного падежа при глаголе *giban*, причем во втором случае предложение синтаксически оформлено так, что дополнение в дательном падеже и подлежащее следуют один за другим и воспринимаются как единое целое. В этих примерах очевидна корреляция между сложным словом и словосочетанием, в котором представлены лексемы, омонимичные обеим основам композита. Несмотря на то, что существительное является дополнением при глаголе, в силу особого порядка слов и аналогии происходит смысловая перегруппировка в предложении, так что при описании ситуации внимание акцентируется на других деталях. Подобное перераспределение синтагм и, как следствие, перенос смыслового ударения возникало, вероятно, и в тех случаях, когда существительное в родительном падеже в готском могло выступать в качестве генитивного атрибута при предшествующем ему слове, в то время как в греческом оно употреблялось как обстоятельство цели при глаголе-сказуемом (кстати, в синодальных переводах на русский язык во избежание искажения смысла используются добавления, которые печатаются курсивом): гот. *swaswe gameli ist þatei in þuk*

gadaubjanda all dagis, rahnidai wesum swe lamba slauhtais ‘как сказано, что ради тебя умерщвляемы всякого дня, сосчитаны бывши как овцы заклания’ (в синодальном переводе: ‘считают нас за овец, обреченных на заклание’), гр. *ελογισθημεν ως προβατα σφαγης* ‘сосчитаны как овцы (к) закланию’ [Рим. 8, 36].

Описанные выше примеры немногочисленны, но показательны. Видимо, проникновение дательного падежа в сферу, в которой доминирует родительный, связано со спецификой падежного употребления в младописьменных языках в условиях, когда происходит активный процесс формирования узуса литературно-письменного языка. Нормализация письменного языка, которая имела место и в истории готского языка, вела к унификации в употреблении языковых средств, к устранению диалектизмов, вульгаризмов, излишней синонимии и дублетности, к предельной точности изложения. Дошедшие до нас готские тексты представляют собой памятники ‘переходной’ эпохи, в которой выбор одного из множества возможных вариантов диктуется языком оригинала: если в обоих языках совпадают языковые средства, то выбор переводчика предопределен. Вопрос о том, в какой степени сам переводчик находился под влиянием поэтики родного языка, и можно ли случаи отклонения от оригинала считать проявлением такого влияния, требует детальной проработки. Во всяком случае, целевая аудитория, для которой предназначались эти переводы, должна была воспринимать их в контексте родной культуры и родного языка, обрабатывая тексты в своем сознании в удобной для себя форме.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г.* Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963.
Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973.
Баева Г.А. Падеж и падежное управление в истории немецкого языка. СПб., 1994.
Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.
Кускова Н.С. Именные сложения древневерхненемецкой эпохи как структурные единицы и как средства номинации // Ученые записки МГПИИЯ имени М.Тореза. Вопросы германской филологии. Том 61. М., 1971.
Сравнительная грамматика германских языков. Том 3. Морфология. М., 1963.

- Старикова Е.М.* Исследование прилагательных санскрита в диахронии. АКД. М., 1993.
- Шавкун Н.С.* Атрибутивный композит или атрибутивное словосочетание как альтернативные средства номинации в немецком языке. АКД. Пятигорск, 2001.
- Шанский Н.М.* О соединительной гласной как словообразовательной морфеме // Русский язык в школе. № 5, 1958.
- Чемоданов Н.С.* Хрестоматия по истории немецкого языка. М., 1978.
- Becker T.* Compounding in German // Rivista di Linguistica. Vol. 4, 1992.
- Behagel O.* Die deutsche Sprache. Halle (Saale), 1968.
- Bergsten N.* A Study on Compound Substantives in English. Uppsala, 1911.
- Carr Ch.* Nominal Compounds in Germanic. London, 1939.
- Demske U.* Case Compounds in the History of German // Variation und Stabilität in der Wortstruktur. Hildesheim, 1998.
- Fuhrhop N.* Grenzfälle morphologischer Einheiten // Studien zur deutschen Grammatik. Band 57. Stauffenburg Verlag. Tübingen, 1998.
- Gröger O.* Die altdeutsche und altsächsische Kompositions-fuge. Zürich, 1911.
- Kotin M.* Wortbildung als sprachtheoretisches Problem // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch. Moskau, 1997.
- Paul H.* Deutsche Grammatik. Halle (Saale), 1956.
- Ramers K.-H.* Die Kunst der Fuge: Zum morphologischen Status von Verbindungselementen in Nominalkomposita // Sprache im Fokus. Tübingen, 1997.
- Rickheit M.* Wortbildung. Grundlage einer kognitiven Wortsemantik. Opladen, 1993.
- Teuber O.* Komposita und kompositaähnliche Ländernamen. Berlin, 1996.
- Wellmann H.* Morphologie der Substantivkomposita // Deutsche Wortbildung. Substantivkomposita. Berlin, 1991.
- Wilmans W.* Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel-, Neuhochdeutsch. Strassburg, 1896.
- Wurzel W.-U.* Die Wortstruktur in historischer Sicht: Vom Alter morphologischer Strukturen // Variation und Stabilität in der Wortstruktur. Hildesheim, 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- гот. – готский
 да. – древнеанглийский
 двн. – древневерхненемецкий
 ди. – древнеисландский
 дс. – древнесаксонский
 дфр. – древнефризский
 нвн. – нововверхненемецкий
 свн. – средневерхненемецкий
 шв. – шведский

**О НЕКОТОРЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ
ДЛЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ
ТОЧНОСТИ И ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ
(в синхронии и диахронии)**

В данной статье затрагивается вопрос о том, почему средства обозначения количественных значений не получили в современном немецком языке четкого нормативного оформления и представлены неупорядоченным набором вариантных форм, с которыми мы сталкиваемся в случае распространения второго компонента количественных словосочетаний прилагательным или причастием. Категория падежа в немецком языке в большей части падежных форм принадлежит к числу синтагматически выявляемых категорий, а в словосочетаниях типа *ein Glas Wasser*, *ein Tropfen Blut* второй компонент грамматически не обозначен. Поэтому для выяснения падежа необходимо обратиться к примерам, где второй компонент распространен прилагательным или причастием. Данные словосочетания могут оформляться либо при помощи генитивного управления *ein Paar schöner Augen*, либо при помощи согласования *ein Eimer kaltes Wasser*, либо при помощи примыкания *ein Tropfen siedend Öl*. В современном немецком языке реально как конкуренты могут выступать конструкции с генитивным управлением и согласованием *ein Paar schöner Augen* и *ein Paar schöne Augen*. Примыкание как вид подчинительной связи был практически полностью вытеснен в XX веке. Как зарубежные, так и отечественные языковеды пытались найти причину данной нормативной неустойчивости. Так, Б.Бетке, О.Мензинг, К.Г.Андрезен, К.Хиршбольт связывают выбор вида подчинительной связи с функциональным стилем. По их мнению, конструкции с согласованием типичны для обиходно-разговорной речи. Авторы девятого тома из серии “Der Duden in 12 Bänden”, посвященного трудностям современного немецкого языка, полагают, что словосочетания, первый компонент которых обозначает единицы измерения веса, длины и т. п., а второй компонент – существительное в единственном числе, должны оформляться при помощи согласования [*ein Glas guter Wein (gehoben) guten Weines*]. Словосочетания, второй компонент которых – существительное во множе-

ственном числе, а первый компонент обозначает определенное количество и при этом стоит в именительном и винительном падежах, оформляются также при помощи согласования [*ein Dutzend frische Eier (selten: frischer) Eier*]. Эти авторы считают, что в данных случаях словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, употребляются в «...торжественных случаях и производят впечатление высокопарности». Однако в некоторых случаях предпочтительнее употребление родительного падежа, а именно: 1) если первый компонент обозначает неопределенное количество (*in einer Menge tanzender Jugendllicher*); 2) если первый компонент стоит в родительном падеже (*um eines Pfundes gekochten Schinkens willen*).

Словосочетания, первый компонент которых стоит в дательном падеже, а второй компонент – существительное во множественном числе, могут быть организованы на основе управления и примыкания: *mit einem Korb reifer (reife) Äpfel* (вместо *mit einem Korb reifen Äpfeln*).

В нормативной грамматике Г.Хельбиг и Й.Буша рекомендуют использовать согласование в том случае, если первый компонент обозначает меру (*Tasse, Glas, Tropfen, Portion*). Генитивные конструкции характерны для словосочетаний с первым компонентом, обозначающим неопределенное количество (*Menge, Reihe*).

Таким образом, зарубежные авторы связывают выбор вида подчинительной связи с семантикой первого компонента, с падежной формой первого компонента, с числом и родом второго компонента. Отечественные германисты неоднократно подчеркивали зависимость выбора вида подчинительной связи от семантики первого компонента и пытались классифицировать существительные, выступающие в качестве первого компонента. Так, Т.Г.Попова выделяла только две группы существительных, используемых в количественных словосочетаниях. Это существительные с основным значением собственно меры, длины, площади, веса, а также существительные, значение количества у которых производно (*Glas*). Эта классификация не отражает всего многообразия количественных существительных. Е.К.Габриэлитэ считает, что в качестве первого компонента в таких словосочетаниях употребляются существительные, обозначающие меру (*Liter, Tafel*), неопределенное множество (*Herde, Schluck, Bündel*), число (*Dutzend*), отрезок времени (*Weile*). Здесь в одну группу попадают существительные с разными значе-

ниями, например, существительное со значением некоторой совокупности животных (*Herde*), количества, получаемого в результате одного акта действия (*Schluck*), и стандартной меры сельскохозяйственных продуктов растительного происхождения (*Bündel*). На наш взгляд, наиболее подробная классификация предложена Е.С.Кутасиной. Так, существительные могут обозначать:

1) числа (*Paar, Dutzend, Hundert*); 2) единицы измерения веса, объема, длины и т. п. (*Gramm, Meter*); 3) бытовые единицы измерения (*Glas, Löffel, Tasse*); 4) стандартную меру или количество (*Flasche, Schoppen*); 5) не называемое точно, но известное количество (*Portion, Lage*); 6) часть целого (*Teil, Rest*); 7) неопределенно-большое количество (*Menge, Unzahl*); 8) неопределенно-малое количество (*Prise*); 9) некоторое неопределенное количество (*Anzahl, Gruppe*).

Ко всем вышеперечисленным факторам необходимо добавить зависимость выбора вида подчинительной связи от семантики существительных, выступающих в роли вторых компонентов. Были выявлены существительные, которые тяготеют к употреблению в словосочетаниях либо с управлением, либо с согласованием. Так, существительные, обозначающие вещества, употребляются в словосочетаниях, организованных на основе всех трех видов подчинительной связи. Следует отметить роль индивидуальных предпочтений писателей. Например, П.Зюскинд во всех произведениях прибегает исключительно к генитивному управлению, а Г.Грасс оформляет количественные словосочетания в большинстве случаев при помощи согласования. Как показали результаты проведенного исследования, на выбор одной из конкурирующих конструкций влияют все вышеупомянутые факторы. В данной статье мы остановимся на семантике существительных, выступающих в роли первых компонентов, и попытаемся выяснить, каким образом влияет значение точности и приблизительности на выбор вида подчинительной связи. Источниками материала послужили произведения художественной литературы XVII–XX веков, а также современные периодические издания. Сопоставление материалов XVII, XVIII, XIX и XX веков позволяет судить о динамике формирования нормы употребления рассматриваемых словосочетаний.

Согласно классификации Е.С.Кутасиной, в первой группе субстантивных словосочетаний интересующего нас типа первый ком-

понент представлен существительными со значением целого и дробного числа (*Paar, Dutzend, Mandel, Schock, Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Billion*). Счетные существительные по своему значению близки к числительным. Их отличие от последних заключается в том, что они характеризуют предмет как совокупность, в то время как числительные указывают на их единичность, обособленность друг от друга.

	XVII в.			XVIII в.			XIX в.			XX в.			XX в. пер. изд.		
	у ¹	с	п	у	с	п	у	с	п	у	с	п	у	с	п
1 группа															
<i>Paar</i> ('пара')	4	8	1	6	42	–	6	32	–	59	105	–	3	7	–
<i>Dutzend</i> ('дюжина')	2	4	–	4	13	–	18	10	–	80	52	–	37	36	–
<i>Schock</i> ('60 штук')	–	1	–	–	–	–	2	4	–	1	–	–	–	–	–
<i>Hundert</i> ('сотня')	–	–	–	7	3	–	2	–	–	13	13	–	27	176	–
<i>Dutzende, Hunderte</i> (('сотни'))	–	3	–	1	1	–	1	–	–	33	7	–	56	21	–
2 группа															
Gramm, Hektar, Liter, Meter	1	7	7	2	10	6	13	6	–	50	78	–	44	83	–
3 группа															
Glas ('стакан'), Löffel (('ложка'), Teller ('тарелка'), Tasse ('чашка'))	2	3	–	5	7	1	21	17	–	68	87	5	7	7	–
4 группа															
Flasche ('бутылка'), Sack (('мешок'), Korb ('корзинка'))	–	7	2	3	4	1	13	9	1	93	83	–	11	8	–
5 группа															
Portion ('порция'), Posten (('партия товара'))	–	–	–	1	–	–	–	–	–	12	14	–	2	–	–
6 группа															
Stück ('кусок, часть'), Scheibe ('ломтик')	3	8	8	7	10	5	22	26	1	146	158	1	37	24	–
7 группа															
Menge ('куча, груда, толпа'), Haufen ('куча, толпа'),	14	10	1	44	5	–	80	3	–	195	26	–	50	7	–
8 группа															
Tropfen ('капля'), Schluck (('глоток'))	1	4	1	5	4	2	13	1	1	37	19	1	20	4	–
9 группа															
Anzahl ('множество'), Herde ('стадо'), Bündel (('пучок'))	9	2	–	30	3	–	127	3	–	255	15	–	43	–	–

¹ Условные обозначения: у – управление, с – согласование, п – примыкание.

В вышеприведенной таблице все счетные существительные рассматриваются отдельно. Существительное *Paar* переводится как 'пара, чета'. В качестве второго компонента могут выступать существительные, обозначающие конкретные предметы, которые употребляются или функционируют вместе и составляют целое (части тела, предметы одежды). Для таких существительных принято выделять специальное значение – парное множественное. Также в роли вторых компонентов могут употребляться одушевленные предметные существительные. Таким образом, существительное выступает в значении точного указания количества предметов или живых существ. Для словосочетаний с существительным *Paar* в XVII веке наблюдается незначительное преимущество конструкций с согласованием (соответственно, 4 и 8 примеров):...*die hatte ein paar gläserne ganz feurige Augen* (Г.Гриммельсгаузен); к тому же как конкурент используется конструкция с примыканием: ...*verehrte er ... ein paar seiden Strümpff* (Й.Шупп). В XVIII и XIX веках существенно преобладает согласование (соответственно, 6 и 32 примеров):...*daß er ihn nebst seiner Frau, und noch ein Paar guten Freunden besuchen dürfte* (К.Виланд); *Es sind ein Paar liebe Augen!* (В.Паабе), а в XX веке как в языке художественной литературы, так и в периодической печати согласование как вид подчинительной связи используется примерно в два раза чаще, чем генитивное управление: *Der dicke Mann zog ein Paar seidene Strümpfe aus dem Koffer*. (М.Кашнитц).

Для существительного *Dutzend* толковые словари немецкого языка выделяют два значения: 1) *Dutzend* – 'количество из 12 штук'; 2) *Dutzende* (во множественном числе, без артикля) – 'неопределенное количество'. Однако анализ фактического материала показал, что существительное *Dutzend* имеет лексико-семантический вариант приблизительного количества не только в тех случаях, когда оно стоит во множественном числе без артикля, но и при употреблении его в единственном числе (без артикля или с неопределенным артиклем). Вместе с тем не всегда представляется возможным точно определить, указывает ли говорящий на точное или приблизительное количество предметов. Для количественных словосочетаний с первым компонентом – существительным *Dutzend* ('количество из 12 штук') в XVII и XVIII веках характерно преобладание согласования (соответственно, 2 и 4 примера; 4 и 13 примеров): *Es waren sechs Dutzet Altfränkische silberne Tischbecher*

(Г.Гриммельсгаузен); *...der ein Dutzend schon zugeschnittene starke Gänsekiele vor sich liegen hat* (К.Виланд), а в XIX и XX веках словосочетания организованы преимущественно при помощи генитивного управления: *Doktor Kreuz gab Michael ein Dutzend ausgewählter Bücher mit* (Л.Франк). В периодических изданиях примерно в равной степени представлены управление и согласование. Если же в качестве первого компонента выступает существительное *Dutzende*, обозначающее неопределенное количество, то соотношение конструкций, оформленных при помощи генитивного управления и согласования, меняется. Так, в языке немецкой художественной литературы XX века словосочетания, оформленные при помощи генитивного управления, представлены 11 примерами, а при помощи согласования – только одним примером: *Dutzende kleiner Mädchen klettern schnatternd in die Abteile* (Э.Кестнер); *...wo Dutzende funkelnde Instrumente lagen* (Л.Франк). В периодических изданиях конструкции с управлением встретились примерно в четыре раза чаще.

Для существительного *Schock* толковые словари немецкого языка выделяют также два значения: 1) *Schock* – ‘количество из 60 штук’; 2) *Schock* – ‘неопределенное количество (куча, ватага)’. В своем первом значении существительное употребляется в словосочетаниях, оформленных при помощи как управления, так и согласования, а во втором значении – исключительно при помощи управления.

Для существительных *Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Billion* все современные толковые словари фиксируют два значения: 1) *Hundert, Tausend* – ‘единство сотен, тысяч предметов’; 2) *Hunderte, Tausende* – ‘приблизительное количество’. Употребление существительных со значением точного количества не характерно для художественных произведений, поэтому они представлены малым количеством примеров. Богатый материал предлагается в периодических изданиях (соответственно, 27 и 176 примеров): *Für 14 Millionen westdeutsche Haushalte standen nur noch 8 Millionen Wohnungen zur Verfügung* (Шпигель, № 27: 99); *...der mit 6 Millionen weißer Glasscherben bedeckt ist* (Шпигель, № 16: 95). Здесь наиболее частотной является конструкция с согласованием. Иначе обстоит дело с квантитативными словосочетаниями, где первый компонент – существительное, обозначающее приблизительное количество (*Hun-*

derte, Tausende). В данном случае словосочетания преимущественно организованы на основе управления. В языке немецкой художественной литературы словосочетания, оформленные при помощи управления, представлены 33 примерами, а при помощи согласования – 7 примерами. При этом в периодических изданиях конструкции с управлением встретились примерно в три раза чаще.

Таким образом, в словосочетаниях с первым компонентом – существительным, обозначающим точное количество (*Paar, Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Billion*), отдается предпочтение согласованию. Вероятно, это связано с тем, что существительные обозначают точное количество, и поэтому вторые компоненты словосочетаний ведут себя так, как если бы перед ними стояли числительные. В то же время словосочетания с первыми компонентами, выраженными существительными *Dutzend, Schock, Hundert, Tausend, Million, Milliarde, Billion*, семантика которых в некоторых случаях отходит от обозначения точных чисел и приближается к значению некоторого небольшого (*Dutzend*) или довольно большого количества (*Schock, Tausend, Million, Milliarde, Billion*), оформлялись преимущественно при помощи генитивного управления.

Во второй группе словосочетаний представлены существительные со значениями единиц измерения веса, длины, площади и т.д., и они обозначают не только точное количество предметов и веществ – для них характерно также наличие лексико-семантического варианта приблизительности в том случае, если существительное употребляется во множественном числе и без артикля (*Sekunden, Minute, Stunden*). В XVII–XVIII веках словосочетания этого типа со значением точного количества оформляются преимущественно при помощи согласования и примыкания: *...und er bekam 4. Ellen blauen Europeischen Atlas* (А.Олеариус); *...und sie muß eine Elle gut Tuch sehen* (А.Олеариус). В XIX веке преобладают конструкции с управлением: *Herr Carstens wurde ein respektable Mann von 100000 Mark jährlichen Umschlags* (К.Гутцков), а в XX в. – с согласованием: *Einhundert Kilo reines Morphin!* (Г.Конзалик). Если в качестве первого компонента употребляются существительные со значением приблизительности, то словосочетания организованы преимущественно при помощи управления: *Auch findet sich an diesem Tier kein Gramm reinen Fleisches* (Б.Фришмут).

В остальных группах словосочетаний существительное в позиции первого компонента обозначает приблизительное количество предметов, веществ и т.д. При этом если в 3, 4, 5, 6, 7 и 8 семантических группах генитивная конструкция и конструкция с согласованием используются примерно в равной степени, то в группах, где первые компоненты обозначают большое количество и некоторое неопределенное количество (множество), существенно преобладает управление (а иногда является единственно возможным способом организации рассматриваемых конструкций), и это прослеживается на протяжении всех рассматриваемых периодов. Обращает на себя внимание тот факт, что конструкции с первым компонентом, обозначающим род (вид) объединения людей, животных или предметов (*Schar, Schwarm, Gruppe, Horde, Herde, Trupp, Rudel, Rotte, Keil, Pulk*), организованы исключительно при помощи генитивного или предложного управления. То, что эти словосочетания практически закрыты для проникновения согласования, объясняется, по всей видимости, семантикой первого компонента. У существительных рассматриваемой группы семантический признак 'некоторое неопределенное количество однородных предметов' не является основным. Перечисленные существительные обозначают прежде всего род, вид объединения людей, животных или предметов. Существительное в позиции второго компонента может рассматриваться лишь как часть целого, а в немецком языке центральной (и наиболее частотной) для выражения отношения «часть – целое» является генитивная конструкция. Как показал анализ материала, в данной семантической группе существует **жесткая зависимость от предпочтений автора в выборе вида подчинительной связи**. Так, в произведениях Г.Грасса обнаружены примеры, в которых выбранный вид подчинительной связи не характерен для других авторов. Словосочетания с первым компонентом – существительным, обозначающим неупорядоченные множества, социально или функционально упорядоченные группы, естественные и окультуренные множества живых существ, сочетающиеся с одушевленными предметными существительными, оформлялись начиная с XVII века всеми авторами художественных произведений исключительно при помощи генитивного или предложного управления: *...daß als neulich eine große Truppe fremder Gäste angelanget* (Г.Мошерош); *Und so floh auch ein Schwarm junger Wespen hervor* (Г.Лессинг); *Hierauf folgte ein Rudel*

fahrender Fräulein (Г.Гейне). Однако Г.Грас выбрал для подобных словосочетаний согласование как вид подчинительной связи, ср: *ein Grüppchen schlesische Neusiedler, mehrere Reihen uniformierte Parteigenossen*.

В процессе исследования обнаружено, что исторически сложившиеся способы грамматического оформления квантитативных словосочетаний рассматриваемого типа не претерпели существенных изменений. Единая норма синтаксического оформления так и не сложилась. Вместе с этим подтверждается гипотеза о том, что синтаксическое оформление данных конструкций определяется не только грамматическими характеристиками их компонентов, семантикой входящих в их состав существительных, индивидуальными авторскими предпочтениями, но и тем, обозначает ли существительное в позиции первого компонента точное или приблизительное количество людей, предметов и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М., 1963.
- Габриэ Е.К. Немаркированные падежные формы в современном немецком языке. Дисс... канд. филол. наук. М., 1971.
- Кутасина Е.С. Раевский М.В. Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа *ein Liter Wasser* и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2, 1985.
- Betcke B. Deutscher Sprach – Ratgeber. Leipzig, 1947.
- Blatz Fr. Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. 3. völlig neu bearb. Aufl. Karlsruhe, 1896. Bd. II. Satzlehre.
- Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 4. neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim etc., 1997. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)
- Mensing O., Erdmann O. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Stuttgart, 1898.

Е.В.Лузгина

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОПТИМАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ РОДНОЙ И ИНОСТРАННОЙ РЕЧИ НА УРОКЕ: экспериментальное исследование

Среди огромного числа психолингвистических работ особый интерес для нас представляют те, в которых рассматриваются прикладные аспекты научных результатов. В частности, существует целое направление исследований, связывающих достижения психолингвистики с различными аспектами процесса обучения языку. С этой точки зрения представляется весьма перспективным моделирование речевой деятельности на основе концепции Л.С.Выготского. В ее рамках перед теорией обучения второму языку ставятся вполне конкретные задачи экспериментального исследования психологических механизмов порождения речи на родном и иностранном языке. Под углом зрения разнообразных моделей речевой деятельности рассматриваются и существующие методики обучения.

В настоящее время преподавателями иностранного языка отдается предпочтение *коммуникативной направленности* обучения¹. Самый главный аспект в коммуникативном подходе – это говорение, а поскольку на уроке основным «говорящим субъектом» является учитель, то встает вопрос о том, какова роль речи учителя в процессе преподавания. Было бы интересно, в частности, исследовать соотношение родной и иностранной речи, звучащей на уроке иностранного языка. Именно этому мы посвятили свое экспериментальное исследование.

Сколько времени должна звучать английская речь в течение урока? Обычно методисты ограничиваются общими рекомендациями типа: «Урок следует, по возможности, вести на иностранном языке». Однако было бы странным, например, огорошить длинным

¹ Ср. *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иностранному говорению. М., 1985.

английским монологом детей первого класса, пришедших на первый урок. Конечно, не менее странным был бы аналогичный монолог на русском языке в десятом классе. Во всех случаях следует искать наиболее оптимальное соотношение звучания и английской, и русской речи – это относится в равной мере и к учителю, и к учащимся.

На данном этапе исследования особый интерес представляет разработка методов соответствующего анализа. Так, необходимо овладеть методикой хронометрического мониторинга урока, т.е. поминутного отчета обо всех его компонентах.

По ряду публикаций в журнале «Иностранные языки в школе» можно судить о том, что попытки проведения подобного мониторинга уже предпринимались. В частности, оценивались такие параметры, как доля высказываний учителя во всем объеме предложений, звучащих на уроке; отношение длительности речи учителя на иностранном языке к его же речи на русском языке и т.д. Эти данные служили для нас отправной точкой.

Постановка задачи

Целью нашего исследования было проанализировать построение уроков разными преподавателями обычной школы, прежде всего, в части соотношения английской и русской речи, звучащей на всех этапах урока. Основной вопрос, который при этом стоял перед нами, – действительно ли существует связь между указанным соотношением и успешностью обучения. Методики сопоставляются путем хронометрического мониторинга уроков.

Планирование эксперимента

Для эксперимента предполагалось отобрать две группы учащихся одного класса, которые занимаются у двух разных преподавателей.

Эксперимент включает три этапа:

1. Фиксируются исходные данные: хронометрические параметры уроков и результаты тестирования знаний английского языка в двух группах.

2. В течение года проводится апробирование двух методик преподавания. В первой группе (далее гр. 1) преподаватель продолжает работать по своей методике; во второй группе (далее гр. 2) применяется принципиально другая методика, осуществляемая новым преподавателем.

3. Повторное тестирование знаний английского языка в двух группах.

Этап 1. Получение исходных данных

К эксперименту были привлечены ученики 6 класса средней школы (г. Электрогорск Московской области). Все они учили английский язык с 5 класса.

Класс разделен на две языковые подгруппы: группа 1 (*контрольная*), 11 учеников, и группа 2 (*экспериментальная*), 13 учеников. В каждой подгруппе – свой преподаватель (на момент начала исследования это были Н.А. в гр. 1 и Г.Н. в гр. 2, соответственно).

Хронометрический мониторинг уроков

Экспериментатор в течение двух недель (апрель 2003 года) посещал уроки английского языка в каждой группе. Присутствуя на уроках, он фиксировал длительность всех видов деятельности учителя и учеников². Преподаватели имели выраженные различия в примененной ими хронометрической схеме проведения уроков, но каждый из них последовательно придерживался выбранной для себя схемы на *всех* занятиях.

Для каждого преподавателя был составлен типичный временной «срез» урока. Интересно было оценить степень вовлеченности учеников в учебный процесс. С этой целью мы ввели простую меру (B), которая вычисляется следующим образом. Суммируется число учеников, которые вовлечены в учебную деятельность в каждом из выделенных видов деятельности, и сумма делится на 40 (длительность урока – 40 мин.). Другими словами, показатель B говорит о том, сколько учеников в среднем было вовлечено в учебную деятельность в каждую минуту урока.

Расчеты дали следующие результаты: B (Н.А.) = 1,25; B (Г.Н.) = 1,35. Можно заключить, что по этому показателю методика обоих преподавателей практически не отличается.

Обсуждение результатов

В соответствии с поставленной нами задачей мы интересовались, прежде всего, соотношением времени звучания иностранной и родной речи. Результаты наблюдений представлены в таблице 1.

² В обоих случаях было выделено примерно 10 видов деятельности: чтение и перевод текста из учебника, запись слов, грамматические упражнения, отвлечения организационного плана и т.п.

Таблица 1

Соотношение числа фраз, произнесенных на русском и английском языках (в среднем в течение одного урока)³

	Уроки Н.А., гр.1		Уроки Г.Н., гр.2	
	Учитель	Ученики	Учитель	Ученики
Русский яз.	131	39	87	53
Английский яз.	50	57	64	71
Всего	181	96	151	124

Из приведенных данных видно, что общее число прозвучавших на уроках фраз в среднем у обоих преподавателей было практически одинаковым (гр. 1 – 277, гр. 2 – 275). Однако в остальных отношениях показатели учителей оказались весьма различными.

1. Соотношение длительности звучания речи учителя и учеников

В гр. 1 учитель говорил почти в два раза больше, чем все ученики вместе взятые; в гр. 2 доля учеников была существенно выше (около 46 %). При этом на родном языке преобладание речи учителя было особенно заметным (77 % в гр. 1 и 62 % в гр. 2). Отрадно, что на английском языке в обеих группах ученики говорили больше, чем учитель (53 % в гр. 1 и почти столько же в гр. 2).

2. Соотношение родного и иностранного языка в речи учителя

В гр. 1 преподаватель явно предпочитал говорить на русском языке (72 % всех высказываний). В гр. 2 это предпочтение оказалось не столь явным (всего 58 %).

3. Соотношение родного и иностранного языка в речи учеников

В гр. 1 59 % высказываний учеников было на английском языке, в гр. 2 таких высказываний оказалось 53 %.

Итак, подытожим результаты. Общая речевая продуктивность в обеих группах была примерно одинаковой, однако в гр. 1 это было, прежде всего, за счет преподавателя. Еще один важный показатель: высказывания на английском языке звучали существенно чаще в гр. 2 (49 %); в гр. 1 этот показатель составил всего 38 %.

Для более эксплицитного сопоставления данных по двум группам сведем их в одну таблицу, добавив информацию по другим школам⁴.

³ Мы считали «фразой» и отдельные слова, например: «Садись!», «Молодец» и т.п.

⁴ Данные по другим школам почерпнуты из публикаций в журнале «Иностранные языки в школе».

Таблица 2

Анализ параметров урока по данным 6 класса

Параметры	Учителя		Средние данные по школам России
	Н.А.	Г.Н.	
Общая речевая продуктивность (число фраз)	277	275	339
Доля речи учителя в общем объеме фраз, %	на обоих языках	65,3	54,9
	на русском языке	77,1	62,1
	на англ. языке	46,7	47,4
Отношение речи на ИЯ к речи на русск. языке	у учителя	0,38	0,74
	у учеников	1,46	1,34
Показатель B вовлеченности учеников в учебную деятельность на уроке	1,25	1,35	–

Из данных табл. 2 следует три вывода:

1. Обе учительницы отличаются относительно небогатой речевой продукцией: количество задействованных на уроке фраз на обоих языках значительно ниже среднего уровня. В этом отношении они похожи. Также не различаются они по степени вовлеченности учеников.

2. Учительница Г.Н. говорит относительно меньше, чем Н.А. (в особенности, если оценить ее долю высказываний на родном языке).

3. На уроке учительницы Г.Н. доля иноязычной речи в два раза выше, чем на уроках Н.А.

Исходя из сказанного, можно было бы ожидать, что успехи учебной группы Г.Н. окажутся выше. Однако следует учесть, что на момент эксперимента Г.Н. проработала с группой очень непродолжительное время, а средняя подготовленность ее учеников была значительно слабее, чем в группе Н.А., поскольку эта группа ранее долго была без преподавателя.

Первичное тестирование

Для практического тестирования знаний по английскому языку необходимо было выбрать такой тест, который отвечал бы современным требованиям и одновременно был бы по силам нашим ученикам. Наиболее подходящим в этом смысле нам показался тест, разработанный А.П.Василевичем⁵. Этот тест ориентирован как раз

⁵ Василевич А.П. Английский язык. Игровой курс для детей. Дубна, 2001.

на начальный уровень обучения. Он компактен, имеет ясно сформулированные задания, ключ, и самое важное, нормирован на большом количестве учащихся.

Как показали результаты первого тестирования, между лучшими и худшими учениками в обеих группах существует огромный разрыв.

Уместно заметить, что по данным А.П.Василевича для учащихся 6 класса ожидаемый средний уровень должен был составить порядка 70–80 баллов. В наших двух группах средний результат существенно уступает этому показателю. Можно говорить о том, что уровень знаний наших учеников соответствует примерно концу первого года обучения, т.е. они сильно отстают.

Так или иначе, приступая ко второму и третьему этапам исследования, мы зафиксировали степень владения языком каждого ученика. Важно отметить и тот факт, что на момент начала эксперимента ученики гр. 2 в целом *знали язык хуже*, чем ученики гр. 1. Однако это связано не столько с особенностями методики, сколько с тем фактом, что в гр. 2 в предыдущем году обучения уроки проводились крайне нерегулярно.

Этап 2. Обучение

Согласно принятому нами плану исследования, в экспериментальной группе в течение учебного года (с сентября 2003 г. по апрель 2004 г.) занятия проводились автором настоящей работы (Е.В.) по усовершенствованной методике построения урока. В контрольной группе преподаватель Н.А. продолжал работать по своей методике.

Этап 3. Заключительный контроль

Повторный мониторинг уроков

Урок Н.А. был проведен 2 марта 2004 г. На уроке присутствовали все 11 учеников учебной группы. Урок Е.В. был проведен 6 марта 2004 г. На уроке присутствовали все 13 учеников учебной группы. Результаты проведенного нами мониторинга урока были представлены в том же формате, что и результаты первого мониторинга.

Проверим, прежде всего, изменилась ли степень вовлеченности учеников на уроке. Как мы говорили, этот показатель *V* самым тесным образом связан с методикой проведения урока (напомним, что в группе 2 учитель сменился):

	Группа 1	Группа 2	
	Н.А.	Г.Н.	Е.В.
1-ый мониторинг	В = 1, 25	В = 1, 35	
2-ой мониторинг	В = 1, 30		В = 3,7

Итак, в гр. 1 (Н.А.) показатель В практически не изменился, в гр. 2 (Е.В.) заметен явный прогресс. Значит, действительно, применяемые преподавателями методики стали существенно различаться.

Посмотрим теперь, как соотносятся данные по звучанию речи на уроках двух преподавателей (табл. 3). Из таблицы 3 мы видим, что на уроке в гр. 2 речь в целом звучит значительно дольше. В гр. 1 (Н.А.) этот показатель – 277 фраз (в 2003 г. было чуть больше – 320). В гр. 2 в 2003 г. он составил примерно ту же величину – 275, а сейчас при учителе Е.В. он составляет 1015!

Таблица 3

Соотношение английской и родной речи (урок 2004 г.)

	Н.А.		Е.В.	
	Речь учителя	Речь учеников	Речь учителя	Речь учеников
русский яз.	140	63	227	222
английский яз.	67	50	305	261
Всего	207	113	532	483

Повторное тестирование

В обеих учебных группах было проведено повторное тестирование. Оно проходило точно так же, как и год назад. По итогам этого тестирования можно смело утверждать, что гр. 2 явно стала знать английский язык лучше. Если говорить об индивидуальных изменениях, то в контрольной группе после целого года обучения улучшение зафиксировано всего у троих, а у четверых учеников результат оказался даже хуже! В экспериментальной группе 8 человек из 13 улучшили результат, и только двое ухудшили. Наибольшее улучшение продемонстрировали пять человек, которые год назад были самыми худшими в группе – их показатель вырос в среднем почти в два раза.

Итак, методика Е.В. оказалась более эффективной. Посмотрим, чем именно она отличается от методики Н.А. С этой целью рассмотрим отдельные параметры урока. В табл. 4 приводится отношение показателей конкретного преподавателя к среднему по школам России.

Таблица 4

Отклонение от среднего для разных параметров

П а р а м е т р ы		6 класс		7 класс	
		Н.А.	Г.Н.	Н.А.	Е.В.
Общая речевая продуктивность		0,82	0,81	1,03	3,26
Доля речи учителя во всем объеме предложений	на обоих языках	1,14	0,96	1,22	0,99
	на русском языке	1,11	0,90	1,17	0,86
	на английском языке	0,84	0,85	1,09	1,02
Отношение речи на англ. яз. к речи на русском языке	у учителя	0,04	0,08	0,04	0,11
	у учеников	0,08	0,08	0,05	0,08
Показатель <i>B</i> вовлеченности учеников в учебную деятельность на уроке ⁶		1,0	1,08	1,04	2,96

Выше мы уже предположили, что методика учительницы Г.Н. несколько более удачная, чем методика Н.А., хотя в силу объективных причин ее достоинства не смогли проявиться на практике. Из табл. 4 следует, что Е.В. отличается от Н.А. в точности в том же направлении, что и Г.Н., только более существенно. Поскольку Е.В. проработала с группой целый год, плоды ее методики должны были проявиться. Так и произошло: прогресс учеников Е.В. был максимальным.

Заключение

Проведенное нами исследование дает основание для нескольких рекомендаций:

- 1) Объем общей речевой продукции должен быть максимальным.
- 2) Вовлеченность учеников в учебный процесс должна быть по возможности максимальной.
- 3) Доля речи учителя в общем объеме высказываний на обоих языках должна быть по возможности меньше. Разумеется, до известного предела: учитель не может вообще молчать. Для определения оптимального соотношения речи учителя и учеников требуется более обширное исследование.
- 4) Доля иноязычной речи должна существенно превышать долю высказываний на родном языке. Однако и в данном случае для определения *оптимального* соотношения требуется более обширное исследование.

⁶ Поскольку этот показатель в исследованиях по средним школам не определялся, мы взяли в качестве точки отсчета минимальное из зафиксированных значений показателя (1,25 ученика в минуту).

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Прежде чем перейти к изложению вопроса, следует четко ограничить и уточнить направление исследования, дабы избежать последующих неточностей. По сути своей прагматика художественного перевода указывает на методологическую установку переводчика [ср. ЛЭС 1990]: первоочередность плана содержания либо примат выражения / формы в его деятельности.

Поскольку художественный перевод, как и любой языковой феномен, является продуктом деятельности человека и направлен на него же, вбирая в себя всю противоречивость социальных и индивидуальных признаков субъекта, он получает, в конечном итоге, свое оформление как явление и социологического плана.

Нарастающая интенсивность информационных потоков на фоне коммуникативного бума диктует качественно иные императивы социализации и индивидуализации субъекта. Соотношение внешнего информационного объема и внутренней когнитивной потребности его присвоения крайне нестабильно в силу их несоизмеримости, что и обуславливает в ситуации выбора ощущение неопределенности. Постоянное воздействие данных факторов требует актуализации более гибкого механизма перманентного переосмысления мотивов деятельности и своих потребностей в осуществлении каждого ее этапа. Процесс этот осуществляется и на уровне сознательном, и с участием подсознательных реакций, которые включаются в том случае, когда происходит снижение интеллектуальной напряженности и других активных раздражителей. Таким ситуативным раздражителем может выступать коммуникация во всем ее многообразии, в том числе и межкультурная. Одним из конституирующих компонентов такой межкультурной интеракции в определенной мере может считаться художественный перевод. Внимание сосредоточено на нем в силу указанных параметров-ограничителей (относительное снижение интеллектуальной напряженности). Безусловно, в данном случае речь скорее идет не о самом процессе художественного перевода, а о восприятии его конечного продукта (некоторого текста). Оно также может быть активным и пассивным, и последняя модуляция процесса предполагает даже больший эффект интериориза-

ции, опосредованный действием подсознательных механизмов оп-редмечивания.

Любой ли художественный перевод способен апеллировать к подсознательным каналам восприятия, и каковы критерии оптими-зации перевода? Можно попытаться и свести воедино наиболее упо-минаемые критерии:

- «1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться, как произведение, современное пе-реводчику» [Комиссаров 1973: 31].
9. В переводе допустимы добавления и опущения.
10. В переводе не допустимы добавления и опущения.
11. Переводить стихи следует прозой.
12. Переводить стихи следует в стихотворной форме [ср. Ко-миссаров 1973: 31].

Рассмотрим теорию эквивалентности оригинала и перевода (на разных уровнях содержания), предложенную В.Н. Комиссаровым. Основанием ее становится выделение в плане содержания оригина-ла и перевода пяти содержательных уровней: «1) уровень языковых знаков; 2) уровень высказывания; 3) уровень сообщения; 4) уровень описания ситуации; 5) уровень цели коммуникации. В процессе пе-ревода устанавливаются отношения эквивалентности между соот-ветствующими уровнями оригинала и перевода. Единицы оригина-ла и перевода могут быть эквивалентны друг другу на всех пяти уровнях или только на некоторых из них. Конечная цель перевода заключается в установлении максимальной степени эквивалентно-сти на каждом уровне» [Комиссаров 1973: 76]. При детальном рас-смотрении, вероятно, данная теория может явиться своеобразным консенсусом или конвенциональной моделью в силу своей органи-зации, позволяющей разного рода индивидуальные допущения и всесторонне описывающей сам процесс перевода. Однако здесь может привлечь внимание неоднозначность термина **эквивалент-**

ность и его понятийное «наполнение». В случае его трактовки как точного соответствия / прямого отображения (поскольку прямые эквиваленты в переводческих вариантах художественного текста достаточно редки) вышеизложенная теория выглядит не так убедительно.

Опираясь на модель перевода художественного текста, можно говорить о включении единой структуры художественного текста в два типа процессов: план выражения перекодируется средствами другого языка и культуры в план выражения перевода, а план содержания транспонируется в план содержания перевода. Если перекодирование является преимущественно процессом языковым и формальным, то транспонирование связано с пониманием содержательной структуры текста (поэтической модели) и является преимущественно процессом литературно-художественным. В идеальном случае они выступают взаимозависимыми частями двуединого процесса. Идеальной актуализацией данной модели выступает перевод **адекватный** [ср. Тороп 1995: 26–27].

Поскольку стержневой сущностью художественного перевода является художественный текст, на следующем этапе целесообразным представляется рассмотрение данного объекта. Ответ на вопрос, насколько художественный текст присутствует в жизненном пространстве индивида, казалось бы, очевиден. Однако можно уточнить целевую ориентированность художественного текста на человеческое бытие (некой культурной матрицы, несущей в себе информацию макро- и микросоциума). Последние десятилетия развития мировой геополитической ситуации становятся своеобразным знаком весьма противоречивых процессов, связанных со столкновением этнических интересов в различных сферах межнационального взаимодействия. Как правило, речь идет о двух взаимоисключающих тенденциях: императиве стабилизации экономического благосостояния нации (стремление к экономической кооперации) и императиве национального самоопределения этноса (инстинкт самосохранения в силу экспансии авторитарных культур). Кроме того, нельзя не учитывать, что глобализационные импульсы, набирающие все большую амплитуду воздействия, ведут к интеграционной реконструкции социума, которая не может не отражаться на индивидуальном миропонимании человека как органической единицы этноментального сознания, поскольку культура в значительной ме-

ре является организационной формой сознания: состоит из элементов человеческой вербально-коммуникативной деятельности [Фикс 2001: 80]. Иначе говоря, представляется невозможной элиминация билатеральной связи: человек – культура (человек конституирует культуру, культура является микрокосмом человека). Поэтому становится важным изучение процесса формирования внутренней культуры индивида и его компонентов, коим и может являться художественный текст как структурная единица базиса индивидуального сознания: он может интерпретироваться в качестве индивидуальной проекции культуры конкретной социоэтнической общности, несущей в себе всю совокупность информации о релевантных психокommunikативных схемах данного социума. На первый план выходят такие функции художественного текста, как консолидация, трансформация и трансляция культурного потенциала социальной (этнической) формации, способствующие не только межэтническим контактам, но и адаптационному развитию личности. В связи с этим логичной кажется попытка рассмотрения психолингвистических интерпретаций значимости художественного текста как единицы аксиологически структурирующего смысла социальной жизни индивида (текст – языковая сущность – трактуется как сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связанностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой [Лукин 1999: 5]; текст – сущность психологического порядка – рассматривается далее).

Изначально, видимо, следует обратить внимание на структуру процесса социализации индивида и на место, занимаемое в нем текстами материнской культуры и текстами других культур, внешних субъекту (конечно, речь идет о значительном упрощении картины социализации и сведении ее лишь к познающей литературной деятельности индивида). Соответственно, ее ядерные пласты составляют художественные тексты внутренней (материнской) культуры, а периферию – тексты внешних (иностраных) культур. Ядерные пласты становятся аксиологически значимыми на начальных этапах, а по мере развития индивидуальности все большее значение приобретают периферические пласты [Gauchet 1998]. Иначе говоря, органическим компонентом социализационного процесса становится перевод как моделирование ментальной сферы одной этнокуль-

турной формации в языковой системе другой. Тогда можно более четко обозначить круг проблем, связанных с рассмотрением переводного художественного текста в качестве объекта исследования: в отличие от человека говорящего, находящегося внутри «своей» семиосферы (она понимается как конгломерат объектов, событий, фактов и оценок, принятых в данной социальной формации), переводчик попадает в пересечение, по крайней мере, двух семиосфер: «своей» и «чужой», представленной подлежащим переводу текстом [Базылев, Сорокин: 2000: 56]. Если к тому же учитывать, что исходный текст является реализацией индивидуальной (авторской) модели мира [Лукин, 1999: 93–94], то можно констатировать тот факт, что переводческая деятельность детерминирована, по меньшей мере, двумя семиотическими моделями мира (картинами мира): национальной (этнической) и индивидуальной. Однако есть и другая сложность – тройственная природа художественного текста: с одной стороны, текст есть материальная реализация идеальной интенции автора; с другой стороны, текст служит для передачи от коммуниканта к коммуниканту определенных смысловых структур, и в этом случае выявляется его идеальная сущность; а в – третьих, текст – один из конституентов коммуникативного акта. Отсюда и другой детерминирующий фактор – неизбежная материализация идеальной сущности текста и его знаковая спецификация, что неизбежно приводит к искажению его семантической структуры.

Итак, принимая во внимание указанные характеристики художественного текста, можно сделать заключение, что он несет в себе аксиологическую функцию, являясь структурирующим элементом индивидуального культурного сознания, своеобразным результатом внешней и внутренней диалектики. Он есть не что иное, как сумма взаимодействий идеальной и материальной сущностей художественного текста, соотношения ядерных и периферических текстовых структур в процессе личностной социализации, а также наложения семиосфер внешней и материнской культуры и индивидуальной семиосферы автора в текстах периферических пластов (переводных художественных текстах).

Иначе говоря, результатом художественного перевода должен стать некий объект, обладающий набором указанных характеристик и реализующий аксиологическую функцию (заданную как оригиналом, так и той социальной ролью, которую должен играть перевод).

С этой точки зрения требование **адекватности** перевода оказывается недостаточным и требует дальнейшего уточнения. Видимо, следует изначально разграничить перевод прецизированный (линейное «перенесение» языковых конструкций в сферу иного языка с максимальным снижением преобразовательного потенциала) и перевод семантизированный, стремящийся к реконструкции глубинных информационных цепочек с помощью интерпретационных и трансформационных механизмов. Насколько оправдан выбор того или иного вида перевода (выделение лишь двух основных подвидов в высшей степени условно)? Если учитывать психические закономерности восприятия того или иного информационного блока (в особенности, эстетического), то становится ясным, что оптимизация процесса восприятия художественного текста происходит в зависимости не только от какого-то внешнелогизированного корпуса текстовых построений, но скорее от сопричастности реципиента ко всему сказанному автором и пересказанному переводчиком (конгломерат идей, переживаний, потребностей, установок, интересов, заблуждений, предрассудков и иллюзий), или, иными словами, от близости внутреннего текстуального мира реципиенту. Текст-перевод – это вторичная производная (вторичная, поскольку первичной производной индивидуального микроуниверсума является текст-оригинал) некоего коммуникативного универсума (термин И.Э.Клюканова), смысловое поле, возникшее как результат разницы потенциала в пространстве отношений автор / переводчик / читатель и коммуникативной дистрибуции задействованных знаков. Вживание в текст обусловлено силой притяжения поля; ср. [Пшенкина 2002: 91]. Другими словами, речь идет об эмоциональной напряженности текста и о его эстетизированной эмоции, близкой воспринимающему [Пищальникова, Сорокин 1993: 68]. При прецизированном переводе нередко применяется «точное» калькирование исходных языковых комбинаций, разрушающее внутренние семантические связи и нарушающее, а нередко полностью уничтожающее эмоциональную модальность текста-оригинала, в то время как перевод семантизированный апеллирует к эгоцентричности, образности, невербализованности первичного мира [Ошо 1991: 149]. Такой перевод воссоздает поэтику исходного текста как совокупность смысловых (концептуальных), семиотических и коммуникативных установок, направленных на реконструкцию в новом текстуальном

континууме эстетически значимых компонентов первичного текста и его всего как целого; ср. [Бутакова 2003: 41].

Сообразно с основным объектом перевода особую значимость приобретает поэтика текста, которая к тому же неотделима от своего активного субъекта (автора). Можно попытаться сформулировать несколько основных положений поэтики перевода, отражающих ее некоторые механизмы:

1. Принцип примата индивидуального (индивидуации). Текст – опредмеченная модель авторского микроуниверсума (семиосфера автора).

2. Постулат тотальности сознания автора. Первичный импульс текста, его смыслового и формального опредмечивания, принадлежит авторскому сознанию. «Авторское сознание – совокупность внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу информационно-смысловой, семиотической, коммуникативной, эмотивной систем, репрезентированных в тексте» [Бутакова 2003: 42].

3. Принцип доминантности сознания. В основе несходства текстовых моделей лежит неоднородность доминант сознаний автора и переводчика и нетождественность довербальных планов.

4. Постулат о смысловых универсалиях. Смысловые универсалии текста (неоднократно акцентированные инвариантные смыслы) предопределены доминантами сознания автора. При всей индивидуальности и разнообразии средств выражения основная цель автора – создать некую текстовую модель, апеллируя к глобальным психическим закономерностям восприятия, что и провоцирует вживание читателя в новую индивидуализированную модель реальности [ср. Бутакова 2003: 43].

Принимая во внимание специфику перевода как триединства «автор – текст – переводчик», важным становится также описание такого методологического компонента, как поэтика переводчика. Так называемая экспериментальная поэтика [Meschonnic 1972: 50, Meschonnic 1994] предполагает учет и общей поэтики перевода, и индивидуальной поэтики, при понимании последней как конгломерата индивидуальных интенций (целевых установок), включающих и мотивационный потенциал переводчика, о котором можно судить, исходя из переводческих принципов, методов и приемов: «Если в вопросах ритма при переводе стихов возможны, а иногда и необходимы приближенные решения, то в вопросах строфики поэт-

переводчик связан всецело» [Лозинский 1974: 182], см. также список возможных приемов (сокращенный перевод образа, расширенный перевод образа, изменение последовательности образа, замена образа его эквивалентом [Коптилов 1962: 35–40]).

Таким образом, рассматривая проблему в прагматическом ключе и учитывая социально обусловленную потребность интенсификации индивидуального проживания реальности, в качестве основополагающей можно выделить идею многодоминантности художественного перевода (термин П.Торопа [Тороп 1995: 87]). Принципиально важной становится не акцентуация отдельно взятого компонента, а органический синтез планов содержания и выражения в форме воссоздания первичных семантических цепей для реконструкции эмоциональной и эстетической модальности исходного текста как некой сущности, близкой внутреннему миру индивида.

ЛИТЕРАТУРА

- Базылев В.Н., Сорокин Ю.А.* Интерпретативное переводоведение. Ульяновск, 2000.
- Бутакова Л.О.* Языковое сознание индивида: постулаты когнитивной поэтики // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003.
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М., 1973.
- Коптилов В.В.* Трансформация художественного образа в поэтическом переводе. Л., 1962.
- Лингвистический энциклопедический словарь (под ред. В.Н.Ярцевой). М., 1990.
- Лозинский М.* Искусство стихотворного перевода // Багровое светило. Стихи зарубежных поэтов в переводе Михаила Лозинского. М., 1974.
- Лукин В.А.* Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
- Ошо.* Оранжевая книга. Измерения неведомого. М., 1991.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Введение в психопоэтику. Барнаул, 1993.
- Пшенкина Т.Г.* Ориентация переводчика в пространстве смысла // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. М., 2002.
- Тороп П.* Тотальный перевод. Тарту, 1995.
- Фикс У.* Проявляется ли культурная специфика в типах текста? // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. Воронеж, 2001.

Gauchet M. Essai de psychologie contemporaine // Le Débat, № 99, mars – avril, 1998.

Meschonnic H. Poétique et politique du traduire // Equivalences, № 24, 1994.

Meschonnic H. Proposition pour une poétique de la traduction // Langages, № 12, 1972.

Б.Н.Псеунова

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АДЫГОВ И РУССКИХ

В настоящий момент одной из центральных проблем в психолингвистике является исследование национально-культурной специфики речевого поведения и языкового сознания носителей той или иной культуры, а главной причиной непонимания при межкультурном общении признается не различие языков, а различие национальных (этнических) сознаний коммуникантов [Тарасов 1996].

Носители разных культур, говоря на одном и том же языке и используя в речи конкретное слово, опираются на тот образ сознания, который сформирован в их родной культуре. Объектом нашего исследования является национально-культурная специфика образов языкового сознания русских и адыгов, проживающих в Республике Адыгея, в гендерном аспекте.

Категория «гендер», введенная в понятийный аппарат науки в конце 60-х – начале 70-х гг. и используемая сначала в истории, историографии, социологии, психологии, была воспринята лингвистикой и оказалась плодотворной для прагматики и антропоцентристского языкознания в целом [Ласкова 2003]. Гендер – это научная категория, определяющая социально-культурные функции пола и позволяющая отличать эти функции от функций биологических (равно как от биологического пола – sex). Гендерная теория постулирует изучение социальных ролей как женщины, так и мужчины, имея объектом эмансипированное общество [там же].

В нашем небольшом эксперименте были обследованы три группы носителей русской и адыгской культур: 1) носители адыгской культуры, не владеющие адыгейским языком, для которых русский

язык является первым языком (в нашем эксперименте они обозначены как «Адыги 1» – мужчины и женщины; 2) носители адыгской культуры, владеющие адыгейским языком как первым и русским языком – как вторым («Адыги 2» – мужчины и женщины); 3) носители русской культуры, живущие в одном социуме с носителями адыгской культуры («Русские» – мужчины и женщины).

Мы провели эксперимент со студентами в возрасте 17–25 лет (средний возраст испытуемых – 18 лет). Выбор испытуемых определялся тем, что именно они будут составлять активное ядро общества в ближайшие 10–15 лет.

В пилотажном эксперименте приняли участие 154 испытуемых: 53 (27 женщин и 26 мужчин) испытуемых-носителей адыгской культуры, владеющих родным (адыгейским) и русским языками, 52 (25 женщин и 27 мужчин) испытуемых-носителей адыгской культуры, считающих русский язык своим первым языком и не владеющих родным адыгейским языком, и 49 (24 женщины и 25 мужчины) испытуемых-носителей русской культуры, проживающих в одном социуме с носителями адыгской культуры.

Эксперимент был проведен в ВУЗах города Майкопа (республика Адыгея), а именно: в Адыгейском государственном университете и Майкопском государственном технологическом университете.

Материалом исследования являются результаты свободного ассоциативного эксперимента, в котором в качестве слов-стимулов выступают 108 слов (список слов, разработанный сектором психолингвистики Института языкознания РАН).

По результатам ассоциативного эксперимента нами был проведен сопоставительный анализ содержания образов языкового сознания трех групп испытуемых. Так как нас интересовали, прежде всего, гендерные особенности языкового сознания, нам показалось логичным выделить из общего списка слов-стимулов те стимулы, которые входят в семантическое поле «Дом. Семья»: женщина, мужчина, счастье, дом, семья.

Полную иллюстрацию мы даем по двум стимулам *женщина* и *мужчина*, поскольку интересным, на наш взгляд, будет увидеть как мужчины и женщины «видят» друг друга.

На данные стимулы были получены следующие реакции: на стимул *женщина* от русских 1–мужчин были получены ассоциации: мать 3, влечение 2, красивая 2, мужчина 2, радость 2, половина 2,

дом, жена, красота, кормилица, леди, любовь, святое, секс, слабая, не человек, преподаватель, человек, чужая.

На тот же стимул у русских 1–женщин были получены следующие реакции: мужчина 5, мать 4, слабый пол 2, женственность, красота, красивая, молодая, она, опека.

Реакции, которые дали Адыги 1–мужчины на стимул *женщина*: красивая 5, мать 3, жена 2, она 2, грудь, жизнь, замужем, запах, ласковая, мужчина, ребенок, хозяйка, хорошо, умная.

Далее, Адыги 1–женщины: красивая 4, мать 4, умная 4, тетя 2, женский пол, жестокая, Ева, ласковая, мужчина, слабая, отлично, уважение.

Адыги 2–мужчины: мужчина 10, жена 3, красивая 2, большая, девушка, любовь, мужчина, ребенок, трудолюбивая, умная, юбка.

Адыги 2–женщины: мужчина 6, красивая 4, умная 3, хозяйственная 2, запах, жизнь, работница, хозяйка.

Посмотрим на ассоциации полученные всеми группами на слово-стимул *мужчина*.

Русские 1–мужчины: женщина 6, сила 5, сильный 4, отец, друг, девушка, работа, слабый, силач, человек, ум, я.

На тот же стимул у русских 1–женщин были получены следующие реакции: женщина 6, сильный пол 3, папа 3, человек 2, защитник отечества, зрелый, муж, мужественность, наглость, сила, симпатичный, смелость.

Реакции, которые дали Адыги 1–мужчины на стимул *мужчина*: женщина 3, высокий 3, я 3, он 2, крепкий 2, Адыг, герой, доход, женщина, женатый, защитник, красивый, рост, с бородой, сила, статный, отец, щетина.

Адыги 1–женщины: женщина 6, отец 2, моей мечты 2, бог, друг, достойный, красивый, мальчик, сильный, строгий, смелый, обман.

Адыги 2–мужчины: женщина 11, сила 2, брюки 2, высокий, девушка, смелость, крепкий, красивый, усы.

Адыги 2–женщины: женщина 6, сила 3, муж 3, парень 3, идет 2, воин 2, глава 2, бойкий, большой, крепкий, красивый, крутой, козел, смелость, образец для подражания, отец, понимать, человек.

Ассоциации на стимулы *женщина*, *мужчина*, *дом*, *семья*, *счастье* даны в таблице (см. таблицу). В таблице даются первые четыре самые частотные реакции.

Ассоциации на стимулы

	Русские 1		Адыги 1		Адыги 2	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Ж Е Н Щ И Н А	Мужчина 5	Мать 3	Красивая 4	Красивая 5	Мужчина 6	Мужчина 10
	Мать 4	Влечение 2	Мать 4	Мать 3	Красивая 4	Жена 3
	Слабый пол 2	Красивая 2	Умная 4	Жена 2	Умная 3	Красивая 2
	Красивая 1	Мужчина 2	Тетя 2	Она 2	Хозяйствен- ная 2	Большая 1
М У Ж Ч И Н А	Женщина 6	Женщина 6	Женщина 6	Женщина 3	Женщина 6	Женщина 11
	Сильный (пол) 3	Сила 5	Отец 2	Высокий 3	Сила 3	Сила 2
	Папа 3	Сильный 4	Моей мечты 2	Я 3	Парень 3	Брюки 2
	Человек 2	Отец 1	Друг	Он 2	Муж 3	Девушка 1
С Ч А С Т Ь Е	Радость 5	Радость 5	Радость 4	Любовь 5	Радость 3	Хорошо 3
	Любовь 4	Большое 3	Семья 3	Радость 4	Хорошо 3	Долгое 2
	Взаимопони- мание 2	Удача 2	Большое 2	Добро 3	Быть счаст- ливым 2	Дорога 2
	Все 2	Близкие люди 1	Жизнь 2	Семья 2	Человек 2	Мир (окру- жение)
Д О М	Родной 3	Жилье 4	Большой 3	Большой 2	Большой 5	Большой 4
	Очаг 3	Крепость 2	Семья 3	Высокий 2	Жилище 3	Маленький 3
	Родительский 2	Очаг 2	Очаг 3	Кирпичный 2	Высокий 2	Дверь 2
	Моя крепость 2	Хата 2	Моя крепость 2	Мой 2	Строить 2	Красивый 2
С Е М Ь Я	Уют 2	Моя 3	Дети 5	Большая 4	Дети 8	Дети 5
	Дружная 2	Большая 2	Большая 2	Дружная 2	Большая 5	Большая 3
	Моя 2	Брак 2	Дружная 2	Дом 2	Любовь 2	Красивая 2
	Самое доро- гое 1	Очаг 2	Любовь 2	Кровь 2		дом

В настоящий момент, проблемы статуса мужчины и женщины в адыгском обществе, вследствие эмансипации, встают все более остро. Всегда ограниченные в правах, женщины-адыгейки, теперь, не хотят довольствоваться положением только хранительницы домашнего очага. Адыги, будучи мусульманами, живут в обществе, где главную роль играют мужчины. Поэтому нам было интересно проанализировать ассоциативные поля таких слов-стимулов как *женщина* и *мужчина*.

Подводя итог нашему небольшому исследованию, мы можем сказать, что мы не согласны в целом с выводом о языковом сексизме [Ласкова 2003], т.е. патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке, и навязываемой носителям языка такой картины мира, в которой женщина, во-первых, играет второстепенную роль, а во-вторых, обладает негативными качествами. Ассоциации с негативом встречаются в нашем эксперименте лишь у мужчин-русских [напр. *слабая (1), не человек(1)*]. У мужчин-адыгов не встречается отрицательных характеристик. Кроме того, у мужчин-русских часто встречается ассоциации *мой, моя, мое*, что, в общем, присуще и женщинам той же группы, тогда как у адыгов обеих групп такие ассоциации не наблюдаются.

Таким образом, результаты нашего пилотажного эксперимента показывают, что различия в языковом сознании мужчин и женщин и русских и адыгов обусловлены не только гендером, но и особенностями образа мира русской и адыгской культур. И определяющая роль принадлежит именно «культуре, в которой происходит социализация личности, географическим условиям, традициям и обычаям, межпоколенно передаваемым и бытующим в определенной культуре, а также актуальным и злободневным событиям сегодняшнего дня» [Дашиева 1998: 200].

ЛИТЕРАТУРА

- Авксентьев В.А.* Лингводидактические и семантические проблемы изучения национально-культурной ценностной картины мира // Материалы 46 научно-методической конференции «XXI век – век образования». Ставрополь, 2001.
- Дашиева Б.В.* Образ мира в культурах русских, бурят и англичан // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
- Ласкова М.В.* Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики. Ростов-на Дону, 2001.
- Меретуков М.А.* Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Spencer E.* Travels in Circassia. London, 1839.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕКСТА

Цель статьи – определить экспериментальным путем роль эмоционально-смысловой доминанты (далее ЭСД) текста в репрезентации суггестивных интенций автора текста и выявить характер их воздействия на реципиентов. Эмоционально-смысловая доминанта – их компонент, интегрирующий смысловые структуры текста. Моделирование эмоционально-смысловой доминанты позволяет определить характер и параметры воздействия определенного текста на реципиентов, что может стать основой для сравнения силы их воздействия и представляет особый интерес для исследований в области неосознаваемого восприятия звучащей речи речевого произведения.

Теория эмоционально-смысловой доминанты дает возможность комплексного рассмотрения репрезентантов ЭСД, с одной стороны, как единиц текста, репрезентирующих воздействие и, соответственно, являющихся продуктом деятельности сознания и внесознательной сферы продуцента текста, с другой – как элементов воздействия на сознание и внесознательную сферу реципиента. В обоих случаях фокусом рассмотрения становится психика индивида, о внешняя в речевых единицах, что определяет психолингвистический подход и изучению проблемы.

Характер воздействия ЭСД можно выявить, изучая ее репрезентанты. Поэтому первоочередной задачей подготовки экспериментальной базы исследования стало выделение репрезентантов ЭСД текста и формирование критериев их описания, релевантных для целей определения характера воздействия на внесознательную сферу психики индивида. В своей работе мы опирались на уже проведенные исследования в данной области. Так теория определения ЭСД текста через анализ ее репрезентантов представлена в работах В.А.Пищальниковой [1992, 1999] и ее учеников И.В.Романовой [2002]; Е.Ю.Мягковой [1986], М.А.Балаш [1999]; И.Н.Шадринной [2001]; А.В.Кинцель [1998]. Репрезентантами ЭСД, попавшими в поле наших интересов, стали фоносемантические смысловые единицы тела текста как репрезентанта звучащей речи.

Единицы фоносемантики имеют особое значение для целей нашего исследования, поскольку звуковая оболочка текста – первое, что воспринимает реципиент еще на дорефлективном уровне, она направляет рефлексию индивида и, таким образом, является элементом суггестивным, т.е. акцентирующим область внесознательного восприятия. Единицей фоносемантического восприятия звучащей речи является звук, но в письменном тексте, вслед за А.П.Журавлевым, мы выделяем в качестве единицы звукобуквы и их совокупности, создающие определенные конфигурации звукового образа текста за счет преобладания или, наоборот, намеренного отсутствия звуков с определенными смысловыми характеристиками. В своем исследовании мы опираемся на методики изучения фоносемантических характеристик звучащей речи А.П.Журавлёва [1974]. Вместе с тем мы полагаем, что эти методики могут быть дополнены психолингвистическими. Так, в качестве метода исследования фоносемантики текста мы выбрали ассоциативный эксперимент и метод субъективного шкалирования. Последний метод очень важен для рефлективной оценки наличия эмоциональности в тексте.

Ассоциативный эксперимент по выявлению характера влияния эмоционально-смысловой доминанты как составляющей суггестивного содержания текста на носителей языка проводился среди студентов и преподавателей первой кафедры английского языка МГИМО МИД РФ. В эксперименте участвовали группы, соответствующие (по результатам отбора при зачислении) уровню знания английского языка не ниже Intermediate по международной системе стандартов. Исследование проводилось в два этапа путем предъявления анкет, которые испытуемые заполняли, время эксперимента было ограничено рамками аудиторного занятия, хотя варьировалось в зависимости от уровня группы. В среднем заполнение анкеты у студентов занимало 45 минут.

Экспериментальная анкета включала четыре текста: два стихотворных произведения и два отрывка из газетных статей. Разные жанры экспериментального материала позволили исключить возможность специфического влияния текстов определенного жанра и дали исследователю возможность выявить взаимосвязь между жанром текста и силой воздействия суггестивного компонента. Анкета содержала четыре задания к каждому тексту. В первом пункте ис-

пытуемые должны были решить, содержит ли текст эмоциональный компонент; во втором – если он присутствует, то является ли основная эмоция негативной или позитивной; третий пункт анкеты – непосредственно ассоциативный цепочечный эксперимент: испытуемые должны были написать 3–5 вербальных ассоциаций, появляющихся после прочтения текста; в четвертом пункте испытуемые должны были подчеркнуть в тексте элементы, репрезентирующие эмоциональный компонент.

Эксперимент проходил в два этапа. На первом этапе испытуемым предлагался печатный вариант текста. Но промежуточный результат показал, что понимание текстов студентами затруднено ввиду низкого уровня языковой компетенции: прочтение текста не вызывало никаких эмоций, кроме негативных, обусловленных реакцией протеста испытуемых на сложность текста («непонятно», «скучно», «неинтересно»). Мы предположили, что в силу низкой языковой компетенции у испытуемых отсутствует сложившийся образ английской звучащей речи, поэтому из процесса понимания текста исключено «звучащее тело» текста. Однако психолингвистами доказано, что текст – неразрывное единство субстанциально-структурно-смысловых составляющих, а звуковая субстанция текста является носителем ее эмоциональной доминанты и при восприятии направляет реципиента в определенное ассоциативно-эмоциональное «русло» смысловой доминанты текста. Поэтому условия проведения эксперимента были скорректированы: тексты были записаны на аудиокассету и далее предъявлялись испытуемым в формате аудирования. После их прослушивания и выполнения первых трех пунктов анкеты, испытуемые приступали к прочтению и подчеркиванию элементов текста.

В режиме аудирования всего было опрошено 102 студента в возрасте 17–25 лет. Порядок предъявления текстов варьировался, чтобы исключить момент усталости или влияния жанра текстов, предъявляемых первыми, на воспринимаемые следом.

В качестве экспериментальных текстов публицистического жанра испытуемым предлагались отрывки из газетных статей, а не законченный текст, с целью, насколько это возможно, уменьшить влияние понимания идеи всего произведения. Публицистические тексты выражают идею произведения как опосредованно, скрыто, так и эксплицитно: через лексические единицы. Это делает текст

доступным немедленному рефлексивному осмыслению. В отличие от поэтических текстов, где на первое место выходят латентные единицы – носители эмоционально-смысловой доминанты, в публицистике репрезентанты авторской суггестии сохраняют свое воздействие, но на первый план выходит уровень лексики, поскольку ассоциативные связи лексем обнаруживаются регулярно и потому более очевидны. В качестве экспериментального материала мы взяли заключительные резюмирующие абзацы двух статей из рубрики «Opinion» (Economist), посвященные социальным проблемам, по тематике не ограниченные рамками определенного лингво-культурного социума. Выбор тематики помог свести к минимуму сложность понимания, связанную с разницей образов мира испытуемых и авторов иноязычного текста. Неполнота содержания фрагментов текста, как и следовало ожидать, затруднила процесс рефлексии. В ходе эксперимента испытуемые вынуждены были искать дополнительные, латентные источники получения информации об эмоционально-смысловой доминанте всего произведения, опираясь, в частности, на фоносемантическую составляющую текста как репрезентанту эмоционально-смысловой доминанты.

В качестве критерия отбора экспериментального публицистического текста мы взяли выдвинутое в работах И.А. Авдеенко [2001] и Е.Г.Толкуновой [1998] предположение о том, что языковая перегруженность лексическими единицами, объединенными синонимическими связями на уровне языка как системы и расширяющими эмоциональный компонент одного элемента содержания, обладает определенным суггестивным воздействием. Она выделяется вышеупомянутыми исследователями как репрезентант вербальной суггестии.

Таким образом, оба публицистических текста, выбранных нами в качестве экспериментальных, содержат сложные синонимические ряды определений.

Во всех текстах количество испытуемых, определивших наличие эмоциональной доминанты, значительно превышает количество людей, считающих, что таковая отсутствует (см. таблицу 1).

Как видно из таблицы, один поэтический текст и один отрывок газетной статьи более чем в 90% случаев были выделены как имеющие определенную эмоциональную доминанту.

Таблица 1

**Количество испытуемых, определивших наличие
эмоциональной доминанты текстов**

Экспериментальный материал	Да	Нет
Текст 1 “All we were going strong...”	93 (91.2%)	9 (8.8%)
Текст 2 “Huffy Henry...”	81 (79.4%)	21 (20.6%)
Текст 3 “None of the following...”	61 (59.8%)	41(40.2%)
Текст 4 “But opposition...”	92 (90.2%)	10 (9.8%)

Более всего затруднений у испытуемых в определении наличия смыслового эмоционального компонента текста вызвал отрывок газетной статьи “None of the following...”. Мы полагаем, что, с одной стороны, наличие большого количества однородных смысловых синонимов, репрезентированных синонимичными однородными определениями, сложных для понимания реципиентов уровня Intermediate, осложнило понимание смыслового компонента ЭСД, с другой – уровень компетенции определил, что в 41% случаев фокус рефлексивного уровня понимания переместился на восприятие смысловых структур, которые представляли особую сложность. Таким образом, другие элементы ЭСД остались вне рефлексии. Мы предположили, что метод свободного ассоциативного эксперимента, направленный на выявление характеристик суггестивного воздействия текста, поможет верифицировать полученные на первом этапе эксперимента результаты.

Меньше всего затруднений в процессе понимания вызвали в одинаковой степени текст 1 – поэтический, и текст 4 – публицистический. Почему же здесь не проявилось влияние жанра, не подтвердилось почти общепринятое положение об исключительности поэтического жанра как обладающего большей выраженностью эмоционального компонента? Почему затруднение вызвало понимание второго поэтического текста? Мы предположили, что жанр произведения не играет исключительной роли при определении наличия эмоциональной доминанты, поскольку эмоционально-смысловая доминанта как носитель суггестивного воздействия направлена на область внесознательного восприятия реципиента.

С другой стороны, анализ второго пункта анкеты выявляет влияние жанра произведения на рефлексивную деятельность испытуемых и, возможно, влияние через структуры внесознательной области психического целого. Так, при анализе субъективного шкали-

рования положительности/отрицательности эмоционально-смысловой доминанты экспериментальных текстов выявилась разница показателей соотнесения эмоции с тем или иным пунктом шкалирования при прямом и обратном порядке предъявления материала.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу экспериментального материала, необходимо определиться с терминами. Под прямым порядком предъявления материала мы подразумеваем предшествование поэтических текстов публицистическим, а под обратным, соответственно, предшествование публицистических текстов поэтическим. При анализе полученных данных анкеты прямого и обратного порядков предъявления текстов обрабатывались отдельно, чтобы выявить присутствие или отсутствие влияния жанра предыдущего текста на восприятие последующих текстов другого жанра. Далее ответы испытуемых рассортировывались по предложенным делениям шкалы, т.е. «+», «-» и «+\-». Полученные результаты сведены в таблицы.

Таблица 2

Субъективное шкалирование положительности/отрицательности эмоционально-смысловой доминанты экспериментальных текстов. Прямой и обратный порядки предъявления

	Прямой порядок предъявления (52 человека)				Обратный порядок предъявления (50 человек)			
	Да +	Да -	Да +\ -	Нет	Да +	Да -	Да +\ -	Нет
Текст 1 All we were going strong ...	22 чел.	18 чел.	7 чел.	5 чел.	16 чел.	16 чел.	14 чел.	4 чел.
	42 %	34.6 %	13.4 %	9.6 %	32 %	32 %	28 %	8 %
Текст 2 Huffy Henry ...	12 чел.	20 чел.	8 чел.	12 чел.	5 чел.	31 чел.	5 чел.	9 чел.
	23 %	38.5 %	15.4 %	23 %	10 %	62 %	10 %	18 %
Текст 3 None of the following...	12 чел.	11 чел.	8 чел.	21 чел.	12 чел.	14 чел.	4 чел.	20 чел.
	23 %	21.2 %	15.4 %	40.4 %	24 %	28 %	8 %	40 %
Текст 4 But opposi- tion...	24 чел.	15 чел.	6 чел.	7 чел.	15 чел.	24 чел.	8 чел.	3 чел.
	46.2 %	28.8 %	11.5 %	13.5 %	30 %	48 %	16 %	6 %

Результаты, представленные в диаграммах, выглядят так:

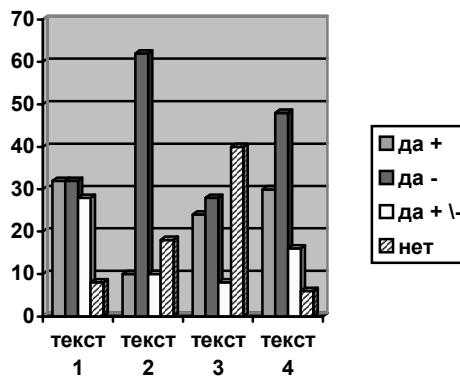
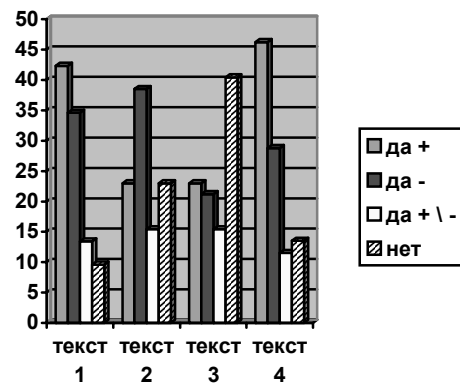

Диаграмма 1

В трех текстах из четырех (в текстах 1, 2 и 4) количество испытуемых, определивших эмоцию текста как положительную при прямом порядке предъявления, значительно (более чем на 7%) больше, чем при обратном. При этом в тексте 3, вызвавшем больше всего затруднений при определении наличия эмоциональной доминанты, показатели практически равны, т.е. не отклоняются в сторону превосходства показателя «+» при обратном порядке предъявления. И, наоборот, в трех текстах из четырех (тексты 2, 3 и 4) количество и процентное соотношение испытуемых, определивших

эмоцию текста как « – », меньше при прямом порядке предъявления; в тексте 1 наблюдается небольшое смещение показателей в другую сторону (34,6% при прямом порядке и 32 % при обратном).

Так, в таблице 3 выделены графы, в которых при субъективном шкалировании показатели прямого и обратного порядка предъявления значительно отличаются. Светлым тоном помечены графы, где показатели прямого порядка предъявления выше, чем при обратном порядке предъявления, а темным, соответственно, графы, где показатели обратного порядка предъявления больше, чем прямого. Разница показателей процента испытуемых, отнесших тексты 1–4 к определенной графе, в выделенных графах составляет не менее 7 %, а в большинстве граф намного больше (см. таблицу 4).

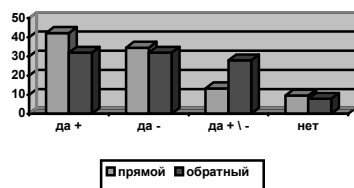
Таблица 3

Процентное соотношение количества испытуемых, определивших и не определивших наличие эмоционально-смысловой доминанты в ходе субъективного шкалирования

	Да +		Да –		Да + \ –		Нет	
	Прям.	Обрат.	Прям.	Обрат.	Прям.	Обрат.	Прям.	Обрат.
Прямой Текст 1	42.3	32	34.6	32	13.4	28	9.6	8
Обратн. Текст 3								
прямой Текст 2	23	10	38.5	62	15.4	10	23	18
Обратн. Текст 4								
прямой Текст 3	23	24	21.2	28	15.4	8	40.4	40
Обратн. Текст 1								
прямой Текст 4	46.2	30	28.8	48	11.5	16	13.5	6
Обратн. Текст 2								

Полученные результаты для большей наглядности могут быть представлены в диаграммах:

Текст 1

Текст 2

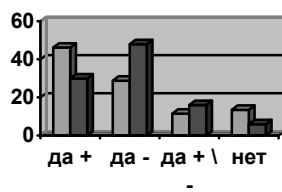
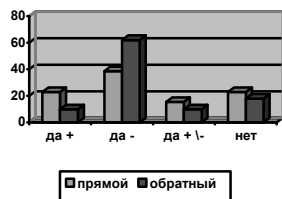
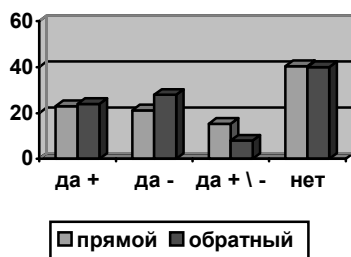

Диаграмма 2

Таким образом, при прямом порядке предъявления в целом испытуемые склонны определять эмоцию текста с перевесом в сторону «+», следовательно, жанр произведения определенным образом воздействует на восприятие реципиента, что выявляется в ходе моделирования результатов субъективного шкалирования эмоционально-смысловой доминанты. Вероятно, это влияние жанра осуществляется на уровне внесознательном, поскольку разница процента испытуемых, давших ту или иную характеристику текста при шкалировании в случаях граф «+» и «-», отличаются от разницы процента в графах «+/-» и «нет», где наблюдается большее разнообразие результатов (см. таблицы 4 и 5).

Еще одна весьма интересная особенность, проявившаяся в ходе обработки материала, состоит в следующем: в таблице данных, полученных при шкалировании эмоциональности по двухполярной шкале, в каждом представлении выделены графы, в которых показатели процента испытуемых, отнесших определенный текст (текст А) к одному из трех возможных вариантов окрашенности эмоционального компонента (да +, да - и да +/-), при прямом и обратном порядке предъявления отличаются незначительно по сравнению с показателями в других графах (см. таблицу 4).

Таблица 4

Разница показателей процента испытуемых по результатам субъективного шкалирования ЭСД

	Да +	Да -	Да +/-
Текст 1	10.3	2.6	14.6
Текст 2	13	23.5	5.4
Текст 3	1	6.8	7.4
Текст 4	16.2	19.2	4.5

Светлым тоном здесь выделены показатели максимального совпадения результатов. Таким образом, в каждом тексте один из показателей разницы значительно меньше остальных. Например, в тексте 1 – **2.6** в графе «да -», по сравнению с остальными показателями: 10.3 в «да +» и 14.6 в «да +/-»; в тексте 2 – **5.4** в графе «да +/-», по сравнению с 13 в «да +» и 23.5 в «да -»; в тексте 3 – **1** в «да +», по сравнению с 6.8 в «да -» и 7.4 в «да +/-»; в 4 тексте – **4.5** в графе «да +/-», по сравнению с 16.2 в «да +» и 19.2 в «да -».

Следовательно, существует некая закономерность распределения показателей: в каждом тексте присутствует один показатель разницы процента совпадения количества испытуемых, шкалиро-

вавших текст по одной из трех предложенных граф, значительно меньший, чем оставшиеся два. К тому же показатели разницы процента испытуемых, не определивших наличие эмоциональной доминанты в том или ином тексте (т.е. в графе «нет»), также невысоки и находятся в определенной связи с показателями разницы в графах субъективного шкалирования. Очевидно, что показатели разницы связаны каким-то образом между собой, поскольку чем меньше разница в графе «нет» и, соответственно, в одной из граф субъективного шкалирования, тем меньше показатели в двух оставшихся графах (см. таблицу 5).

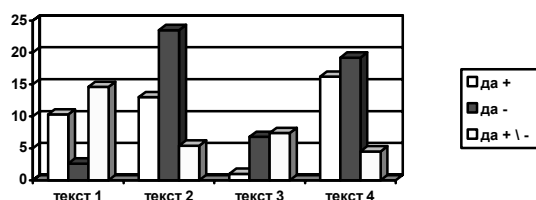

Диаграмма 3

Вывод: существует некая константа зависимости между результатами субъективного шкалирования, которая указывает на присутствие неосознаваемого суггестивного эмоционального компонента, определяющего среднее совпадение результатов одной из граф. Несмотря на то, что субъективное шкалирование предполагает в первую очередь рефлексию, процесс осознаваемый, совпадение показателей разницы результатов в процессе моделирования данных, полученных экспериментальным путем, демонстрирует неосознаваемость влияния жанра произведения на восприятие реципиента.

Таблица 5

Сравнение показателей разницы процента испытуемых при прямом и обратном порядке предъявления по результатам субъективного шкалирования ЭСД

	Маленькие показатели разницы		Два оставшихся показателя разницы субъективного шкалирования (да +, да -, да +\ -)	
	Переменная графа субъективного шкалирования (да +, да -, да +\ -)	«нет»		
Текст 1	2.6	1.6	10.3	14.6
Текст 2	5.4	5	13	23.5
Текст 3	1	0.4	6.8	7.4
Текст 4	4.5	7.5	16.2	19.2

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеенко И.А.* Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста. Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
- Балаш М.А.* Фоносемантические структуры текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование). Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
- Журавлёв А.П.* Содержательность фонетической формы знаков в современном русском языке. Саратов, 1974.
- Кинцель А.В.* Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
- Мяжкова Е.Ю.* Психолингвистическое исследование эмоциональной нагрузки слова. Дисс. канд. филол. наук. М., 1986.
- Пищальникова В.А.* Проблема смысла поэтического текста: психолингвистический аспект. Барнаул, 1992.
- Пищальникова В.А.* Психопоэтика. М., 1999.
- Романова И.В.* Обусловленность переводческой деятельности универсальными стратегиями понимания текста. Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
- Толкунова Е.Г.* Суггестологическое описание современных русских рекламных текстов. Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
- Шадрина И.Н.* Фоносемантическая доминанта как структурообразующий компонент текста перевода. Дисс. канд. филол. наук. Барнаул, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Семантика и прагматика лексических единиц и грамматических категорий	7
<i>Алексеева В.Е.</i> Прилагательные <i>красивый</i> и <i>прекрасный</i> у Л.Н.Толстова: этическая и эстетическая оценка.....	7
<i>Бушуева В.В.</i> Функционирование базовых лексем кулинарной сферы в современном ительянском языке	19
<i>Ветров П.П.</i> Основные коды языковой культуры в образном мировидении китайского этноса (на материале идиоматики «привычных речений»)	28
<i>Зяблова О.А.</i> Определение термина в когнитивно-дискурсивной парадигме знания.....	43
<i>Мартинская О.А.</i> Особенности формирования сложных оценочных существительных (на материале португальского языка).....	54
<i>Маццола Е.</i> Русская частица <i>же</i> и ее переводные соответствия в итальянском языке (опыт сопоставительного анализа).....	65
<i>Мичугина С.В.</i> Модели лексикографического описания цветообозначений в английском языке	86
<i>Петрова М.А.</i> К имплицитной модализованности русских предложений со значением возможности	98
<i>Тенова Л.Б.</i> К семантике употребления прошедшего времени глагола в алтайском языке.....	108
Сравнительно-исторические и типологические исследования	127
<i>Авдеев Е.В.</i> Вопросительные слова, их свойства и аналоги	127
<i>Мельников А.С.</i> Современная скандинавская просодика и проблемы реконструкции прагерманской акцентуации	138
Принципы анализа текста. Теория речевых актов	154
<i>Мосолова И.Ю.</i> Определение комплимента в русских и французских лексикографических изданиях	154
<i>Репина П.А.</i> Неопределенность и недоговоренность в диалогах Ф.М.Достоевского	171
<i>Степанова М.А.</i> Заголовок в макроструктуре интервью (на материале журнала “Spiegel”)	184

Морфосинтаксис и синтаксис словосочетаний	199
<i>Карпов В.И.</i> К вопросу об отношении сложных слов и словосочетаний в готском языке	199
<i>Шубина Э.Д.</i> О некоторых логических основаниях для разграничения способов выражения точности и приблизительности в немецком языке (в синхронии и диахронии)	215
Психолингвистика	224
<i>Лузгина Е.В.</i> Определение оптимального соотношения родной и иностранной речи на уроке: экспериментальное исследование	224
<i>Нуриев В.А.</i> Прагматический аспект художественного перевода	232
<i>Псеунова Б.Н.</i> Гендерные особенности языкового сознания адыгов и русских	240
<i>Симкина Е.О.</i> Экспериментальное исследование фоносемантической составляющей текста	245

Научное издание

Проблемы и методы современной лингвистики

Сборник научных трудов

Выпуск 1

Компьютерная верстка

И.В.Самарина

Формат 60x90/16

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. Тираж

Заказ №